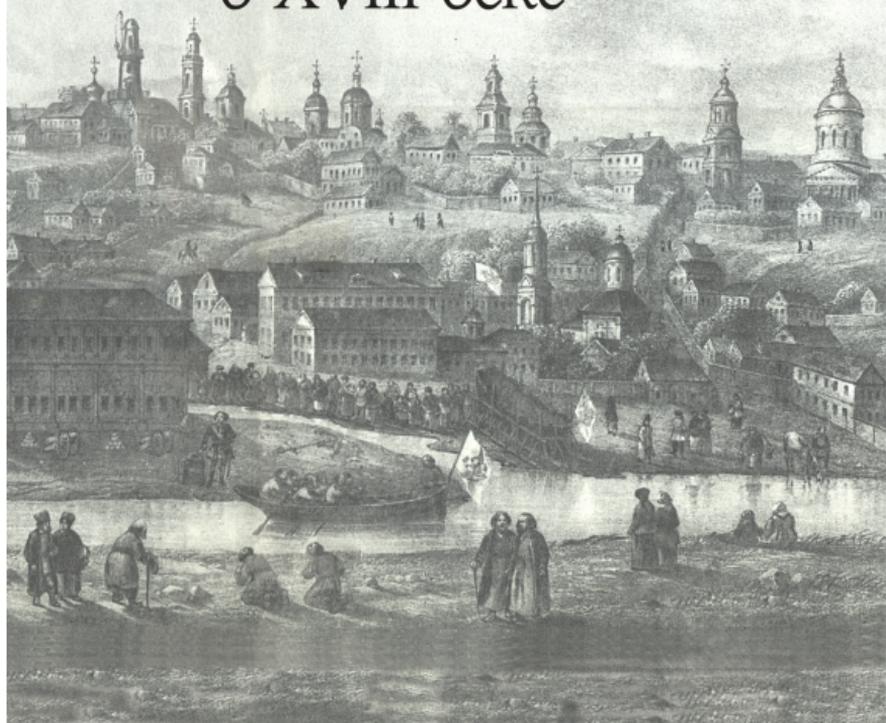

Е. ПОСЕЛЯНИН

Очерки
из истории
русской церковной
и духовной жизни
в XVIII веке

Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке /
Е.Поселянин //Сатись, Санкт-Петербург, 2011
ISBN: 978-5-7373-0217-2
FB2: Олег Власов "prussol", 05 August 2019, version 1
UUID: 4240412a-b5d5-11e9-94d9-0cc47a5f3f85
PDF: fb2pdf-j.20180924, 29.02.2024

Евгений Николаевич Поселянин

Очерки из истории русской церковной и духовной жизни в XVIII веке

В тесных рамках настоящей книги мы рассмотрим выдающиеся события в русской духовной жизни XVIII века и помянем труды этих подвижников веры и просвещения духовного, чьи руки спасли Россию от великой угрожавшей ей опасности умаления в ней праотеческой веры и вывели из бурь корабль Русской Церкви с нерастраченным ее сокровищем – всю полнотою и истинною Православия.

Содержание

#1	0005
Предисловие	0006
Глава I	0008
Глава II	0032
Глава III	0047
Глава IV	0088
Глава V	0113
Глава VI	0139
Глава VII	0173
Глава VIII	0235
Глава IX	0268

Евгений Поселянин
Очерки из истории русской
церковной и духовной жизни
в XVIII веке

По благословению
Митрополита Санкт-Петербургского и
Ладожского
ВЛАДИМИРА

Предисловие

Почти весь восемнадцатый век представляет собой одну из самых тяжелых эпох русской истории.

То был век полного переустройства практически во всех областях жизни. Как часто болезнен бывает чрезмерно быстрый рост организма, так же болезненно было многое в тех коренных, внезапных преобразованиях, которые точно желали искоренить все старое, даже если оно было хорошо: искоренить только лишь оттого, что оно было старое, а на месте этого старого насадить новое, не всегда удачное.

В этой погоне за нововведениями были чрезмерные увлечения, преувеличения. Желали освежить религиозную жизнь народа – и ударились в протестантизм; желали усовершенствовать монашество – и чуть было не разрушили его.

Но, слава Богу, время и жизнь исправили все, что непрочного, скороспелого было в реформах XVIII века.

И, если мы сравним время Феофана – эту

эпоху доносов, судов над архиереями, погибавшими в ссылках и казематах, – с эпохой Платона, стоявшего на рубеже XVIII и XIX веков (несмотря на то, что и при нем были недочеты в положении Церкви), – мы будем удивлены чрезвычайною разницею между настроениями и, так сказать, колоритами обеих эпох. В первой – общая смятенность, подавленность, страх; во второй – тишина и спокойствие.

Глава I

Религиозные воззрения Петра Великого. Недовольство приверженцев старины. Последний Патриарх Адриан. Переходное время. Монастырский приказ. Местоблюститель Степан Яворский и его стояние за православие

Последний Патриарх Московский Адриан был человек старого склада, со столь неподвижными убеждениями, что никак не мог сочувствовать деятельности Петра, страстною рукой увлекавшего Россию по пути реформ.

Насколько Патриарх Адриан был верен старине, видно из того, что он предавал анафеме брадобритие, что курение табака возбуждало в нем ненависть такую же, как и лютеранские верования. В одной из своих проповедей он жалуется, что многие «от пипок табацких и злоглагольств люторских, кальвинских и прочих еретиков объюродели». В этой проповеди его звучит глубокое недовольство вольнодумством нового времени:

«Совратясь со стезей отцов своих, говорят: “Для чего это в Церкви так делается? Нет в этом пользы, человек это выдумал...” Едва только святым книгам узнает имя или склад словесный, и уже учит архиереев и священников, монастыри правит, устроляет чин церковный».

В начале царствования Петра, когда юный царь сперва был под опекою царевны Софьи, потом под влиянием матери своей, Натальи Кирилловны Нарышкиной, до того ненавидящей иностранцев, что она нигде не допускала их к своей руке, – такое направление не шло вразрез с главным течением времени.

Но Петр вырос, созрел, его характер отлился в оригинальные формы. В нем не было духа древнего великорусского благочестия, он не дорожил формами этого благочестия, хотя был человек глубоко верующий. Он всем существом своим был практик. Учившись на ходу, среди потех, он бросился прежде всего к тому, в чем видел пользу. Не вероисповедные толки, не блеск богослужений церковных, к чему так лежала душа былых московских князей и царей, занимали Петра, а крепости,

верфи, флоты, пушки, ремесла. Большинство прежних русских людей не решились бы знаться с еретиками – иностранцами. Петр же без всякого сомнения пошел к ним за внешними знаниями.

Суровый делец с какою-то болезненной ненавистью к религиозной исключительности: таков был Петр, и таким вышел он отчасти благодаря обстоятельствам. В начале его царствования произошли страшные бунты тупых приверженцев старины, называвших себя староверами, волнения невежественной черни под личиною веры, во имя будто бы древнего православия, заговор на жизнь Петра, восстание стрельцов. И то, что все эти люди прикрывались мнимою религиозностью, выставляли веру отцов как знамя, за которое они боролись, – все это и образовало в Петре такую вражду ко всему, что имело вид религиозной обособленности и исключительности. Эти же обстоятельства придали реформам Петра крутой, насильственный, несколько даже жестокий характер.

Но глубокою несправедливостью было бы обвинять Петра в недостатке любви к России,

в отсутствии религиозных чувств. Россию он любил пламенно и в отношениях к Европе видел лишь орудие для усиления России. «Европа, – писал он, – нужна нам только на несколько десятков лет. А после того мы можем обернуться к ней задом».

Служение России, ежедневный настойчивый труд для нее представлялись Петру высокой религиозною обязанностью.

«О Петре ведайте, – говорил он пред Полтавскою битвою, – что ему жизнь не дорога; жила бы только Россия во славе и благоденствии». «Молись и трудись, – повторял он часто и прибавлял к этому слова апостола, – аще кто не хочет “делати, ниже да яст”». Раз он написал боярину Стрешневу: «Мы по заповеди Божией к праотцу Адаму в поте лица своего хлеб едим». Петр сознавал, что самые упорные труды могут быть неудачны, если не будет на них Божия благословения. На это указывают его слова: «Быть трудолюбивым и честным – вот лучшая политика человека, власть имущего. Приносит она, однако же, мало пользы, если не сопутствует ей благословение Божие». В великих обстоятельствах

своей жизни Петр всегда с особою силою помнил о воздействии Провидения. Так, по случаю взятия Азова, Петр писал Шереметеву: «Письмо ваше о пресчастливой победе с превеликою радостью приняли и Господу Богу сердечно благодарили. Ибо таковые случаи Ему единому приписывать достоин». При известии о заключении мира со Швецией царь писал: «Николи наша Россия такого полезного мира не получала. За еже все – да будет Богу, всех благ виновнику, выну хвала». После неудачи с турецкой армией на берегах Прута Петр писал в Сенат: «Так воля Божия благоволит, и грехи христианские допустили. Но мню, что праведный Бог может к лучшему сделать».

Петр маливался Богу. По праздникам ходил в церковь и по живости своего характера пел на клиросе, читал Апостол. Но все же нельзя сказать, чтобы он отличался особою набожностью. Все проявления древнерусской набожности: постничество, многочисленные земные поклоны, много свеч, зажженных пред образами, любовь к звонким колоколам – все это ему не нравилось, было не в его

духе. Но порою религиозное чувство вспыхивало в нем с силою, искавшею внешнего выражения. Когда после страшной бури на Белом море он пристал к берегу у Петроминского монастыря, то, полный благодарности к Богу за спасение жизни, поставил в память об этом крест. Одержав Полтавскую победу, которая прославила Россию громкою славою и дала ей значительное место среди европейских держав, Петр, под наплывом сильного религиозного чувства, собственноручно воздвиг на поле битвы крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся в лето от воплощения Бога Слова 1709». Проживая дни лечения в Богемии, в Карлсбаде, Петр часто удалялся для уединенной молитвы на гору неподалеку, где доселе деревянный крест означает место царской молитвы.

Однажды государь прибыл в Смоленск для казни взбунтовавшихся стрельцов. Когда преступники были уже подведены к плахе, из толпы народа к ногам государя бросилась игуменья Смоленского монастыря Марфа с громким воплем о помиловании. Царь смягчился

душою от этой неожиданной мольбы, подал рукою знак остановить казнь и отменил ее. Ощущая сладость прощения и желая отблагодарить Марфу, царь приказал, чтоб она требовала от него, чего пожелает, и что он все исполнит. Марфа просила воздвигнуть в ее обители вместо деревянной – каменную церковь, что и было сделано.

Переезжая в Петербург, Петр перевез из Москвы много прославленных чудотворных икон. Так, перевез он знаменитую Казанскую икону, свою келейную – Нерукотворного Спасителя, находящуюся поныне в «домике Петра Великого» на Петербургской стороне, Знамения Царскосельскую, Всех Скорбящих Радости.

Но, как всегда бывает с людьми страстного характера, несочувствие Петра к набожности древнерусского склада выразилось в формах чересчур резких, иногда непристойных и даже неостроумных.

Так, Петр учредил «всешутейший и всепьянейший собор», во главе которого поставил бывшего своего учителя, пьяницу Никиту Зотова, с титулом патриарха Иренбургского,

Яузского и всего Кокуя; членам этой шутовской компании были розданы имена епископов, диаконов и так далее; сам Петр принял на себя должность протодиакона.

Понятно, что такие поступки сильно возбуждали против Петра и его серьезных реформ ту часть русского общества, которая чтит старину. И дело дошло наконец до того, что некоторые стали считать его антихристом. К чувству оскорбленного национального достоинства, раздраженного и задетого неуместными придатками реформ Петра, присоединилась и великая экономическая тягота, так как реформы, особенно военная часть, требовали громадных расходов.

Помимо издержек на военное дело, дорого стало русскому народу и построение Петербурга, к которому сгоняли плотников, каменщиков и разнообразных мастеров.

Не в одной среде старой родовой Москвы, крепко привязанного к старине служилого сословия и являющегося всегда консервативным элементом духовенства деятельность Петра осуждалась и вызывала тяжелое чувство. В скорости, с какою Петр преобразовыв-

вал Россию, было, конечно, что-то непосильное народу, который напрягался из последних сил.

Насколько правительству приходилось быть изобретательным в собирании денежных ресурсов с народа, видно, например, из указа о гробах от 15 января 1705 года: велено было отобрать дубовые гробы, наказывая неприславших; собранные продавать по цене вчетверо; если принесут покойника в дубовом гробе без указанного ярлыка, допрашивать.

Поборы натурою были постоянно. Монастырский приказ, ведавший по смерти Патриарха Адриана монастырями и их имениями, постоянно должен был доставлять на государственные надобности крупные средства. В 1705 году последовал указ: архиереям и настоятелям монастырей давать жалованье «против прежних дач с убавкою», и очень значительною, «а в архиерейских домах всяких чинов людям» давать половину, а «другую половину собирать в монастырский приказ на дачу жалованья ратным людям».

В Москву с монастырей требовали лоша-

дей на смотр, не годятся ли для военного дела, требовали каменщиков, кирпичников, столяров, кузнецов, и печатников, и денег, денег, денег для корабельной стройки. Для верфей, для войн.

В 1707 году Петр, нуждаясь в деньгах для войны, дал приказ прислать в Москву из архиерейских домов и монастырей серебряную казенную посуду, оправленную серебром сбрую и ломаное серебро, кроме освященных сосудов и церковных вещей.

Что силы населения были истощены, видно, например, из того, что сочувствовавший реформам Петра Новгородский митрополит Иов пишет Государю челобитную с просьбой освободить его от посылки плотников на Воронежскую верфь, а позже говорит о невозможности выслать денег: «У меня денег нет. Да освободит великий Государь нас от такого несносного и невозможного даяния».

Вот на почве этого экономического изнурения и всякое неудовольствие духовною, так сказать, стороною реформы принимало болезненное направление, выражавшееся хоть бы в признании Петра антихристом.

Жаловались даже солдаты, жаловались горько. Сохранилось интересное подметное письмо 1716 года.

«Уже тому 15 лет, как началась война со шведом. Нигде мы худо не сделали и кровь свою не жалеючи проливали, а и поныне себе не видим покою, чтобы отдохнуть год или другой; жен и детей не видим. Сравняли нас с посохою, как пришел из кампании, из лесу дрова на себе носи, и день, и ночь упокою нам нет... Уже чрез меру лето и осень ходим по морю, чего не слыхано в свете; а зиму также упокою нет на корабельной работе, а иные на камнях зимуют, с голоду и холоду помирают. А государство свое все разорил, что уже в иных местах не сыщешь у мужика овцы».

Конечно, Петр сознавал это недовольство населения, которому в государственных видах должно было напрягаться до последней возможности. Он глубоко страдал, видя непонимание своих стремлений, своей жажды быстро, гигантским шагом, двинуть Россию вперед.

И особенно тяжело ему было видеть несо-

чувствие себе в лицах, стоявших на высоте, всеми видных, задававших общий тон. А первым из таких лиц был Патриарх.

Глубокая внутренняя рознь была между Петром и последним русским Патриархом Адрианом. Петр не принимал от него того, что принимал от совершенно неизвестных ему лиц.

Выше было рассказано, как смоленская игуменья Марфа вымолила у Петра избавления стрельцов от казни. Патриарх Адриан в Москве, помня древнее право святителей московских печаловаться за опальных, пришел в застенок с иконою Богоматери на руках и молил царя о пощаде стрельцов. Петр не принял его печалования. «Зачем ты здесь? – закричал он. – Скорее уходи и поставь икону на свое место. Знай, что я не меньше твоего чту Бога и Его Пречистую Матерь, но мой дом и истинное благочестие обязывают меня заботиться о народе и карать злодеяния, ведущие к общей гибели».

Сперва Адриан резко осуждал иноземные обычаи, вводимые царем, но скоро должен был замолчать. Последнее время он жил без-

выездно, ни во что не вмешиваясь, под Москвой, в своем любимом Николо-Перервинском монастыре.

Народ был этим недоволен и говорил: «Какой он Патриарх? Живет из куска, бережет мантию да клобук белый, затем и не обличает».

В этом безучастии Патриарха Петру виделось пассивное сопротивление реформам. Он казался Петру как бы сосредоточением недовольства всей страны. Пусть он сейчас молчал. Он или его преемник мог заговорить, а Петр знал, что, в случае резкого осуждения Патриархом реформ, выйдет еще более хлопот и недоразумений, чем с Никоном. Когда Адриан в 1700 году умер, Петр, не уверенный в том, что найдет среди высшего духовенства лиц, безусловно сочувствующих его преобразованиям, решил повременить с выбором нового Патриарха. Начавшаяся Шведская война дала ему повод продлить переходное положение под тем предлогом, что ему недостает душевного спокойствия, необходимого при выборе столь значительного лица, как Патриарх. Это было первым шагом к отмене патри-

аршества.

Рязанский митрополит Стефан Яворский был назначен местоблюстителем патриаршего престола. А патриаршим домом, домами архиерейскими и монастырскими велено было ведать боярину Мусину-Пушкину: «сидеть на патриаршем дворе в палатах и писать монастырским приказом».

Ведомству этого учрежденного (или, вернее, возобновленного 24 января 1801 года) приказа подлежало управление патриаршими, архиерейскими, монастырскими и церковными вотчинами; устройство и содержание тех церковных учреждений, от которых были отобраны в собственность государства эти вотчины; установление штатов, назначение настоятелей, строительная часть, посредничество между Церковью и государством. Учреждением этого приказа сделан был первый шаг по переводу церковных вотчин в безусловное ведение государства. Тотчас по учреждении приказа начали составлять переписи всего церковного имущества. По архиерейским домам и монастырям разосланы были стольники, стряпчие, дворяне и приказ-

ные.

Отмена патриаршества сильно не понравилась многим приверженцам старины, которые боялись, что эта отмена поведет за собою потерю церковной самостоятельности. Наместник патриаршего престола был ограничен собранием очередных епископов, вызывавшихся попеременно из епархий в Москву. Совещания между местоблюстителем и этими епископами представлялись на утверждение Петра. Участие в духовном управлении светской власти стало сразу весьма значительным. Совершенно устраненный монастырским приказом от множества упомянутых выше весьма важных дел, состоявших раньше в ведении Патриарха, митрополит Стефан и в чисто духовных делах не имел почти никакой власти. Множество назначений на места духовного управления шло помимо Стефана, по представлению Меншикова, Мусина-Пушкина и других лиц. Исключительно Мусин-Пушкин распоряжался патриаршею типографией, сочинениями, переводами, изданием книг, даже исправлением Библии, хотя это исправление и было поручено надзору

Стефана.

Вообще, ревностный к православию, правдолюбивый Стефан много пострадал в жизни, являясь одною из жертв той переходной эпохи. Происходя из дворянской Волынской семьи, Стефан, в жажде образования, должен был поступить в славившиеся тогда галицкие и польские училища и для того, вероятно, на время отступить от православия. Присланный благодетелем своим, митрополитом киевским Варлаамом Ясинским, в Москву, он был замечен Петром, который услышал слово, произнесенное им над гробом боярина Шеина, и который искал ученых и способных монахов, особенно – не враждебных европейскому духу, чтобы таковыми замещать епископские кафедры. Петр призвал Стефана на Казанскую кафедру, от которой он долго отказывался, так как в Москве его осыпали бранью и клеветами за его пребывание у иезуитов. В Великороссию он внес с собою ту любовь к просвещению, которая составляла отличительную черту малороссийского монашества, принес и свое захватывающее, красноречивое слово. Даже враги его говорили,

что, уча в церкви, он мог по произволу заставить слушателей плакать или смеяться.

Свой дар слова он посвятил борьбе с двумя современными ему язвами: расколом и протестантскими веяниями.

Он застал в Москве мнение, что близко пришествие антихриста, что Москва – Вавилон, а жители ее – вавилоняне, слуги антихристовы и сыны погибели. Некоторые брались за вычисления, назначали день и час, когда Христос придет на Суд, и пред назначенным временем делали себе гробы, рыли могилы, закутывались в саваны и ложились ожидать Христа.

Для вразумления таких людей Яворский написал сочинение с обличением этих мнений, показывая, на основании Священного Писания, каковы будут истинные признаки пришествия антихриста.

Совершенно невозможную, дикую форму приняло в Москве распространение кальвинистского учения. Полковой фельдшер Тверитинов, набравшись мыслей у врача-иностранца, стал распространять хулы на многие из заветнейших преданий церковных: говорил

против икон, креста, мощей, причастия, святых, литургии, постов, против поминовения усопших, значения добрых дел.

Он нашел себе последователей между невежественными стрельцами и мастеровыми. Брადобрей Фома Иванов дошел до такого исступления, что в Чудове монастыре при народе кричал хульные слова на великого святителя московского – митрополита Алексия и разрубил ножом его икону. Стефан Яворский после этого ужасного события тотчас нарядил тайное расследование об этом обществе и, найдя главных виновников, предал их церковной анафеме. Фома был казнен по гражданскому суду.

Чтобы оградить православных от протестантской пропаганды, он написал знаменитый «Камень веры», изданный уже по его кончине.

Чем же кончилось это Тверитиновское дело для ревностного Стефана? Государь остался недоволен поспешностью суда и строгостью приговора. В этом взгляде Государя на дело нельзя не видеть вмешательства сильных при Дворе иностранцев, которые были очень

недовольны действиями Стефана. Стефан был вызван в Петербург, где по этому делу ему пришлось вынести много неприятностей.

Если Стефану удавалось иногда склонить царя к какой-нибудь мере в пользу православия (в 1719 году по его внушению Петр издал указ не иначе дозволять брак лютеран с православными, как под условием воспитать детей в православии), то в общем постоянная борьба, постоянное несогласие идей Стефана с тем, что творилось высшим духовным управлением, глубоко его угнетали. Смелый, благородный, откровенный, он говорил правду Петру, окруженному протестантами, которые за это и ненавидели его, как непримиримого, стойкого врага.

По словам апостола, «невзирая на лица», в пастырской деятельности своей Стефан, если видел что неправильное, несоответственное достоинству Помазанника в действиях Петра, то не страшился обличать его. Так, во время тяжкого недоразумения, столь прискорбно кончившегося, с царевичем Алексеем, на 17 марта, на память святого Алексия, человека Божия (день именин царевича, находившего-

ся тогда за границую), Стефан в слове своем коснулся современных событий и довольно резко, в весьма прозрачных намеках, осуждал семейную жизнь Петра и жалел царевича. Вот это смелое место: «О! Угодниче Божий, не забуди и тезоимениника твоего и особенного заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя. Ты оставил еси дом свой – он такожде по чужим домам скитается. Ты удалился от родителей – он такожде. Ты лишен рабов, слуг, подданных, друзей, сродников, знаемых – он такожде. Ты человек Божий – он такожде раб Христов. Молим убо, святче Божий: покрый своего тезоимениника, едину нашу надежду». А вот слова, ясно намекающий на Петра: «Море свирепое, море – человеке законопреступный: почто ломаеши, сокрушавши и разорявши берега? Берег есть закон Божий; берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть во еже хранити благочестие, посты, а наипаче четыредесятницу; берег есть почитати иконы».

Быть может, это неполное сочувствие Сте-

фана деятельности Петра раздражало Петра еще больше, чем молчаливое неодобрение Адриана. Адриана, человека неглубокого образования, можно было обвинить в рутине, тогда как Стефан был человек больших дарований, большого ума, глубокого европейского образования, человек выдающийся, блестящий, но вместе – человек, знавший во все меру, чего так не хватало во всю жизнь Петру. И к концу жизни Стефана местоблюститель патриаршего престола и вознесший его по собственному выбору царь совершенно, кажется, не понимали друг друга.

Царь находил, что Стефан недостаточно деятелен, и обвинял его в распущенности духовенства, во множестве празднобродящих попов и монахов, в существовании кликуш и юродивых, встречавшихся весьма часто, во множестве вымышленных чудес и ложно объявляемых мощах: все это, ложное или истинное, равно, кажется, не нравилось Петру, тогда как все проявления древнего праотеческого благочестия были дороги Стефану, и он относился к ним, прежде чем гнать их, без предубеждения, исключаящего всякую воз-

возможность спокойной критики, беспристрастного испытания.

Хотя при учреждении Священного Синода Стефан был назначен президентом его, многие синодальные распоряжения того времени – отмененные впоследствии, как вредные для Церкви, – шли вразрез со взглядами Стефана. Больной телом, угнетенный духом, он мог оказывать лишь слабое сопротивление веянию нового духа.

Он подавал протесты против новых порядков, которые хотел завести царь в духовной жизни русского народа. Но эти протесты обрушивались на его же усталую голову, навлекая на него гнев Государя и вражду товарищей. Он был в открытой вражде с самым сильным в то время духовным лицом носителем взглядов Петра со всеми их заблуждениями Феофаном Прокоповичем, столь справедливо обвиняемым в протестантизме. Не раз, когда Петр уже избегал свиданий с ним, Стефану приходилось оправдываться перед Государем письмами.

Видя недовольство Государя, вражду к себе членов Синода, с которыми он так не сходил-

ся взглядами, Стефан счел за лучшее удалиться из Петербурга. Не добившись объяснения с Петром, Стефан написал ему пространное письмо, помеченное 27 июля 1722 года и подписанное: «Смиренный Стефан, пастушок Рязанский».

Он скончался через четыре месяца после этого письма, оставляя свободное поле действий человеку, противоположному с ним во всем, кроме любви к просвещению, – Феофану Прокоповичу.

Тихим, отрадным светом горит чистый образ Стефана Яворского на пороге между двумя эпохами Русской Церкви. Если и лежит пятно на его молодости – временный католицизм, принятый из жажды знания и из невозможности получить иначе полное образование, – то клеветами, которые ему потом пришлось перенести, он вполне искупил этот грех. Он всеми силами служил Церкви, православию, искал не личных выгод, а пользы дела церковного, как, по крайнему разумению своему, понимал эту пользу. Ревностью в проповеди, независимостью в обличении греха, сколь бы высоко, по человеческим меркам, ни свил се-

бе гнезда этот грех, – он напоминает Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского. Глубоко образованный, он тем не менее понимал, что внешнее выражение религиозного чувства нельзя гнать и осуждать, и потому, где мог, шел против бури, старавшейся низвергнуть многие обычаи праотеческого благочестия, причем часто приходилось ограничиваться лишь бесплодным протесом – протестом, все же ясно доказывавшим всю чистоту его православия, всю непричастность его тем влияниям протестантизма, которые тогда так свободно злыми вихрями носились над Русской землей.

Глава II

Учреждение Св. Синода. Меры к упорядочению религиозного строя. Взгляды Петра на монашество. Оценка тех и других

При патриаршем управлении Церковь была независима от государства, и лицо Патриарха как бы равнялось лицу Государеву. Это казалось Петру неправильным и небезопасным. Он решил ввести Церковь в общий порядок государственной жизни, подчинить ее общей системе государственного правления, как одну из его ветвей, и духовное правительство сделать коллегией наряду с прочими. Церковь и духовенство становились в общую подсудность государству во всем, исключая догматы и каноны. Звание патриаршее уничтожалось само собою.

Состояла духовная коллегия первоначально из президента (Стефан Яворский), двух вице-президентов (Феодосий Яновский и Феофан Прокопович), четырех советников и четырех ассессоров.

Главную задачу, возложенную на духов-

ную коллегию, было улучшение духовной жизни народа. В нем были распространены самые грубые суеверия, не было часто самых основных понятий о вере и о христианской жизни.

Один за другим стали выходить указы, имевшие целью преобразовать религиозную жизнь народа. Многие из этих указов интересны тем, что рисуют нам религиозно-бытовые черты тогдашнего общества.

20 марта 1721 г. объявлен указ, «чтоб обретающиеся в Москве на Спасском мосту», где были лавки с книгами и лубочными картинками, «ив других местах листы разных изображений и службы, и каноны, и молитвы, которые сочинены и сочиняются разных чинов людьми самовольно, письменные и печатные, без свидетельства и позволения, описав, все отобрать в Приказ духовных дел». В апреле вышел указ о прекращении, действительно, безобразного суеверного обычая: «В российском государстве по городам и селам от невежд происходит некоторое непотребство, а именно: ежели кто не бывает во всю светлую седмицу Пасхи у утрени, такого облива-

ют водою и в реках и прудах купают. И хотя себе простой народ делает все будто на забаву праздничную, однако от той суетной забавы делается не токмо здоровью, но и животу человеческому тщета, ибо оным от невежд купанием в глубинах иногда людей потопляют или разбивают, а сонных и хмельных внезапным обливанием ума лишают». Добавляя, что этот обычай есть воспоминание языческого праздника Купалы, указ предписывает обычай этот «весьма истребить».

В 1722 году Двор находился в Москве, где был Св. Синод, и члены его могли там близко наблюдать все проявления духовной жизни народа и все формы русской набожности.

Многие из отмененных в ту пору обычаев впоследствии перестали преследоваться и даже в наше время не возбуждают ни малейшего осуждения.

Так, издано было запрещение «привешивать к образам привесты, то есть золотые и серебряные монеты и копейки, и всякую казну, и прочего приношенного». Усердствующим было велено объяснять, «что на монетах иностранных такие лица выбиты бывают, ко-

торым при иконах святых не подобает быти; а от серег и прочих таковых привесов чинится иконам безобразие, а *от инословных укоре- нив и нареkanie на св. Церковь наноситься может*».

Вот одно из первых проявлений этого по- гибельного страха: что скажут иностранцы о нашей жизни, как они посмотрят на выраже- ние наших религиозных чувств? Как извест- но, обычай этот благополучно процветает до- селе, и очень понятно желание верующих украсить чтимые святыни.

Еще страннее отмененный впоследствии указ от 22 февраля 1722 года, «чтобы в Москве и в городах из монастырей и приходских церквей ни с какими образами к местным жителям в дома отнюдь не ходить. Если же кому какое обещание, тот сам бы приходил в монастыри и церкви по обету». Этим заноси- лась рука над дорогим, древним обычаем «подымать иконы к себе на дом». Этот же указ предъявляет требование, которым слов- но хватали за руку человека, желавшего по- дать на церковное строение: «Смотреть, чтоб с образами по Москве, по городам и уездам

для собирания на церковь или на церковное строение отнюдь не ходили. И кто будет ходить, таких брать».

23 февраля открылось гонение на колокола: «Во всех всероссийского государства монастырях колоколов не делать из казны монастырской, а ежели есть разбитые, то и тех без повелительного указа из Св. Синода не переделывать и в строение тех колоколов чрез собирателей-прошаков денег и прочего не собирать, и нигде не просить».

28 марта был издан указ, впоследствии не исполнявшийся и возбуждивший в Москве сильное волнение. По свидетельству Берггольца, он удивил и поразил и чернь, и многих старых русских вельмож. В этом указе, под видом будто бы радения о достоинстве церквей, воспрещались часовни, которыми Русь так любила и доселе любит отмечать знаменательные чем-нибудь места. Нечего и говорить о том, что жизнь смела этот невозможный и неразумный указ.

Обычай этот, говорит указ, «начался и утвердился будто бы от невежд, что пред святыми иконами, вне церкви стоящими (на

внешних церковных стенах и градских вратах) вжигаются и нощью, и днем свечи без всякого молитвословия, а некоторые невежды, оставивши посвященные молитвенные храмы, призывают пред те внешние иконы невежд священников, и молятся на распутьях и торжищах, где всегдашнее многонародное бывает собрание, и явное чинят православных церквам презрение (?!), а инословным дают причину укорительного на благочестие порицания» (опять забота угодить иностранцам даже строем нашей духовной жизни!). Осудив существование «построенных на торжищах и перекрестках, в селах и в других местах часовен», указ определяет: «Пред вышеупомянутыми вне церковей стоящими иконами мольбы и свещевозжения, тамо безвременно и без потребы бываемые, весьма возбранить; также и часовен отныне в показанных местах не строить, и построенные деревянные разобрать, а каменные употребить на иные потребы тем, кто оные строил».

Так заискивавшая перед иностранцами и готовая ради них стыдиться и отказываться от родного эпоха судила об этом прекрасном

обычае. Прошли два века. Россия стала культурнее, но, слава Богу, не снесла еще тех «внешних икон», против которых так ратовал печальной памяти указ, не погасила пред ними лампад и свечей, не разорила часовен, а воздвигла и воздвигает на видных местах, на площадях городских и перекрестках новые часовни – чаще всего для ознаменования памятных событий.

Когда подумаешь, каким великим почитанием во всех слоях верующей России пользуются эти «внешние иконы», как знаменитая московская Иверская, как икона Спасителя на Спасских воротах, как икона святителя Николая на Никольских воротах, чудесно уцелевшая в 1812 году при взрыве французами Никольской башни, – как вспомнишь про глубоко укоренившееся почитание этих святынь в Москве и подобных им в других русских городах (Смоленская надвратная, сопровождавшая от разоренного Смоленска русскую армию в 1812 году) и подумаешь, на что посягал этот злосчастный указ, предписывавший ни более ни менее как разносить часовни и отогнать народное усердие от «внешних икон», –

станет грустно и больно и за эпоху, и за народ, над которым производилось такое духовное насилие...

Интересен взгляд Петра на монашество и то, как он хотел его преобразовать.

31 января 1724 года Петр подписал указ, которым предполагалось переустроить монашество, а размножившимся монастырям дать назначение, сообразное с пользою государства. Указ этот составлен Государем и дополнен Феофаном. Состоит он из исторического объяснения о начале монашеского чина и об образе жизни древних монахов и из правил для монахов, избирающих монашество для уединенной жизни, и для ученых монахов, ожидающих архиерейства.

Незадолго до смерти Государь дал указ, чтоб московские монастыри: Чудов, Вознесенский и Новодевичий – определить для больных, старых и увечных, Перервинский – для школ, а Андреевский обратить в воспитательный дом для подкинутых младенцев.

Проследив развитие монастырей, указ говорит, что первые монастыри находились в уединенных местах и питались трудами са-

мих иноков. Но лет через сто «от начала чина сего произошли монахи ленивые, желая от чужих трудов питаться, сами праздны суще, защищали свою леность развращаемым от себя словом Христовым (воззрите на птицы небесные, яко ни сеют, ни жнут, ни в житницы собирают, и Отец ваш Небесный питает я), но целомудрие их скоро обличено от прямых монахов». Затем так вот говорится об умножении монастырей: «Когда греческие императоры, покинув свое звание, ханжить начали, тогда некоторые плуты к оных подошли и монастыри не в пустынях уже, но в самих городах строить начали и денежные помощи требовали для сей мнимой святости и трудами других туне питаться восхотели. На одном канале из Черного моря до Царьграда, который не более 30 верст протягивается, с 300 монастырей. И как от прочего несмотрения, так и от сего в такое бедство пришли, что когда осадили Царьград, 6000 воинов сыскать не смогли, сия гангрена зело было и у нас распространяться начала».

Говоря о том, что монахи не стоят на высоте своего призвания и едят даровой хлеб, указ

очень колоритно рассуждает: «Нынешнее житие монахов точию вид есть и понос от иных законов, понеже большая часть тунеядцы суть. У нас почти все из поселян. Что оные оставили – явно есть, – не точию не отреклись, но приреклись доброму и довольному житию, ибо дома был троеданник, то есть: дому своему, государству и помещику, а в монахах все готовое. Прилежат ли разумению Божественного Писания и учения? Всячески нет. А что говорят – молятся: то и все молятся».

«Что же прибыль обществу от сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу ни людям, понеже большая часть бегут от податей и от лености, дабы даром хлеб есть. Находится же иной способ жития праздным сим не праздный, но богоугодный и не зазорный, еже служити прямым нищим, престарелым и младенцам. Ибо на многих местах Святое Писание сие не токмо похваляет, но и узаконяет».

Далее говорится про устройство в монастырях благотворительных учреждений, о возложении на них содержания престарелых

солдат и, наконец, об учреждении семинарий, откуда бы образованные воспитанники, ищущие монашества для архиерейства, могли бы постригаться по достижении 30-летнего возраста.

Как ни едка эта критика русского монашества, к сожалению, приходится сказать, что в ней много верного, как и в мысли Петра занять иноков делами благотворения.

Но, чуждый стремлений высокодуховных, этот великий практик забыл одно: что истинное монашество состоит в отречении от всех дел мира, даже дела благотворения. Монах бежит от мира, чтоб, ничем не рассеиваясь, теснее слиться с Богом: и всякое внешнее дело, кроме молитвы, на этом пути будет только задерживать совершение духовного воспитания монаха. Только тогда, когда он дожил до бесстрастия, смирил себя, победил в себе привязанность к миру и приобрел духовную опытность, – только тогда иноку пора выступить на служение миру.

Те «тунеядцы», о которых говорит указ, пошли в монастыри не по призванию и, чтоб им на мирской счет не коснеть в праздности,

было бы очень хорошо придумать для них какое-нибудь полезное занятие. Уход за старыми, больными и слабыми – было бы чрезвычайно для них подходящее дело. Но указ совершенно забывал о людях чисто духовного склада, созерцательного направления, монахах по призванию, которые пошли в монастырь для молитвы и подвигов духовных; эти люди не могут заниматься внешними делами, и хотя скудное, но содержание им должно быть. Отдаваясь всецело духовному деланию, быстрыми шагами идя по пути нравственного совершенствования, эти люди становятся потом руководителями, утешителями, просветителями верующих.

Мало обучиться в семинарии, устройство которых было намечено тем же указом, чтоб стать таким духовным вождем, как были, например, Киево-Печерские святые, или преподобный Сергий, или множество других русских преподобных, которые все прошли ту иноческую школу, тот путь молитвенно-созерцательного монашества, которого так не понимал Петр и которое этот указ думал стереть с лица земли.

Не феофаны прокоповичи, обремененные знаниями, но бесплодные духом, двигают вперед дело веры, а праведники, чтимые народом, разысканные им в тиши обителей, – те люди, для создания которых вернейший путь – монастырь, каким он сложился в прежней Руси.

И опять мы видим тут великое неуважение к прошлому своего народа и столь тщетную и никогда почти историей не оправданную уверенность: росчерком пера повернуть известное жизненное явление, идущее по глубокому, давно проложенному исподволь, веками, руслу, – повернуть в совершенно другую сторону.

И как ни неблагоприятен был XVIII век для русского иночества, к концу века оно уже, благодаря незабвенному Петербургскому митрополиту Гавриилу, подняло снова голову и, идя прежним путем, молитвенно-созерцательным, дало много пышного цвета и, между прочим, выставило столь удивительное, столь чрезвычайное явление, как один из величайших людей всех эпох христианства, дивный старец Серафим Саровский.

Петр, с его ограниченными религиозными представлениями, не мог понять, что аскетическое монашество, молитвенно-созерцательное, служит громадную службу обществу, представляя собою прибежище для встречающихся во всяком обществе и во всякую эпоху людей тонкой духовной организации, которые задыхаются среди лжи, неправд и жестокостей мира и идеальные стремления которых находят себе пылкое удовлетворение лишь в пустыне, молитве, посте и уединении. Он забыл, что монастырь, с его истовым богослужением, с его скопленной веками, сияющей в храмах священной роскошью, удовлетворяет эстетическому чувству народа, как бы видящего в этом великолепии храмов и Божественных служб отблеск страстно ожидаемой им райской вечной красоты. Он забыл, чем был монастырь для средневекового русского общества, которому он помог вынести непомерную тяготу татарщины, какие духовные силы Троице-Сергиев монастырь сумел пробудить в погибавшем народе в конце Смутного времени. Он не хотел понять этой сокрытой в монастыре духовной силы и ви-

дел только отрицательную сторону монастыря, ленивых, а иногда пьяных монахов, совершенно закрывая глаза на праведников, каких и в то время выставляли монастыри.

Он забыл, что монастырь, при всем своем несовершенстве, как несовершенно всякое человеческое учреждение, все же разрежал сгущенную, насыщенную злом атмосферу мира, все же был той отдушиной, которою легче всего лилась на народ свежая религиозная струя.

Покорный формам жизни протестантских государств, Петр не дал себе труда глубже вдуматься в это, длинными веками выросшее на родной почве, явление и думал рубить его – главным, быть может, образом потому, что не находил его у своих западных друзей.

Глава III

Архипастыри старого типа. Иов Новгородский. Св. Митрофан Воронежский. Св. Димитрий Ростовский и его просветительная деятельность

Мы видели, как много пришлось пострадать в это время громадного влияния иноземцев такому истово православному, просвещенному человеку, каким был Стефан Яворский.

Счастливей его были архиереи, сохранившие в себе все лучшее содержание московской Руси, но поставленные далеко от столицы с ее резко выраженными веяниями дня, с ее интригами, чуждые участия в высшем церковном управлении и поглощенные делом пастырства в пределах лишь своих епархий. Такими святителями были Иов Новгородский, Митрофан Воронежский, Димитрий Ростовский.

Двух последних считают часто епископами нового типа, но кажется, что разумное сочувствие одного разумным мерам Петра, про-

свещенность и любовь к просвещению другого ничуть не ставят их врозь с лучшими представителями иерархии московского периода русской истории. Разве Киприан, Фотий, Алексий, Макарий Московские, разве Гурий и Варсонофий Казанские, разве Стефан Пермский не сеяли усердною и настойчивою рукой просвещение, разве Петр, Филипп и Гермоген не были государственными деятелями в самом прямом значении этого слова?

Если мы называем трех этих святителей представителями старого типа иерархии, мы хотим указать на глубокую верность всех трех церковным и народным преданиям, на их органическую преданность православию, на наполнявшую их жизнь и превыше всего в них стоявшую заботу о Церкви. Наконец, на их горячее стремление к правде, к правдолюбию и к праведности. Не такого склада, не такого направления чувств и мыслей были архиереи, полные заботы о себе, занятые происками в это бурное и смутное время, больше мнившие о личных выгодах, чем о достоинстве Церкви, и весьма равнодушные и к судьбе паствы, и к делу личного нравственного са-

моусовершенствоваания, каковы были Феофан Прокопович, Феодосий Яновский, Георгий Дашков, с которыми мы познакомимся в следующих главах.

Постриженник Сергиевой Лавры и архимандрит ее, а с 1697 года архиепископ Новгородский, Иов завел у себя в епархии училища для обучения достойных священников, пригласив для этого к себе известных ученых, греков Иоанникия и Софрония Лихудов. Иов выстроил у своего архиерейского дома обширное двухэтажное здание, до нашего времени носящее имя «Лихудиевского училища». В шесть лет они основательно образовали своих учеников, а чрез этих самых учеников митрополит завел потом до 14 русских школ по уездным городам и значительным монастырям своей обширной епархии.

Лихуды трудились также в переводе на русский язык латинских и греческих книг; в помощь им попечительный Иов вызвал из Москвы их учеников, между которыми был известный Карион Истомин, и составил при своем доме общество переводчиков. Среди написанных в Новгороде Лихудами сочинений

есть, между прочим, *Обличение против Лютера и Кальвина*, особенно благовременное по тогдашним обстоятельствам.

Известен Иов и благотворительностью. Он устроил в Новгороде три больницы, странноприимницу и дом для незаконнорожденных и подкидышей близ Новгорода, в Колмове – упраздненном монастыре, приписанном к владычному дому. Иов, поселяясь тут летом, сам наблюдал за своими «найденышками». Царь, узнав о человеколюбии Иова, повелел приписать к его дому разные вотчины и в 1715 году повелел у церквей при оградах сделать госпитали «по примеру учрежденных в Новгороде Иовом митрополитом». В летах глубокой старости он просил Царя отпустить его на покой или к Троице, где он постригался, или в Колмов, к его безродным детям. Но Царь не отпустил его. Митрополит Иов скончался 3 февраля 1716 года.

Святитель Митрофан, когда-то вдовый священник, уже немолодым был избран первым епископом Воронежской епархии, где предстояла ему борьба с расколом. Находясь в Москве для хиротонии, он мог убедиться в

ожесточении раскола, так как присутствовал при буйстве Никиты Пустосвята с его приверженцами в Грановитой палате, когда Никита вырвал бороду вступившему с ним в пререкания о вере епископу Холмогорскому Афанасию.

Свт. Митрофан показал себя искренним радетелем о благе России. Готовясь к войне с Турцией, Петр строил на Воронежской верфи корабли. И молитвою, и словом увещания святитель Митрофан старался помочь Царю. В проповедях он объяснял народу, как нужны для войны корабли и как нужна сама война для освобождения от ига магометан множества православных. Когда случилась нехватка денег на постройку, святитель собрал все оставшиеся у него деньги и принес их Петру, говоря, что всякий сын Отечества должен помогать государству в его нуждах. Петр с благодарностью принял приношение святителя, видя в нем залог для успеха дела. Еще несколько раз свт. Митрофан приходил на помощь Петру. Когда по случаю шведской войны казна была совсем истощена, он послал от себя 4000 рублей на остановившуюся по-

стройку кораблей, а в следующем году – 3000 рублей на жалованье солдатам.

Это сочувствие святителя полезным реформам Петра, это понимание и поддержка добрых его начинаний привязали Царя к святителю. Святитель же, любя Царя, всегда говорил ему правду и обличал, если замечал в нем что-нибудь несоответственное со званием христианина. Нельзя забыть той ревности христианской, с какою свт. Митрофан требовал от Петра снять с его воронежского дома помещенные там изображения языческих богов и отказался идти к Царю, пока эти изображения не будут сняты. Самовластный Петр пришел в ярость и угрожал святителю казнью. Святитель настаивал: «Лучше умереть, чем присутствием своим или боязливым молчанием одобрять язычество. Неприлично Государю православному ставить болваны языческие и тем соблазнять простые сердца народа». Святитель стал готовиться к смерти и распорядился, чтоб благовестили в большой колокол ко всеобщей. Государь послал спросить, отчего благовестят. Ему ответили, что архиерей собирается напутствоваться к смер-

ти. Поразила царя эта ревность святителя, он послал успокоить его и велел снять статуи. Так совершил святитель Митрофан исповеднический подвиг – не задумавшись подвергнуться смерти за то, в чем видел свой долг.

Сам готовый к смерти, святитель молитвою своею старался облегчать загробную участь павших за Россию бойцов. В его синодике поминаются воины из полка боярина Шеина, скончавшиеся на пути к Азову и убитые под Азовом, и воины из полка боярина Шереметева, убиенные в сражении и умершие в плену.

В доме святителя находили пристанище и покой бедные, вдовы и сирые. Простой в обхождении, он был доступен для всех.

После двадцатилетнего управления паствою святитель почил 23 ноября 1703 года. В тот самый день прибыл в Воронеж Петр. По обычаю, он отправился навестить святителя, но застал его при последнем издыхании. Он поцеловал его хладющую руку, остался ждать кончины и сам закрыл праведнику глаза. При торжественном погребении святителя, когда священники собрались поднять

гроб его, Государь, обратясь к старшим чинам флота, сказал: «Нам стыдно будет, если мы не засвидетельствуем нашей признательности сему добродетельному пастырю. Мы сами вынесем его тело». И Государь донес до усыпальницы гроб с помощью старших чинов. «Не осталось у меня такого святого старца, буди ему вечная память», – сказал Петр.

Есть трогательный рассказ, свидетельствующий о духовной связи между святителем Митрофаном и чтившим его Петром. Рассказ этот передан нам одним почтенным лицом, весьма заслуженным. Как-то в Петропавловском соборе он встретил человека-простолодина, прямо молившегося пред гробницею Петра Великого. «Что ты так усердно молишься о нем? – спросил этот господин. – Вероятно, почитаешь память великого Государя?» «Мне велел молиться за него святитель Митрофан», – был ответ. – «Как так?» – «А вот что со мною было. Я усердствовал в молитвах к святому Митрофану Воронежскому. И однажды во сне увидел святителя, который сказал: “Если хочешь быть мне угодным, молись о упокоении души императора Петра Великого!”»

Так праведники благодетельствуют и за гробом душам людей, которые любили и чтители их.

При Петре Великом, находившем мало сочувствия в северорусском духовенстве, архиереев на видные кафедры стали назначать большею частью из южнорусских монахов, которые были образованнее, живее и привязаннее к Западу.

Мы видели назначение южанина Стефана Яворского на кафедру Рязанскую... Таковы же были назначения Феодосия Яновского и Феофана Прокоповича на кафедры Новгородскую и Псковскую, а святителя Димитрия на кафедру митрополии Сибирской и Ростовской. Святитель Димитрий является одним из отраднейших лиц нашей церковной истории. Он блестяще сочетал любовь к просвещению с личною праведностью. Ревностное проповедничество – с неутомимою литературною деятельностью.

Великий святитель Димитрий родился в 1651 году в городке Макарове, неподалеку от Киева, у малороссийского сотника Саввы Тупталы и наречен Даниилом. Воспитан он был

родителями в страхе Божиим, а образование получил в только что открытых при Киево-Могилянской академии Иоанникием Голятовским классах.

Незабвенный борец за православие, Голятовский, учитель риторики в Киевской академии, был один из ученейших людей и знаменитейших состязательных богословов своего времени. С неослабевающею ревностью он своими сочинениями боролся со всеми толками, враждебными православию. Иезуитам не приходилось еще встречать между православными такого сильного и непобедимого противника. Его несокрушимое, убежденное слово изумляло не одних иезуитов, но и униатов, евреев, магометан.

Полный жажды знаний, юный Даниил быстро дошел до классов красноречия и поэзии, где открылась ему великая сила слова. Под руководством великого полемиста Голятовского он усвоил себе те приемы и обороты речи, которые в поучениях и беседах невольно поражают всякого читателя. Здесь выработал он в себе ту энергию и убежденность, которые проявились впоследствии в его борьбе

с расколом.

Душа Даниила не тяготела к миру, и, испросив разрешения родителей, 17-тилетний Туптало 9 июля 1668 года принял иночество с именем Димитрия.

Первые годы иночества он посвятил высокому аскетизму. Уединение и богомыслие, кротость, смирение и послушание – все в нем изумляло даже опытных старцев. Просвещенный и ревностный блюститель Черниговской митрополии, архиепископ Лазарь Баранович вызвал его после 6–7 летнего пребывания в Киевском монастыре в Чернигов, поставил иеромонахом и назначил проповедником. Здесь способности его проявились столь блестяще, что слух о нем прошел по всей Южной Руси, Польше, Литве. Братия Слуцкого монастыря упросила его приехать к ним, и он целый год проповедовал там Слово Божие. Многие монастыри усердно звали Димитрия в настоятели, но он не пожелал начальствовать и удалился в Батурицкий монастырь, где предался усиленным подвигам духовным, посту, молитве, изучению Писания и проповедничеству. Один киевский монастырь умолял Ди-

митрия принять настоятельство, к тому же понуждал его и гетман, но он решительно отказался. И лишь после долгих колебаний принял игуменство в Максаковской Преображенской обители, которая полюбилась ему, как удобная для отшельничества по своей уединенности. Вскоре его перевели в Батурин игуменом же, но он сложил с себя это звание и возобновил аскетически-созерцательную жизнь. Приблизилось время, когда Бог благоволил возложить на него исполнение величайшего, быть может, дела всей жизни, подвига, которым в роды родов, пока стоит на Руси православие, будет славно имя Димитрия.

В 1684 году архимандрит Киево-Печерский Варлаам Ясинский вызвал Димитрия в Лавру и предложил ему собрать и исправить жития святых. Не без страха приступил Димитрий к этому делу. Попытки предшественников были неудачны. Надо было начинать все сначала. Он обложился бездною книг. Надо было сверять и согласовывать сведения, содержащиеся у писателей Западной и Восточной Церкви, у греческих историков и в жизнеописаниях.

саниях, собранных Московским (времен Иоанна Грозного) митрополитом Макарием и называвшихся Великие Четьи-Минеи. После чрезвычайно напряженной работы в течение нескольких лет, в 1689 году в Печерской типографии была напечатана первая четверть огромного труда: Четьи-Минеи за сентябрь, октябрь, ноябрь.

Проведя два месяца в Москве, где книга его была представлена ко Двору, Димитрий вернулся в Малороссию и, заключившись в Батуринском монастыре, отказавшись от настоятельства, весь ушел в работу над второю четвертью труда, законченной в 1693 году. Третью четверть он завершил, будучи настоятелем Новгород-Северского монастыря, пред назначением на митрополию. Уже в Ростове в 1705 году он завершил четвертую часть. Таким образом, Четьи-Минеи святителя Димитрия представляют плод почти двадцатилетнего напряженного труда.

Современники с любовью следили за трудом Димитрия. Патриарх Адриан, кроме сочувственных писем самому Димитрию, писал архиепископу Иоанну Максимовичу (Димит-

рий был тогда архимандритом Елецкого Черниговского монастыря): «Известихомся, яко близ тебе ныне пречестный архимандрит Димитрий в церковном общеплезном книжном словоделии жития святых пиша труждается. Просим твою любовь: в потребах спомоществуй ему трудами о Господе и любовь сотвориай во благодушество и в пользу Церкви». В 1700 году встречается известие: «Року 1700 в месяце генваре третья книга иеромонаха Димитрия Савича Тупталенка составленная, на свет вышла, и любопытствующих человек книжных духовною радостью сердца наполнишася».

Современники знали, чему радовались, и завещали потомкам горячую любовь к этому творению св. Димитрия.

Трудно познать после Евангелия другую книгу, которая имела бы такое влияние на верующее русское общество. Жития святых в довольно доступном издании представляли собою для этого общества неистощимое сокровище нравственного назидания, живую, убедительную, яркую школу того, чего надобно было искать в жизни, как следовало строить

земную жизнь.

Прибавьте к содержанию изумительное выполнение, ту святость, которая запечатлела священные рассказы, то высокое одушевление, которое пронизывает книгу от первой страницы до последней и которое дало современникам справедливый повод назвать Димитрия «Боговдохновенным», – и вы поймете, почему эта книга никогда не устареет и всегда будет полна для верующего читателя свежего обаяния. Недаром сохранились предания, что само Небо помогало Димитрию в его труде. Так, когда однажды он недоумевал об одном мученике, куда отнести его, этот мученик сам явился во сне св. Димитрию и разъяснил ему то, что было ему неясно.

Картинное, художественное изложение показывает в авторе великого мастера слова, но, кроме художника, там чувствуется расширяемая стремлением к совершенству душа, путем примеров святых желающая увлечь к этому совершенству читателя.

В последние годы свои Пушкин говорил, что Четьи-Минеи свт. Димитрия представляет собою неистошцимую сокровищницу для

вдохновенного художника. Эта книга вечно живая, бессмертная.

В 1700 году Петр поручил Киевскому митрополиту Варлааму Ясинскому, по мысли которого св. Димитрий предпринял свой великий труд, поискать лицо «доброе и ученое, и благодетельного жития, которому бы в Тобольску быть митрополитом, имел бы Божию милостью исподволь в Китае и в Сибири в слепоте идолослужения и других невежествах закоснелых человек приводить в сознание и служение, и поклонение истинного Бога». И Димитрий был посвящен в Сибирские митрополиты. С отчаяния он даже заболел: климат Сибири был совершенно невыносим для его слабого здоровья, и труд мог бы остаться там недоконченным. Посетив в Москве больного, Государь дозволил ему оставаться в Москве для проповеди, а в 1702 году, не побывав в Сибири, он переведен был на кафедру Ростовскую.

Епархия эта находилась в печальном положении, в каком была большая часть великорусских епархий того времени, которые Петр надеялся усовершенствовать через образо-

ванных архиереев. Духовенство в глубоком невежестве своем не могло учить народ, который легко совращался в раскол. Тягостно было видеть невежественное духовенство просвещенному пришельцу Южной Руси. Со свойственной ему силой и картинностью в одной из проповедей своих святитель рисует положение дел: «Окаянное наше время, в которое так пренебрежено сеяние Слова Божия и не зная, кого прежде надобно винить: сеятелей или землю, священников или сердца человеческие, или тех и других вместе? Сеятель не сеет, а земля не принимает. Иереи не брегут, а люди заблуждаются. Иереи не учат, а люди невежествуют. Иереи Слова Божии не проповедают, а люди не слушают и слушать не хотят. С обеих сторон худо: иереи глупы, а люди неразумны. Иерейские жены и дети многие никогда не причащаются. Иерейские сыновья приходят ставиться на отцовские места. Мы их спрашиваем, давно ли причащались, а они отвечают, что и не помнят, когда причащались. О, окаянные иереи, нерадящие о своем доме! Как могут радеть о св. Церкви люди, домашних своих к святому причаще-

нию не приводящие?»

Остановимся подробнее на деятельности святителя в Ростове, знакомясь с которой, мы познакомились и с колоритными чертами той эпохи.

1 марта 1702 года святитель прибыл к Ростову в сопровождении любимой келейной его иконы Богоматери Ватопедской. Паства встретила его тоже с иконою Богоматери. Святитель прежде всего посетил Спасо-Яковлевский монастырь. Там, в храме зачатия прав. Анны, он указал будущее место своего погребения. В кафедральном Успенском соборе он произнес приветственное слово пастве. Он говорил: «Приидох к вам, не да послужите ми, но да послужу вам, приидох не себе угождати, но вразумляти бесчинныя, утешати малодушныя, заступати немощныя, добрыя любити, злыя с милованием наказывати, о всех пользе пецися, всем спасения тщательно искати, о всех молитися».

И надо сказать, это служение было весьма тяжким. И паства, и духовенство стояли на степени развития, которая нам теперь покажется прямо невероятной. Мы видели отзывы

святителя. Приведем мнение незаинтересованного лица, знаменитого Посошкова: «Кои пресвитеры и во граде живут, и те не весьма знают, в чем грех и в чем спасение, и того ради прихожан своих к покаянию не принуждают». Посошков говорит, что не духовные стремления наполняют жизнь священника, а хозяйственные заботы. Св. Димитрий тоже рассуждает: «Что ты приведе в чин священнический? Тоже, дабы спасти себе и иных? Никакоже. Но чтоб прекормити жену и дети, и домашних. *Поискал Иисуса, не для Иисуса, а для хлеба куса*».

Но хороша была и паства! И Посошков, и св. Димитрий приводят случаи ужасающие, не бывшие, к сожалению, редкими: «Я истинно таковых стариков и при Москве видал, что лет под 60 и больше жития своего имеют, а у отцов духовных на исповеди не бывали не ради раскольничества, а ради непонуждения пресвитерского». (Посошков)

И святитель говорит: «Иные уже 10 лет, иные 20 не причащаются. *А иные во всю жизнь свою не знают, что то есть причастия Божественных Таин!!* Разве когда младе-

нец был крещен, тогда и причащен».

Конечно, глубокое невежество духовенства было причиною такого положения дела в народе. Ведь народ этот был по-своему набожен, жаждал впечатлений духовных. Но никто не объяснял ему, в чем сущность веры. Никто, например, не сказал, что значит для души и для спасения святое причащение. И Посошков выразительно объясняет о священниках: «ни сами разумеют, ни нас учат».

Нравы народные были темны: бедность, суеверия, необузданность. Раздоры крестьян разных владельцев были постоянным явлением, и дрались шибко. Например, в Ростовской области крестьяне стольника Бутурлина чистили покосы. Как снег на голову являются крестьяне Дашкова «великим собранием с дульем и бердышами, и тех Бутурлина крестьян с товарищи убили замертво, ограбили кафтаны и шапки, и рукавицы, и топоры, и с воротов кресты, и мошны с деньгами обрали, и впредь они, крестьяне, похваляются на крестьян таким же убивством!»

Вот выразительный пример неладов попа с приходом. Священник из Углича бьет че-

лом: «Прихожане, а его, попа, дети духовные, упиваются допьяна, в церкви Божии не входят, и ему, попу, ни в чем не послушны. И поносят его, попа, не былыми словами за то, что он, поп, их, приходских людей, против-де правила святых отец учит, не святит колодезя». А прихожане показывают, что поп не ходит к ним на дом, не дает креста, дерется – кулаком ушиб прихожанина.

Чего епархиальное начальство могло ожидать от духовенства, видно из наказа святителя одному иеромонаху, которому разрешено было в миру править требы: «во пиршествах не упиваться до пьянства, и в корчмы не входить, кощунство и смехотворения не делать, ниже пения срамословных песен или иже таковых слушати, или смотрети».

Выше было уже показано, как тяжело было экономическое положение народа и духовенства, и все это еще более смущало общий темный фон тогдашней епархиальной жизни. Вот в такой-то среде пришлось действовать святителю Димитрию.

Он принялся действовать мягкими мерами: посланиями, проповедями, школами для

детей духовенства.

Послания святителя к духовенству дают богатый бытовой материал. Вот, например, одно из ужасных явлений того времени, описанное святителем: «Некие злонравные иереи грехи детей своих духовных изъясляют, обличают и, егда бывают пьяны, с укоризною поносят». Тут же святитель говорит о тайне исповеди, прибегая к художественному сравнению: «Грехи – камни, нас отягчающие. Милосердие Божие – море. Как камни, в море вверженные, никому уже не ведомы, так должно быть и с грехами, ввергаемыми исповедью в море милосердия. Иерею, поведавшему тайну исповеди, не уйти вечных адских мук».

Вот другой недостаток: «Иереи ленятся ходить к больным, еже исповедати и причастии их, а наипаче к людям убогим и нищим не хотят ходить, и много нерадением их без исповеди и без причастия Божественных Тайн умирают». Святитель напоминает, что Христос спросит с иерея и о богатом, и о нищем.

Интересно распоряжение святителя о хранении запасных Даров. Не на дому у священника между клопами, тараканами и сверчка-

ми, а в церкви или в особой клетке, в сосуде.

Восставал он против всякого небрежения священников к службе. Один священник служил литургию без служебника, делая лишь возгласы. Когда его спросили, почему он так делает, он отвечал, что уже прочел священнические служебные молитвы дома! Иногда священники служили, не протрезвившись, сквернословили в алтарях, грубо бранились. Святитель заповедует читать молитвы с умилением, говоря, что молитвы «без внимания и умиления есть кадила, бряцающая без огня и ладана».

Послание святителя кончается так: «Аще призрите и отвержете мои слова, страшный суд Божий и казнь вечную примете. Аз же чист буду от погибели вашей, от нее да избавит нас Христос Бог наш».

Лучшим способом для улучшения духовенства было подготовка образованных деятелей, и для этого св. Димитрий завел у себя учебное заведение – семинарию общесловенного состава. Она составляла предмет неуспяных его забот. Интересен порядок жизни семинаристов, заимствованный из тогдашних

латино-иезуитских заведений. Дурные ученики сидели сзади. Лучший назывался императором и сидел впереди на особом месте, которое всякий новый император занимал с особым церемониалом. Рядом с императором сидел первый сенатор. Все это развлекало учащихся в их жизни, которую и без того нельзя было назвать скучною. Они гуляли в поле, катались в лодках по озеру Неро, посещали митрополита в его селах. Кормили их сытно. Летом давали вишни, яблоки, груши. Обращение учителей было мягкое и преследовалось не столько неуспешность, сколько лень и дурное поведение. Малоспособным учителя советовали просить помощи у святых.

Вообще быт школы имел характер семейный, благодаря отношению к воспитанникам святителя. Часто он посещал их, присутствовал на уроках. Отобрав способнейших, сам обучал их: зимою толковал им Ветхий Завет, летом на своей даче в Демьянах – Новый. При богослужении митрополичьем они пели, сопровождая иногда даже его для этого в другие места. Святитель сам исповедовал их и общал, обещал молиться за них, если по смер-

ти получит милость у Бога, увещевал их учиться, раздавал им деньги, брал прилежнейших на летние вакации к себе на дачу. И уже отучившихся учеников он не оставлял своим попечением. Если древнерусская школа грамотности, давая ученикам православное настроение, обучала лишь чтению, письму и пению, то ростовская школа святителя Димитрия была шагом вперед, давая изучение греческого и латинского языка, на котором писалась вся тогдашняя наука. Простота, семейное начало при твердости режима составляли достоинство ее. Конечно, это благое дело должно было дать богатые плоды. Но она существовала недолго.

Странна была церковная политика Петра. С одной стороны, он требовал распространения просвещения, с другой – отнял у духовенства всякую материальную возможность к распространению его. Мы видели, как дорога была св. Димитрию его школа. Кажется, он и его деятельность заслуживали, по меньшей мере, уважения. И что же вышло? Ему пришлось закрыть школу по крайней скудности – при заведенных Петром порядках – ко-

гда-то богатейшей российской кафедры.

Сохранилось письмо об этом печальнейшем обстоятельстве свт. Димитрия к Иову Новгородскому. «Я, грешный, пришедши на престол Ростовской паствы, завел было училище греческое и латинское, ученики поучились года два и больше, и уже начали было грамматику разуметь недурно, но попущением

Божиим скудость архиерейского дома положила препятствие. Питающий нас вознегодовал, будто много издерживается на учителей и учеников, и отнято все, чем дому архиерейскому питаться».

Так завершилось это славное дело святителя, и конец этот, конечно же, составляет одно из позорнейших пятен той эпохи.

Много сил положил святитель и на борьбу с расколом. В Ростовском крае было много раскольников. Чрез потаенных проповедников, рассылаемых из гнезда раскола, брынских лесов, они широко раскинули свои сети. Святитель часто объезжал епархию и подолгу жывал в Ярославле (где они были особенно сильны), чтобы обличать их.

Раз при выходе его из храма незнакомые ему почитатели бороды спросили его: «Нам велят брить бороды. А мы готовы и головы свои положить за бороду. Как повелишь нам, владыко?» Святитель нашелся ответить и верно, и остроумно. Он спросил в свою очередь: «Как вы думаете, отрастет ли голова, если у вас ее снимут?» – «Нет». – «А брада?» – «Брада отрастет». – «Пусть же вам отрежут голову, дождетесь другой». Святитель узнал затем, что в Ростовской епархии многие сомневаются в своем спасении из-за того, что обрили себе бороды по указу царскому. И он написал, а в 1705 году разослал по епархии сочинение: «О образе Божии и подобии в человеке». Затем появилось обширное его исследование «Розыск о брынской вере», обнаруживающее самый дух раскола и недостаток в нем евангельского смысла и любви.

Ненависть к личности святителя, которую возбудила эта книга, лучше всего доказывает, как метко поразила она раскол.

В 1766 году шайка раскольников решилась украсть и сжечь мощи святителя Димитрия, но святитель во сне предупредил архимандрит-

рита об этом замысле.

Из ученых трудов святителя замечательна смиренно названная им «Келейная летопись» – то есть написанная для себя. Она представляет собой кратко изложенную библейскую историю (до борьбы Иакова с ангелом), снабженную комментариями и добавлениями из разных церковных писателей. Но главная задача летописи нравственная: тут есть и мифические места, и обличение современных недостатков. Между прочим, в рукописях летописи есть место, выпущенное в печатных изданиях ее: о церковных имениях. По-видимому, этот вопрос интересовал его сильно, и он резко защищал ту же точку зрения, за которую погиб один из его преемников по кафедре, знаменитый Арсений Мациевич, именно: полную неприкосновенность имений, принадлежащих Церкви. В одном месте он говорит: «Хощеши ли грабити церковные, спросися Илиодора, казначея царя Сирийского Селевка, иже пришел бе во Иерусалим ограбити церковь и биен бысть ангельскими руками».

Но ярче всех дел Димитрия сияло его про-

поведничество, прославившее его еще в юности. Редко служил он без того, чтоб не сказать проповеди. Как отец с детьми, говорил он, проповедуя, с паствой. При необыкновенной силе и живости оборотов, святитель держал слушателя все время в напряжении. Не сухие догматические отвлеченности, а чаще всего жизнь со всеми ее проявлениями составляла его темы. И потому множество из них представляют собою как бы живые куски, выхваченные из той эпохи, с ее кровью, ее жилками. И всегда будут ярко рисовать время свт. Димитрия с бытовой стороны. Тон его речи не грозный, а увещательный, иногда переходит к иронии.

Вот, например, изумительное по смелости замысла слово о том, как Царствие Божие ходит по земле, ища себе места. Было оно в жилищах знатных людей. Там богатство, собранное граблением, хищениями, обидами; пошло в торговые ряды. Там плутни, обмер, обвес. В приказах, ратушах Царство Небесное нашло лицепрятие, и стоит там, плача, пророк Михай. Царство Небесное спросило его, отчего он плачет, а он отвечает: «О люте мне, яко прав-

ду творящего нет в человецех». Приближалось оно к дому вельможи. Там пируют и, войдя в палату, Царство Небесное «видит ядущия, пиущия и снедающия людей Божиих вместо хлеба: друг друга осуждает, друг другу зло мыслит, словесы льстить, а сердцем коварничествует». А там дело дошло и до ссоры – и Царство Небесное поспешно оставляет эти палаты. Встречается ему царь Давид и спрашивает, куда оно идет. Царство Небесное отвечает, что в городе не нашло себе места и думает поселиться между простыми людьми. Но Давид говорит, что и там жизнь испортилась. И множество таких дел, о каких и вспомнить стыдно. Не знает Царство Небесное, куда ему подеваться, и думает: пойду в храм, там пребывает Господь, и мне подобает там быть. Вошло Царство Небесное в церковь: «Видит иных дремлющих, иных друг с другом о внешних попечениях говорящих, иных – телом токмо в церкви стоящих, а умом не молитве внемлющих, но неведомо что мечтающих; клирицы читают и поют без внимания. Священники со диаконы в алтаре сквернословят, а иногда и дерутся». И кончило Царство

Небесное тем, что поселилось в селе, среди неизвестных страдающих людей: «Подобно есть Царство Небесное сокровищу сокровенну на селе».

Страстное стремление двинуть в нравственном отношении слушателей своих вперед – вот основное настроение проповедей Димитрия. Он скорбит над современными ему язвами: отсутствием любви, братства, справедливости. Он унаследовал общую черту лучших своих предшественников-проповедников: напоминать сильным и богатым о слепых и нищих.

Все сословия проходят пред нами с отзывом свт. Димитрия.

Вот люди высшие с их немилосердием – на Страшном Суде: «Узрят господа рабов своих, бояре – крестьян своих, их же немилосердно озлобляху. На пиру Иродовом едят людей, а пьют кровь их да слезы».

Вот архиереи: «Не того ради быти архиерею, еже величатися, еже напыщатися, сущу от всех почитаему, но да всеми виды смирения Христова образ на себя являет».

Вот священники: «Священнический чин

окрест престола Божия без страха Божия и без боязни стоит, чесому аз по премногу удивляюся, паче же долготерпению Божию: милосердный Христос не казнит внезапною смертию бесчинствующих во алтаре».

И еще: «Знамение доброго пастыря есть еже пред овцами, а не позади овец ходити в подвизах и богоугождениях». А что бывает? Овца бодра, а пастырь ленив, овца постничает, а пастырь на все разрешает, овца угождает Богу, а пастырь своему чреву или суетным человекам.

Общественная несправедливость глубоко волновала душу святителя. Он говорит: «Егда богатый яст, убогих труды упивается. Кто честен? – богатый! Кто бесчестен? – убогий! Кто благороден? – богатый! Кто худороден? – убогий!»

Ни пред кем правдолюбивый святитель не склонял главы. Признавая пользу некоторых реформ Петра, он резко осуждает то, что шло против дела Церкви.

Был издан указ не соблюдать в полках посты. И между прочим, у Соловьева упоминается, что один солдат был судим за то, что, во-

преки воле начальства, не желал нарушить поста. Это распоряжение о постах возмутило Димитрия, и он произнес резкое слово о двух пирах: Иродовом и Христовом. В проповеди укоряются блудники, пьяницы, подражающие Бахусову ученику Лютеру, разрешающие посты в полках.

В одной из лучших своих проповедей он ясно намекал на чрезвычайную гневливость Петра. В другой говорит: «Смертен ты быти памятствуй, – о царе, а не во веки живуца – днесь вси тебе предстоят, а утро сам един останешся в недрах земных. Днесь всем страшен, а утро мертва ты кто убоится? Днесь неприступен еси, а утро лежащ во гробе ногами всех попираем будеши».

Много горя пережил Димитрий в Ростове. Присланный от монастырского приказа стольник Воейков вел себя непочтительно и докучал святителю. Однажды, когда святитель служил литургию в соборе, стольник распорядился бить кого-то на правеже. Крик наказываемого был слышен в церкви. Святитель приказал, чтоб истязание прекратили. Стольник отказал. Святитель тогда, прервав

службу, ушел в свое село Демьяны.

И эти неприятности, и оскудение митрополичьего дома, доходившее до того, что митрополиту нечего было дать просящим, все увеличивалось. Раз он пишет другу своему, Стефану Яворскому: «Толико беззаконий, толико обид, толико притеснений вопиют на небо и возбуждают гнев и отмщение Божие». Скорбный духом, но твердый и неослабный в делах своих, жил святитель в неподходящем для него суровом и сыром климате Ростова. Нестяжательный, любил он одни сокровища книги, которых у него было до 300 томов, и эту библиотеку он пополнял иностранными изданиями, выписывая их чрез главную тогдашнюю артерию, по которой шли сношения торговые с Европой, – Архангельск. Можно думать, что в последнее время он и от этого утешения должен был отказаться: оскудение дома митрополичьего дошло до последней крайности. Незадолго до конца, в 1708 году он пишет Иову Новгородскому, приславшему ему пол бочки рыбы: «Не имам чем воздать, убог сын. Молю богатого в милости Христа, да Он воздаст». Покои святителя были

украшены портретами отца его, Саввы Тупталы, духовных благодетелей его: архиепископа Лазаря Барановича и митрополита Варлама Ясинского; глобусами – земным и небесным.

На вид святитель был белокурый, с проседью, худой человек небольшого роста, сторбленный. С маленькой клинообразной бородкой, в очках. Ходил он обыкновенно в шерстяной ряске любимого им темно-зеленого цвета.

Чувствуя угасание сил, одного он жалел, что его «Келейная летопись» останется недоконченной. Нельзя без душевного волнения читать неоднократные сетования святителя-литератора, видящего неоконченным за смертью своей любимое детище, плод трудов многих и искреннего вдохновения. Трудится он до конца, не слабея духом при телесном изнеможении, при внешних испытаниях. «Воля Господня да будет. Мы же своему вни-маем делу и посреди обуревания надежды спасения не теряем».

Он умножает аскетические свои подвиги. Часто по три часа он лежит неподвижно, распростершись крестом; или на даче своей, в се-

ле Демьянах, выставляет свое тело комарам и мошкам. Это вольное страдание нужно было душе его, и он выписывает себе место из бесед Макария Египетского: «Овые, имеющие благодать, о себе точию попечение имеют: это отшельники, пустынники. Иные же имех души пользовати тщатся, сия онех много превышают: это святители, учителя, проповедники Божия Слова. Иные же вдаша телеса своя в досады и страдания: сии высшие всех суть».

Думая о смерти и, быть может, признавая ее, как избавительницу от зол, святитель посылает родовую икону Богоматери в Троицкую церковь Киевского Кирилловского монастыря для постановки над гробом отца и пишет духовное завещание, которое трудно читать спокойно. Святитель просит не искать после него стяжания, не выпытывать денег от служащих ему: «От юности и до приближения моего ко гробу, не стяжевал имения, кроме книг святых. Не собирал во архиерействе келейных доходов, яже не многи бяху. Но ово на мои потребности та иждивах, ово же на нужды нуждных. Верую бо, яко приятнее Богу будет,

аще не единая цата (монета) по мне не останется, неже егда бы многое собрание было раздаваемо. Если никто не восхоцет меня тако нища обычному предати погребению, то пусть бросят в убогий дом. Если же по обычаю будут погребать, пусть схоронят в углу церкви св. Иакова, иде же место назнаменовати. Изволяй же безденежно помянути грешную мою душу в молитвах своих Бога ради, таковый сам да помяновен будет во Царствии Небесном. Требуяй же за помяновение мзды, молю, да не помянет мя нища, ничто же на помяновение оставивша. Бог же да будет всем милостив, и мне грешному во веки аминь».

До последних дней жизни перо не выпадало из слабеющих рук святителя. За несколько часов до смерти он пишет другу-монаху: «До чего не примусь, все из рук падет. Дни мне стали темны. Очи мало видят. В конце свет свещный мало способствует».

Вечером пред ночью, в которую он почил, он велел позвать певчих. Сидя у натопленной печки, он слушал пение составленных им кантат: «Иисус мой Прелюбезный, надежду

мою в Бозе полагаю, Ты мой Бог Иисусе, Ты моя радость». Отпустив всех, он удержал только любимого своего певчего и «усерднейшего в руках ему помощника» Савву Яковлева, который был переписчиком его сочинений.

В эти последние часы мысль святителя обращалась к его прошлому. Ему вспомнилась учебная пора, первые проповеднические успехи, великий труд Четьи-Минеи и безмятежное детство среди старых тополей и вишневых садов привольной Украйны. И он рассказал своему верному помощнику о своей юности, о своих молитвах и прибавил: «И вы, дети, такожде молитесь».

Окончив беседу, святитель сказал: «Время и тебе, чадо, отбыти в дом твой». Благословив мальчика, митрополит поклонился ему почти до земли, благодаря за помощь в переписке сочинений. Тот смутился и заплакал, а святитель еще раз кротко повторил: «Благодарю тя, чадо!» Певчий ушел. Это был последний человек, видевший святителя живым.

Св. Димитрий вошел в особую келью для молитвы и там на следующее утро 28 октября

1709 года был найден бездыханным. Он почил во время молитвы, стоя на коленях. Ему шел 59-й год.

Денег после него не осталось. По завещанию его, в гроб вместо стружек положены были черновики его рукописей. Около месяца тело его оставалось непогребенным, до прибытия Стефана Яворского, митрополита Рязанского. Связанные дружбой, они дали друг другу слово, что тот, кто умрет раньше, будет погребен другим.

Мы подробнее остановились на жизни святителя Димитрия, потому что видим в нем самую светлую личность в церковном мире XVIII века.

В век реформ, иногда глубоко антинациональных и противцерковных, этот великий человек показал, как можно быть просвещеннейшим и передовым деятелем, не изменяя прошлому своего народа и оставаясь безусловно верным православно-русскому строению.

Кроме такого значения исторического примера, святитель Димитрий не может не вызывать восторга как деятель литературный.

Все то, что ценно в писателе: верность своим убеждениям, горячность их, безусловная искренность и правдивость, ни перед чем не останавливающаяся, глубокая человечность и страстное желание добра ближнему, греющее сочувствие всякому жизненному страданию и вера в то, что жизнь может стать светлее, теплее и лучше – как внутренние достоинства души писателя; затем: блестящее образование, живость, ясность изложения, картинность, выпуклость образов, новизна и оригинальность оборотов, чрезвычайная сила слова – как внешнее достоинство его творений, – все это отводит ему одно из первых мест среди вообще лиц, послуживших России пером, лиц, пером которых говорила их чуткая и великая, много возлюбившая родной народ душа.

Как нравственная личность, как пример личного подвижничества, он тоже является ярким светилом своего века, ударившегося в материализм и прозу, тогда как он был и духом, и жизнью идеалист и поэт.

Что-то трогательное, детское есть и во многих обстоятельствах его жизни, например

в предсмертном вечере, и в его вере, и в незлобивой иронии его.

Наконец, невольное сочувствие к нему возбуждает и тот ореол глубокого мучения, который в последние годы сияет над его головой, мучения, которое запечатлелось даже в сохранившихся до нас его изображениях. И которое делает его невинною жертвою исторических ошибок и недоразумений.

Глава IV

Феофан Прокопович. Его деятельность и личность

Человека, сопутствующего всем безусловно его реформам, всегда готового слепо действовать в его видах и ставившего угождение ему выше угождения Христу, Петр нашел в Феофане.

Этот даровитейший человек родом был из киевских мещан и образование получил в Киево-Могилянской академии. 17-ти лет он поехал в Литву, где для учения в униатской школе назвался униатом. Обратив на себя внимание своими блестящими способностями, он послан был в Римскую академию, где пробыл два года, но, заподозренный в православии, бежал в Польшу, постригся в Почаеве и оттуда митрополитом Варлаамом вызван в академию как учитель пиитики.

Из пребывания своего среди католиков Феофан вынес глубокую ненависть к ним, особенно к иезуитам. К сожалению, избавленный от влияния латинства, он всю жизнь тя-

готел к протестантству.

В высшей степени интересно начертанное Феофаном описание иезуитов, дающее разом и верное изображение их, и прекрасный пример литературного мастерства Феофана.

«Великий Павел давно уже сказал нам, что как темный ангел, так и его слуги, обыкновенно одеваются в свет. Поддельное же благочестие латинских монахов служит для меня главнейшим доказательством их нечестия. Посмотрите на телодвижения, поступь, положение тела и лица; что увидите искреннего, неподдельного, неизысканного? Одни представляются нам сокровищами кротости и любви; других увидишь облеченными суровостью более, чем катоновскою.

Первые из них, большею частью совершенно напрасно называющие себя друзьями Иисуса, показывают вид, будто они пребывают в любви Божией. Они всецело созданы для приобретения благосклонности: являются в общество в черной, но изящной одежде; отличаются белизною кожи, — красавцы с головы до ног; тихо принимают веселый вид, придают лицу приятное выражение, складывают

губы по-женски, поднимают и опускают брови, мастерски потупляют глаза, приятно улыбаются. А сколько мастерства в том, что они имеют обыкновение, как некоторые протеи, в одно и то же время изменять свое лицо для выражения самых противоположных душевных движений! Сейчас ты слышал его веселого и забавного, но, если в речи его попадетсЯ одно словечко сколько-нибудь печального содержания, – вот он и вздыхает, и стенает, и слезки капают, и все это он делает с такою нежностью и приятностью, какую можно видеть в молоденьких девушках. Таковы-то почти все свойства этого ордена, и я подозревал, что лучшие учителя у них те, которые обучают искусству кокетничать. Но часто я не мог удержаться от смеха при виде многих иезуитов, которым вовсе было не к лицу представлять собою Купидонов или Венер. Когда они выходят на рынок и прогуливаются по городу, то несутся таким рассчитанным шагом, что, кажется, не идут, а танцуют. Если встретятся с кем-нибудь знакомым, который поддался их влиянию, тотчас оба (ибо они почти всегда прогуливаются вдвоем) самым весе-

лым образом начинают разговаривать между собою. Затем старший, то есть главный начальник чужого спасения, склонивши тихо голову и улыбаясь, говорит, пожимая руки встретившегося знаконца: “В каком состоянии ваш внутренний человек? Я уверен, что он здравствует, как нельзя лучше”. Затем сообщает радостнейшее известие, что в Индии могущественнейший правитель со всем своим народом, сколько ни есть его, приведен иезуитами к вере во Христа. Всегда неожиданно, а часто и неблагоприятно, приходят они в тот дом, где знают преданную их ордену госпожу. Там, после приятных взаимных приветствий, забавляют женщин многими благочестивыми шутками, хвалят управление дома, удивляются картинам, и, увидевши Христа пригвожденным ко кресту, вздыхают с деликатным сожалением и движением ресниц показывают, что они уже готовы расплакаться, но тотчас отворачиваются от чужих глаз, как будто для того, чтобы скрыть свои слезы. Часто, если есть маленькие дети, иезуиты, лаская их, дарят им небольшие иконы или привешивают на шею медь с изображе-

нием Игнатия Лойолы. Но самый благоприятный случай выпадает им, если они слышат, что какая-нибудь больная женщина лежит в постели. И если больная, поддавшись их льстивым внушениям, откажет им или часть наследства или большие деньги, тогда иезуиты значительно увеличивают обещанное больной вечное блаженство, и, кроме того, дарят ей четки, как вернейший залог спасения. Впрочем, чтобы не оставить без внимания и бедных, скорым шагом обходят и те дома, где жареным не пахнет.

Но так как не всем нравится эта благочестивая сентиментальность, то есть другой род обманщиков, которые, как будто родившись от древних сабинян, кажутся весьма суровыми, смеются над всеми приличиями света и попирают их: немые, грязные, с наморщенным челом, с синими зубами, необрезанными ногтями, с пренебрежением ко всякому убранству.

Весьма приличным считают для священного оратора, если он во время проповеди непристойно разводит руками, пугает всех суровым взглядом, кулаками и пятами бьет и

чуть не ломает кафедру. Однако ничего не может быть обжорливее и пьянственнее людей этого рода».

Эти строки, в передаче проф. Чистовича, по исполнению и яркой художественности представляют замечательную картину.

Весьма неодобрительно относится Феофан и к некоторым риторическим приемам католических проповедников.

Так, он приводит шутливую развязность одного проповедника, который в день, когда читались два евангельских отрывка, начавшихся со слов: «Во время оно», сказал так: «Я не хочу ни с кем ссориться, – говорю я теперь Евангелию. Два евангелия оспаривают для себя место в этом костеле. Я помирю евангелия, взявши темой моей проповеди слова обоих евангелий: “Во время оно”».

Феофан справедливо осуждает манеру – для оживления проповеди прибегать к таким примерам, как вопросы и ответы, часто весьма дурного вкуса, например: «Давид святой, что делаешь? Люблю, – говорит. Полно, любишь ли Его? Люблю». «Самаритянка, куда идешь? Вероятно, повидаться с друзьями? Но

не за водой с ведром. Неужели ты, самарянка, не считаешь это бесчестным? Неужели хочешь, чтобы другие смотрели на тебя подозрительно?»

Кроме из ряду вон выходящих способностей, Феофану помог случай: 5 июля 1706 года, когда Государь прибыл в Киев заложить Печерскую крепость, Феофан сказал в его присутствии речь, обратившую на себя внимание Петра. В ней не было длиннот, запутанных периодов, всей тяжелой артиллерии древней схоластики. Это была простая, одушевленная, радостная речь. Она положила начало фавору Феофана.

После Полтавской победы он сказал в Киевском Софийском соборе панегирик Петру, а позже сумел угодить и всесильному Меншикову, сказав и ему похвальное слово.

В 1711 году Феофан во время Турецкого похода, по указанию Петра, находился в русском лагере.

Затем, по возвращении в Россию, он по воле царя определен был игуменом Киево-Братского монастыря, ректором академии и профессором богословия. Как профессор он поль-

зовался громкою славою. Он оставил схоластическую методику и ввел новую, церковно-историческую.

Как хозяин Феофан привел в порядок денежную часть академии, запущенную в такой мере, что учащиеся постоянно голодали. А при нем пошло такое изобилие, что, по его же, Феофановым, словам: «Слух в народе носился, что в братском монастыре клад найден».

В 1715 году Феофан вызван был в Петербург. Год провел Феофан там в деятельности проповедника, причем являлся скорее публицистом, чем пастырем-учителем. Он преимущественно с точки зрения правительства обсуждал в своих проповедях политические дела.

Меншиков был очень добр к нему, в чем находили залогом его возвышения. Старорусская партия видела дурное предзнаменование в возвышении Феофана на весьма тогда значительную кафедру архиепископа Псковского.

Между тем двое ученых Московской академии – Гедеон Вишневский и Феофилакт Лопатин

тинский – ко времени еще вызова Феофана в Петербург составили протест, обвиняя Феофана в неправославных взглядах. Знаменитые ученые братья Лихуды согласились с протестом и отозвались не в пользу Феофана.

Когда стало известно о предстоящей хиротонии Феофана, протест пошел в Петербург в виде письма от Стефана Яворского к епископам, которые должны были посвящать Феофана, с требованием посвящать его не иначе, как если он отречется от мнений, выставленных в протесте. Но дело кончилось для Феофана благополучно: примирением со Стефаном.

Интересны письма Феофана к малороссийскому его знакомому Марковичу. Будучи архиепископом, он хвалит свой петербургский дом, «который отделал, кажется, чисто и прилично». Пишет о благоволении Петра, который в 1720 году подарил ему село и два судна: одно весельное, другое парусное. Говорит о своих письменных трудах: в это время, кроме более мелких трудов, он занят был составлением Духовного регламента, трактата о патриаршестве, трактата о лицемерии и трактата о мученичестве. Этот последний составлен

для увещания лиц, выказывающих «неразумную ревность» из-за перемены одежд, ношения париков, бритья бород и «тому подобных мелочей», как пишет Феофан. При этом Феофан приводит следующее «смешное приключение»: «Чей-то служка, начитавшись жития мучеников, и сам воспламенился ревностию к мученичеству и не зная, как этого достигнуть, придумал вот такую штуку: куплю, говорит, старинное русское седло, которые употреблять запрещено, и средь белого дня проеду на нем по Москве вопреки царскому указанию: авось, быть может, попаду на казнь. Вот, – заключает Феофан, – какой образ мыслей у этих несчастных; это-то зло мы и хотим уврачевать нашим сочинением».

При учреждении Духовной коллегии (Синода) Феофан был назначен вице-президентом ее, наравне с новгородским архиепископом Феодосием Яновским, которого он потом и погубил.

Положение Феофана было тогда чрезвычайно благоприятно. Ум его, вполне подходящий к целям Государя и не раз им испытанный, приобрел ему полное доверие Петра.

Часто видясь с ним и у себя, и у Феофана, которого он навещал, Государь любил толковать с ним о преобразованиях в Церкви и государстве. И всегда Феофан готов был стать усердным и понятливым орудием Петра. Все реформы Государя были объяснены с церковной кафедры Феофаном. Все почти, что он писал, он писал по заказу Петра. И случилось, что он, угождая произволу Петра, жертвовал иногда правдою.

Например, Петр задумал, вопреки всем преданиям русским, вопреки обычаям всех решительно монархических государств, присвоить себе власть назначать себе наследника по собственному избранию, не стесняясь нисколько не только первородством, но и родством. И Феофан в оправдание такого произвола пишет *Правду воли Монаршей*. Законоположение о Царской Фамилии Императора Павла Петровича положили предел тем смутам, какие вызваны были в течение XVIII века распространением этого неправильного взгляда Петра – взгляда, который защищало угодливое перо Феофана.

Известный историк князь Щербатов в сле-

дующих типических выражениях выражает свое мнение об отношении Феофана к Петру.

«Духовный чин, который не любил Петра за отнятие власти, гремел в храмах Божиих панегирики ему. Между сими Прокопович, который из духовенства, хотя нелюбви к Государю не имел, но был совершенно ослеплен честолюбием... выпранный свой голос на похвалы Государя возносил. Достоин он многих похвал. Но желательно бы было, чтобы они не от лести происходили. А похвалы Прокоповича, сего постриженного монаха (многие утверждали, что Феофан никогда не был пострижен. – Е.П.), сего честолюбивого архиерея, жертвующего закон изволениям Бирона; сего, иже не устыдился быть судьей Тайной канцелярии, быв архипастырем Церкви Божией: были лестны, яко свидетельствует собственное его сочинение *Правда воли монаршей*, памятник лести и подобострастия монашеского изволению государскому».

Кроме честолюбия, никак нельзя считать Феофана свободным от другой, неподходящей для монаха черты: корыстолюбия. Сколько Государь ни жаловал его, ему все казалось мало,

и попрошайничества, слезные, очень типичные письма его о его нищете с подробными объяснениями, откуда она происходит и как он бедствует, с просьбами о помощи: то дать ему дом в Москве, то денег, то простить долг, – проходят все его архипастырское служение. Он был широк в расходах, как увидим ниже. Но нельзя, к чести его, не сказать, что он был щедр и любил помогать даровитым молодым людям, которых на свой счет отправлял учиться за границу.

При погребении безвременно почившего Петра, Феофан сказал одну из тех речей, какие переживают столетия. Она начиналась словами: «Россияне, что видим, что делаем? Петра Великого погребаем!»

При Екатерине I, когда проискал Феофана был низведен с кафедры Новгородский архиепископ Феодосий Яновский, Феофан стал архиепископом Новгородским. Вскоре он поднес императрице, «в знак сыновней любви и рабской преданности», серебряный сервиз.

В бурное время второй четверти XVIII века, эпоху неожиданных дворцовых переворотов, Феофан выказал необыкновенную ловкость,

но, к сожалению, вовсе не свойственным его сану интриганством запятнал себя.

Талантливый и почтенный историк Феофана, проф. Чистович, говорит об этой стороне его деятельности: «Феофан, великий ум, государственный муж, первенствующий член Синода, превращался в агента Преображенской канцелярии, являясь, смотря по времени и обстоятельствам, то доносчиком, то подсудимым, но всегда необходимым ее членом. Надобно удивляться, как он не погиб в этом водовороте честолюбий, доносов, интриг, – в водовороте, который увлек Долгоруких, Меншикова, Дашкова и многое множество не столь заметных лиц. Какой это был находчивый и изворотливый ум, какая железная воля, какая настойчивость и непреклонность в достижении цели!»

Казалось, принцип Феофана был: губить врагов, пока они его не погубили, – и принцип этот применен им к делу.

Как далеко простиралась дальновидность Феофана, видно из следующего случая: после коронации Петра II в Москве было получено известие, что у Анны Петровны, герцогини

Голштинской (тетки Петра II), которая по про-
искам Меншикова, была выслана из Петер-
бурга в Голштинию, родился сын, названный
Петром (будущий император Петр III). В
Москве это событие прошло незамеченным.
Но Феофан, несмотря на юность цветущего
здоровьем Государя, воспользовался случаем
заискать в Голштинской семье. Его письмо
звучит тем более фальшиво, что не мог же он
не знать, как несчастлива в браке Анна Пет-
ровна и какой малолюбящий ее супруг. Он
сперва поздравляет герцогиню, а потом поно-
сит Меншикова, с которым у него были тогда
нелады.

Он пишет: «Присланный вами вестник,
принесший сюда уведомление о рождении у
вас сына пресветлейшего князя Петра, испол-
нил меня такою радостью, что я не нахожу
слов для ее выражения. Что бы я ни сказал,
все будет слабее моих чувств. Впрочем, скажу,
что могу, если не в состоянии высказать, что
хотелось бы. Родился Петру Первому внук,
Второму брат; августейшим и державнейшим
сродникам и ближним – краса и приращение;
российской державе – опора и, как заставляет

ожидать его кровное происхождение, – великих дел величайшая поддержка. А смотря на вас, счастливейшие родители, я плачу от радости, как неволью плакал от печали, видя вас, пренебрегаемых, оскорбляемых, отверженных, униженных и почти уничтоженных нечестивейшим тираном (Меншиковым). Теперь для меня очевидно, что вы у Всеблагого и Великого Бога находитесь в числе возлюбленнейших чад, ибо Он посещает вас наказаниями, а после печалей возвеселяет, как и всегда делает с людьми благочестивыми», и так далее.

Когда по кончине Петра II верховный Тайный Совет избрал на престол герцогиню Курляндскую Анну Иоанновну, отправили депутацию в Митаву с предложением Анне Иоанновне короны с тем условием, чтобы она управляла в подчинении верховникам, Феофан – так предполагали по крайней мере современники, – со своей стороны, отправил гонца в Митаву к новоизбранной императрице, которую он раньше знал и милостями которой пользовался, и предложил ей помочь, когда она захочет стать самодержавной.

Затем, когда дворянство, идя против замысла верховников, решило подать императрице прошение, чтоб она разорвала подписанные ею в Митаве условия самоограничения и тем вернула себе всю полноту власти, Феофан, говорят, сумел тайно посвятить императрицу в план дворянства. Рассказывают, что он подарил Анне столовые часы, а под доску их положил совет, как действовать, когда придет решительная минута. На следующий день во время аудиенции, данной дворянству, императрица разорвала подписанные ею в Митаве условия.

С Бироном Феофан все время находился в лучших отношениях.

Мы не будем останавливаться на тех многочисленных политических процессах, в которых Феофан плавал как рыба в воде, ни на его ученой деятельности.

Постараемся только, пользуясь трудом г. Чистовича, представить Феофана как частного человека.

Милостями Государей Феофан был богат. У него был дом в Москве, на Мясницкой, и дача в подмосковном селе Владыкине; в Петербур-

ге – деревянный дом на Аптекарском острове, на реке Карповке, каменный дом на Адмиралтейской стороне, приморская дача между Петергофом и Ораниенбаумом. Он любил архитектуру и имел страсть к постройкам. Дом на Карповке был его главным местопребыванием. Окруженный лесом, он отличался тем, что из него открывались прекрасные виды. На речке, пред домом, стояла маленькая флотилия из судов разного размера: на них устраивались речные прогулки. И при полной воде Феофан мог разъезжать на яхте и в Синод, в Невский монастырь и до самой приморской дачи. Эконом Феофана славился умением готовить хороший солод. Доходы Феофана, по тому времени, были очень значительны. Так, в присылке денег в петербургской конторе Новгородского архиерейского дома бывало тысяч 11 в год, а сколько поступало натурою! Не говоря о зерне, сене и т. д., одних лососей поставлялось 1500, сигов копченых и вяленых 2100. Из расходных книг видно, что ели у Феофана сытно и вкусно.

К чести Феофана нужно сказать, что введенные митрополитом Иовом госпитали он

поддерживал.

Феофан, кроме русских августейших особ, принимал и угощал знаменитых лиц, бывавших в Петербурге и Москве. Он вообще не стеснялся принимать свободное участие в пиршествах вместе с иностранцами. Еще Петру донесли на дурную жизнь Феофана, и Государь, любивший лично проверять доносы, захватил к Феофану в полночь и застал его среди веселой пирушки с друзьями. Феофан нашелся и, поднимая кверху кубок, запел: «Се жених грядет в полунощи».

Это остроумие понравилось Государю, и он принял участие в пире.

Хорошей чертой Феофана было то, что он принимал участие в художниках и студентах, сам помогал им, снабжал деньгами, покупал картины (у него было 149 картин масляными красками) и рекомендовал их богатым лицам. Он давал займы людям, которым за долги угрожало тюремное заключение. И, если впоследствии они не были в состоянии вернуть ему займа, прощал долг. У него были назначены дни, когда он раздавал милостыни.

В библиотеке его накопилось до 30 000 томов, и он охотно ссужал книгами других. По окончании дневных занятий он любил в кругу ученых свободно вздохнуть, делаясь познаниями. Тут он бывал гениально остроумен.

Путешественники говорили, что трудно найти человека, равного Феофану по занятиям и по «неописанной охоте к математике». Он до тонкости знал историю, философию, богословие, европейские языки, из которых на двух говорил, но позволял себе говорить только на русском или, в крайнем случае, на латинском.

У него была наилучшая по тем временам инструментальная и вокальная музыка. Иностранцы любили его угощения. Тут они развязывали языки, и то, что Феофану удавалось уловить из их планов, он сообщал Петру.

В 1721 году Феофан устроил при своем доме школу, куда принимали детей всякого звания. Это была лучшая школа того времени. Нахождение ее в тихом месте, на Карповской даче, представляло все удобства для правильной, сосредоточенной школьной жизни. Фео-

фан сам составил правила поведения воспитанников, озаглавив их «Регулы семинарии преосвященного Феофана архиепископа Великоновгородского и Великолуцкого». Правила эти чересчур формальны, отчасти дышат иезуитским духом, так как скопированы с правил иезуитских школ; и, насколько можно по ним составить себе понятие о жизни школы, эта школа уступала в отношении воспитательном описанной выше школе святого Димитрия в Ростове.

Вот некоторые из пунктов (эти «регулы» всякое первое число месяцев прочитывались воспитанниками вслух):

В простые дни поутру вставать в 6-м часу; в 7-м убираться честно; галстук, камзол, башмаки и чулки, чтоб чисты были; голова чтобы расчесана; потом молиться. 8–9 первое изученное вчера греческое протвердить, а потом латинского и русского языка обучаться; 10 гулять; 11 рисовать; 12 обедать и т. д.

При трапезе никому ни с кем ничего ни тихо, ни в голос не говорить, и никаким образом не соглашаться и не раздражаться, но внимать чтению.

В гулянии вне дому всем быть вместе и единому от других далее 50 сажен не отлучаться, дабы одни другим в случае помощи, и одни других об обхождении и некоем (сохрани Боже) припадке свидетельствовать могли.

Играния употреблять безбедные и незлообразные, например, в городки палками не играть.

Никогда двоим (в гулянии), ниже троим не отлучаться от прочих в сторону и тайно с собою ничего не говорить, но говорить явно и вслух прочих. И сие кто усмотрит, доносить должен.

Один с другим писемцами бы не пересылались, а если сие учинить, то хотя бы что доброе писал, жестоко, яко бездельник, наказан будет.

Никому никуды в сторону писем, не объявив прежде директору, не посылать. Також и кому откуда, хотя от родителей, письма присланы убудут, не распечатывать и не читать, но нераспечатанные подавать директору.

Никому не вязаться и не входить в дружбу и компанию с приказными, конюхами и прочими домовыми служителями.

Никому не говорить про людей честных и сановитых, чтоб могло быть с умалением чести их, хотя бы то и явно всем было, и обносилось бы в народе слухом.

Никому, когда и по нашему приказанию предоставлено пити будет, не пить жадно, и такого злообразия весьма храниться, кольми паче не пить до пьяна и не шуметь».

Для развлечения учеников Феофан устроил в школе вокальную и инструментальную музыку.

Лучших учеников Феофан посылал в гимназию при академии наук. Всего прошло чрез эту школу за 15 лет ее существования 160 молодых людей. Насколько Феофан заботился о школе, видно из его предсмертного распоряжения, по которому он все, лично ему принадлежащее, оставлял этой школе, с тем чтоб по окончании курса, кто получит место, мог обзавестись чрез пособие, из оставленных Феофаном средств, постройкою и хозяйкой.

Феофан умер еще не старым, 55 лет.

Можно думать, что эта школа была утешением его последних годов. Быть может, смотря на эту росшу на его глазах молодежь, он

гадал о тех лучших временах, когда люди будут уверены в завтрашнем дне и когда архиерею, для того чтобы спокойнее и безопаснее стоять на своем месте, не потребуются тонкой неустанной борьбы, не придется топить людей раньше, чем они его потопят.

Кто опишет, какие чувства волновались во впечатлительной душе Феофана пред концом его? Какие страшные призраки вставали пред ним: призраки людей, погибших с его ведома, а иногда по его проискам... И этих людей предстояло ему теперь увидеть лицом к лицу. Говорят, что перед кончиной Феофан, приставляя указательный палец ко лбу, говорил: «О главо, главо, разума упившись, куда ее приклонишь?»

Множество трудов и постоянное напряжение сломили крепкое здоровье Феофана так рано для него. До последней минуты он сохранял сознание. Он скончался перед вечером 8-го сентября 1736 года и погребен на южной стороне Новгородского Софийского собора, около митрополита Иова.

Самая блестящая эпоха деятельности Феофана, с точки зрения нравственной, была, ка-

жется, эпоха ректорства в Киеве. Нежная живая струя, внесенная им в сухое дотоле преподавание, сочувствие и поддержка, ради Феофана оказываемая академии сильными лицами, – все это поставило академию на не знаемую ею дотоле высоту, и в ее классах стали беспрестанно слышаться самые громкие имена Малороссии, молодые представители которой стекались сюда получать образование...

А далее...

Живи Феофан в другую, установившуюся эпоху, он бы был, вероятно, иной.

И страшно подумать, сколько великих сил его израсходовано на подпольную борьбу, на доносы, шпионства, на широко раскинувшуюся деятельность политического интриганства, в которой ему можно приискать одно лишь извинение: чувство самосохранения.

Наконец, невольно приходится жалеть, что великий ум Феофана не был озарен тем пламенем веры, которое бы осветило в его глазах иначе многие из явлений церковной жизни того времени и сроднило бы его с тем русским народом, духу которого так чужд Феофан-европеец.

Глава V

Опальные архиереи

Как характеристика эпохи очень интересна судьба архиереев, вовлеченных в поток тогдашних политических интриг и дорогою ценою расплачивавшихся за то. Мы остановимся на судьбе двух таких опальных архиереев, Феодосия Яновского и Георгия Дашкова, тем более занимательной, что они оба раньше пользовались большим фавором, – настолько большим, что тягались с Феофаном. И падением своим обязаны тому же Феофану.

Феодосий Яновский родом был из малороссийской шляхты. Что-то темное тяготеет над первыми годами его монашества. Он оклеветал пред Патриархом Симоновского архимандрита, его постригавшего, и был в цепях отправлен в Троицкий монастырь, где настоятельствовал тогда известный Иов, впоследствии архиепископ Новгородский. Иов не только принял в нем участие, освободил его из оков, но, назначенный в Новгород, взял его с собой и определил архимандритом знаме-

нитого Варлаамо-Хутынского монастыря. При проезде через Новгород Петра Великого Феодосию удалось обратить на себя его внимание. Но это внимание Государя надломило его, как видно, малоблагородную душу, и гордость его выразилась в том, что он стал презрительно обращаться с Иовом, своим архипастырем и благодетелем. Он даже стал подавать доносы Государю на такого просвещенного и доброго иерарха, каким был Иов. Чтоб исправить возникшие вследствие такого поведения Феодосия натянутые между ними отношения, Иов решился сделать ему пастырское вразумление.

Для Государя Феодосий казался настолько подходящим человеком, что в 1707 году Петр отличил его – послал осмотреть церкви и духовенство вновь завоеванных городов: Ямбурга, Нарвы, Копорья и Шлиссельбурга. Он стоял уже тогда так высоко, что первенствовал в некоторых важных духовных церемониях в Петербурге; так, он венчал великую княжну Анну Иоанновну (впоследствии Императрицу) с герцогом Курляндским.

Перенося церковное управление в Петер-

бург, Петр нуждался в человеке, который бы действовал в его видах. Стефан Яворский расходился с ним во взглядах; Иов был стар и хил, и Феодосий назначен был «администратором дел духовных» – то было временное управление церковное, в ожидании Синода. Тут Феодосий, постоянно находясь в сношениях с Государем (тот брал его даже с собой в заграничное путешествие 1716–1718 гг.), понял все его взгляды и стал весьма влиятельным лицом.

Русская партия, не одобрявшая взглядов Феодосия, не уважавшая его нетвердую жизнь, была недовольна возвышением Феодосия. Царевич Алексей Петрович выражался: «Разве за то его батюшка любит, что он вносит в народ лютерские обычаи и *разрешает на вся*». Вот этот именно, легкий взгляд Феодосия на религиозные обязанности, кажется, и был, к сожалению, удобен для Петра. Единомышленники Алексея Петровича певали в лицо Феодосию стих, начинающийся словами: «Враг Креста Христова», и говорили, что, когда будут его ставить в архиереи, то пригосуде будет эти слова петь при облачении. Учи-

тель царевича, Вяземский, написал даже ноты к этому стиху и отзывался, что с радостью бы дал певчим за то, чтоб они пропели этот стих, пять рублей, «для того, что Феодосий икон не почитает».

Между тем Феодосий вошел в такой фавор, что значение его стало выше всех архиереев. При таких обстоятельствах он не забывал несколько себя и умел выпрашивать у Петра материальные блага не только себе, но и своим родным.

По характеру, как мы видели из первых его жизненных шагов, кляузник, заносчивый, неуживчивый, он путался в чужие дела, со всеми перессорился, возбуждал против себя и светских лиц, и иерархию, знать и простолюдинов, белое духовенство и монашествующее.

Как бы предчувствуя, что такое всеобщее отношение к нему до добра его не доведет, он подал Государю прошение об увольнении его «на безмолвие» – то есть на покой, по той причине, что, как словами псалма писал он, «умножися паче влас главы моя ненавидящий мя туне», причем пространно излагал и причины ненависти к себе, вызванные будто

бы принятыми им по духовному ведомству мерами.

Свое прошение он заключал словами: «Того ради, припадая к милосердию Вашего Величества, прилежно молю, – да будет повелено прочее время мизерного моего живота скончать мне в чернеческом безмолвии, да не горше что безвинно постражду».

Но Петр приказал поставить его архиепископом Новгородским, а когда основан был Св. Синод, сделал его первым вице-президентом Синода.

И в этом звании он не сумел изменить вызванного им к себе раньше недружелюбного отношения. На всех смотрел он свысока. «Только себя любил, – пишет о нем один архиерей, – а братию весьма ненавидел. Еще же по острожелчию своему денно-нощно вымышлял, как бы брату своему пакость сотворить, а иногда некий, кого поглотить».

Ходили слухи, что он с архимандритов и архиереев берет взятки, предоставляя им зато видные места. Народ же был раздражен его пышною жизнью, его прихотями, неприличными для архиерея и монаха.

Уже после падения Феодосия Казанский митрополит Сильвестр Холмский подал в Св. Синод в высшей степени интересное «объявление» о винах Феодосия, драгоценное в бытовом отношении.

Приведем некоторые места из этого «объявления», ярко рисующие самовластие, корыстолюбие и неприличие поведения Феодосия.

«Он, будучи в Москве, оставя церковные службы, и монашеское правило, установил у себя ассамблеи с музыкою и тешился в карты, шахматы и в том ненасытно забавлялся, якобы вместо всеобщего бдения себе вменял, и других к тому понуждал.

И бывшим в Москве архиереям, также в московских монастырях архимандритам и последним маломощным игуменам, сочиня всеневную роспись, велел ассамблеям быть с различными потехами: и то-де миру не будет в тягость.

Да он же в московском подворье велел послушнику своему Тарасу с колокольни старинные колокола продать, чтоб не мешали ему во всю ночь в шахматы играть, потом дозволено спать. Он же в палатах особливую се-

бе немецкую баню сделал новым проводом, чтоб ни у кого такой не было, все потаенно.

Он же собою, без указа благочестивые и вечно достойные памяти его императорского величества, в Дмитрове городе старинный Борисоглебский монастырь приписал к себе во все с вотчинами и с крестьянами, и со всеми угождями, а старцев того монастыря велел выбить вон безвременно, а оный монастырь разорил, бесстрашник, занапрасно.

Да он же, яко сущий бесноватый, будучи в Москве, на память великого святителя Алексея митрополита, в Чудове монастыре во время литургии в алтаре кричал бешеным своим голосом: “Ризничий чудовский, принеси ко мне Алексея чудотворца образ, который носят в крестном хождении”. И паки он же кричал нелепым гласом: “Ризничий, подай нож”. И, взяв нож, святителя помянутый образ положи на лавку, с гневом говорил хульные слова: “Некоторый-де безумный золотой сей оклад приложил” и резал проволоку. Едва смог. Однако, развращенный он желаемое получил, золотую цату оторвал чеканной работы и положил себе в карман нагло при всех. И о том

дерзновении с плачем все зрящие удивлялись его похабству.

Он же, как получил милость в Синоде заседать судьейю и, вымысляя наглостью своею, распечатав патриаршую ризницу, разобрав всякую святейших Патриархов рухлядь, похитил себе лучшие портищи, рясы теплые, мехи старинные, соболии под бархатом и под атласом, и старинные объяри, луданы большой руки, мехи старинных черно-бурых лисиц, часы золотые и иные портищи (предметы), дарил своих советников и прочих нескудно.

Ему же, гордому фараону, многие архиереи и архимандриты присылали в дар лучшие, и не малые, гостинцы повсягодно: Киевский, Сибирский, Нижегородский и Греческий дарили, чтобы всегда в милости его быти.

И как я прибыл в Санкт-Петербург, и он ко мне, лукавец, на квартиру приезжал, и я от келейных своих вещей дарил его различными вещами. Еще в Невском монастыре, в его же келье, взял он, архимандрит, у меня пятьдесят червонных келейных монет и обещал меня впредь миловать и охранять. И вместо охранения восстал на мя свирепо и мстил

мне жестоко, а за что – не знаю. И пакости несносные чинил, и так озлился, яко же лев, рыкая, и искал меня поглотити и других возмутил на мя пакости чинить».

Конечно, здесь слышен раздраженный тон человека, который, между прочим, жалуется даже на то, что данная им Феодосию взятка не принесла жалобщику пользы. Но если в жалобе и есть, быть может, преувеличения, все же поведение Феодосия вполне странно.

Петр мог знать, мог и не знать о пороках Феодосия; главное, Феодосий нужен был ему как делец-практик с покладистой совестью, проводящий новые понятия в церковном управлении. Петру нравилось в Феодосии то, что он был яркою противоположностью надоевших ему типов святош, из которых не все были искренни, а некоторые прикрывались лишь личиною благочестия.

Уже в последние годы жизни Петра Феодосий зазнался и держал себя иной раз заносчиво даже пред Государем и Государыней императрицею. Но пока это сходило ему с рук. Между прочим, ему была пожалована осыпанная бриллиантами панагия, с изображе-

нием распятия на одной стороне, и с портретом Петра – на другой. Феодосий носил ее на голубой ленте.

При Екатерине I Феодосий стал еще заносчивее. Как-то он приехал к Дворцовому мосту. Стоявший на часах гвардеец не пустил его. Преосвященный, выйдя из кареты, стал махать тростью с угрозой. Потом, войдя в дворцовую переднюю, гневно спросил у гвардейского офицера, для чего они его не пускают? «Мне-де бывал при Его Величестве везде свободный вход. Вы-де боитесь только палки, которая вас бьет, а наши-де палки больше тех. Шелудивые-де овцы не знают, кого не пускают».

Другой случай вышел еще резче.

В Синоде придворный уставщик передал Феодосию приказание Государыни служить на следующий день панихиду по Государю. Он обиделся и сказал: «На это есть чередные» (удивительно, что он отлынивал от богослужения по человеку, которому был всем обязан). Уставщик отвечал, что Государыня велела быть «всем синодальным, потому сороковой день».

По выходе уставщика Феодосий разразился пред членами Синода гневными речами: «Бог милостивый, какое тиранство! Мирская власть повелевает духовной – молиться. Покажите мне, отцы святые, где это написано». На это ему ответили его сослуживцы, что найти бы можно, да к чему? Мы-де по своему Государю всегда должны молиться.

В конце концов Феодосий сказал: «Пойду и я, и буду служить, потому что боюсь, чтобы не послали в ссылку. Только услышит ли Бог такую молитву?»

После панихиды Феодосий получил приглашение к царскому столу, но сказал, что он обещен, и не пошел.

На следующий день Феофан Прокопович явился к императрице и сделал донос на Феодосия.

Минута для Феофана была критическая. Феодосий, ненавидевший его, подкапывался под него. По его наущению на Феофана было донесено, что им спорот был жемчуг с облаченной псковской кафедры, который Феофан присвоил себе.

Дело принимало плохой для Феофана обо-

рот. Лучшим средством спасения он выбрал гибель своего главного врага, Феодосия.

Феофан обвинял Феодосия в разных непристойных речах против покойного Государя и современных порядков: что, дескать, за недоброжелательство к духовенству найдет на Россию Божий гнев, что Петр тиранил Церковь, что смертельная болезнь произошла у Петра «от безмерного женоневежества и от Божия отмщения за его посяжку на духовный и монашеский чин, который он хотел истребить. Излишняя его охота к следованию тайных дел, показывает мучительное его сердце, жаждущее крови человеческой». И что он, дескать, вообще резко отзывался о современных церковных порядках.

Феодосия осудили. Указ о нем был составлен Феофаном с преувеличением и искажением многих сторон дела. Он был приговорен к ссылке в Корельский, у устья Двины, монастырь, где его должны были содержать под караулом.

Его заточили в одной из келлий, под церковью. Он просил к себе духовника, со слезами исповедовался и приобщился в церкви, в

епитрахили с поручами, объясняя: «Сан архиерейский с меня не снят. Я только отрешен от епископии». Но тайная канцелярия лишила несчастного узника и этого утешения. Было приказано приобщать его однажды в год, Великим постом, и не в церкви, а в его заточении.

Впоследствии, по новому доносу на Феодосия, или, как его тогда называли официально, «Федоса», участь его еще ухудшилась. Оказалось, что он со всех своих подчиненных брал присягу на верность себе «по обычаю царской присяги». За это его приговорили к лишению архиерейского и иерейского сана и предписали посадить в тюрьму или в каменную келью наподобие тюрьмы – притом, чтобы близко от кельи не было людей, а давать ему только хлеб и воду. Для исполнения этого распоряжения был послан в Корельский монастырь гвардейский офицер граф Мусин-Пушкин, сын Мусина-Пушкмна, ведавшего монастырским приказом. Когда он приехал в монастырь, Феодосий был у обедни. Пока шла обедня, Пушкин приказал закласть кирпичами окно кельи Феодосия. Так что осталось

оконце – менее чем в четверть аршина в ту и другую сторону. После обедни с него сняли сан и заключили. Грустно читать, как Архангельский губернатор Измайлов, посетив Корельский монастырь, доносит, что «Федос еще жив». Но не долго промучился он. Когда была приготовлена для него новая тюрьма, он не имел силы ходить и был перенесен на руках. Через несколько времени он не стал отвечать на стук к нему и не брать пищи. Снесшись с губернатором, дверь распечатали и раскрыли. Феодосий был мертв. Возник вопрос о месте его погребения. Сначала Тайная канцелярия распорядилась, набальзамировав его тело, отправить под видом клади в засмоленном гробе в Петербург. При этом канцелярия допытывалась, не произносил ли Федос пред смертью каких «противных слов». Но потом предписано было везти останки в Кирилловский Белозерский монастырь, где он и был погребен.

Феофан, конечно, радовался уничтожению противника.

Но теперь, в отдалении времени, судьба его вызывает сострадание. Как ни была недо-

стойна вся его жизнь, он носил священный сан; и враги его, измыслившие для него такое великое уничижение, не хотели понять, что столь ужасною карою они уничижают и себя и дают печальный пример, которым захочет воспользоваться последующее поколение, что мы и увидим в судьбе Арсения Мациевича.

Тяжела участь и другого интригана, Георгия Дашкова.

Родом из известной дворянской семьи Дашковых, Георгий в звании «соборного старца Троицкого монастыря» оказал боярину Шереметеву помощь в усмирении в 1706 году бунта астраханских стрельцов. «Сколько в тот бунт народу укоротил, – писал о нем царю Шереметев, – дивлюсь, откуда такое его мудрое происхождение явилось. И если б не его в том было радетельное происхождение, конечно (то есть до конца) бы Астрахань разорилась». Петр за это «радетельное происхождение» решил взыскать Дашкова своею милостью и определил его келарем в Троицкий монастырь.

Здесь Дашков вполне наслаждался всем, что

могло доставить ему богатство этой знаменитой обители. В братскую трапезу, как то делали его предшественники и как следовало бы делать, он никогда не ходил, завел свой стол. Прислуги у него было личной – до 20 человек. Вклады, которые приносили в монастырь усердствующие золотом и серебром, Дашков в казенный приказ не отдавал, а покупал на эти деньги экипажи, сбруи, лошадей. Он был великий охотник до конной части, строил конюшенные дворы, держал до 150 конюхов. Нужных ему людей дарил деньгами и лошадьми. Снабжал всем возможных своих многочисленных родственников, выдал племянниц замуж за «монастырских дворян» и назначил их управителями в лучшие из громадных и многочисленных тогда вотчин Троицкого монастыря.

Его поездки к братьям, алексинским помещикам, совершались с баснословною роскошью. Забрав в путь и в подарки множество припасов, он ехал громадным поездом в 150–200 лошадей. Для ночлега разбивались палатки, около которых становились на часах отставные гвардейцы. Его зятя и братья

гостили в монастыре неделями, не отказывая себе ни в каких прихотях. Все это сходило Георгию с рук, и в 1718 году он был поставлен епископом на важную Ростовскую кафедру.

Человек старых убеждений, он был недоволен учреждением Св. Синода и подал в 1721 г. в Синод доношение «весьма противное и дерзностное», за которое ему был объявлен выговор с предостережением, что если не попросит у Св. Синода прощения, то «без должного наказания не останется».

В царствование Екатерины I и Петра II Георгий был в силе. Сам без образования, лишь с внешним лоском людей известного круга, он не любил ученых, которые тогда олицетворялись в высшей иерархии малороссиянами, несочувственно именуемыми от приверженцев старины «поляками». В русском обществе царило убеждение, что эти «поляки» клонят русскую Церковь кто к лютеранству, кто к католичеству. Что добра от них не будет. А личным поведением своим многие из пособников Петра в его церковных реформах оттолкнули от себя даже и тех незнатных, новых людей, какие бы могли им сочувствовать. Один

из наиболее видных деятелей петровских реформ, Феодосий, падением своим не возбудил жалости, и тотчас начались отмены разных петровских постановлений, несогласных с преданиями старины.

В такую-то эпоху и стал на виду Дашков с его природным умом, волею и настойчивостью.

По поводу отобрания монастырских имуществ и назначения их в аренду служилым людям, он подал Государыне сильный протест, который, изложив свое мнение, заключает словами: «А мы о таких непорядках, по нашей верности Вашему Величеству, не донести не смеем. И умолчать, как от Бога, так и от Вашего Величества опасны, да не явимся безответны в день праведного суда Божия и да не примем ленивого раба воздаяния».

Честолюбивому Дашкову хотелось быть первым в церковном управлении, и он, понятно, не мог ужиться с Феофаном Прокоповичем, который занимал первое место и был столь противоположен ему во взглядах.

Он собрал себе партию и выжидал удобного случая действовать. Как человек не послед-

ней фамилии, он был свой в высшем кругу, хорошо с Долгоруким и другими влиятельными людьми. И чрез них старался упрочить свое положение.

При Петре II, когда началась реакция в пользу старины, во многих приверженцах прежнего церковного строя возникли самые смелые предположения: мечтали ни более ни менее, как о восстановлении патриаршества.

Дашков, мечтая о патриаршем сане, видел в нем достижение заветной мечты: стать выше всех. И действовал происками, материальными средствами, задаривая сильных вельмож, чтоб они склоняли юного царя к восстановлению патриаршества и к избранию в Патриархи его, Дашкова.

Смерть Государя не дала осуществиться этим планам. Но Феофан припомнил и недоброжелательство к себе Дашкова, и желание Дашкова подняться выше его.

При императрице Анне Иоанновне, во время особенно благоприятное для разного рода интриг и доносов, Феофан решился погубить своего врага. Прежде всего он поселил в императрице личное неудовольствие против Даш-

кова и убедил ее в его нерасположении ко всему потомству ее отца, царя Иоанна Алексеевича. Затем он стал утверждать, что, сыпля подарками и производя непомерные расходы для достижения патриаршества, Георгий Дашков разорил свою Ростовскую епархию.

Императрица, по внушению Феофана, приказала Синоду вести это дело судебным порядком.

Вот этот любопытный указ: «Понеже известно Ее Императорскому Величеству учинилось, что Ростовский архиерей Георгий в Ростовской епархии чинил тамошним обывателям и монастырям разорение. Чего ради именным Своего Императорского Величества указом повелела: из Св. Синода в Ростовскую епархию послать указ, дабы той епархии духовного и мирского всякого звания люди объявляли без утайки, кому какие разорения тот Ростовский архиерей Георгий учинил – без всякого опасения и страха».

Тогда всплыли все бесчисленные истории поборов Георгия с монастырей и духовных лиц, буйств и грабежей слуг архиерейских, заключения без вины подчиненных в оковы,

пока не откупятся, и так далее.

Интересно, что и на Ростовской кафедре Георгий хранил свою страсть к лошадям, и монастыри особенно жалуются, что у них забраны Георгием лошади и не возвращены.

Георгия лишили сана и сослали «под крепкое смотрение» в Спасо-Каменный монастырь (на Кубенском озере) Вологодской епархии.

Впоследствии обнаружили, что Георгию родные его шлют в заточение письма и помощь, что монастырское начальство обходится с ним почтительно, и бедный кандидат на патриарший престол был подвергнут строгому режиму.

Совершенно иное отношение к себе, а именно глубокое, умиленное уважение и вечно-благодарную память вызывает личность светлого борца за православие Феофилакты Лопатинского. Он тоже погиб, погиб не без участия Феофана, но причиной его гибели были не собственные его преступления, а истинно пастырская ревность, его борьба с протестантизмом, имевшим тогда при Дворе мощного защитника в лице всесильного фаворита Бирона.

Имя Феофилакта упомянуто было в истории хиротонии Феофана: он с другим ученым монахом (Гедеоном Вишневским, впоследствии архиепископом Смоленским) подал протест чрез Стефана Яворского против хиротонии Феофана, упрекая его в неправославии и требуя, или чтоб он торжественно пред хиротониею отрекся от тех взглядов, которые они приводили, или чтоб его мнения были внесены на рассмотрение вселенских Патриархов. По желанию Петра делу не было дано хода, но Феофан, никому ничего не прощавший, запомнил хорошо это происшествие.

Император Петр был строг к иностранцам, желавшим распространять свои учения в России: за совращение православных в иную веру была установлена смертная казнь. Не то стало при Бироне.

Архиепископ Тверской Феофилакт, знавший почившего Стефана Яворского, решился издать сочинение, написанное Стефаном для предохранения православных от протестантской пропаганды, именно *Камень веры*. Насколько благовременно было появление в печати этой знаменитой книги, как она жадно

читалась, видно из того, что, изданная в первый раз в 1728 году, она уже в следующем, 1729 году появилась вторым изданием, а в 1730 году – третьим. Достоинства ее доказываются тоже тою ненавистью, которую вызвала она (как некогда ее автор) у протестантов. В Москве от имени Буддея было написано «Послание против Стефана Яворского к другу в Москве». Феофилакт написал «ответ на послание», защищая *Камень веры*.

Узнав, что Бирон и Феофан (который ненавидел Стефана, так как чрез него подан был пред его хиротонией протест Феофилакта и Гедеоны) разгневаны на издателя *Камня веры*, Феофилакт просил разрешение поднести императрице свое возражение на книгу Буддея и получил уже позволение, как вдруг ему было объявлено: не только не издавать этого возражения, но, под страхом смерти, и не говорить о нем. Таким образом, защитникам православия Бирон попросту закрыл рот, а нападки протестантов продолжались беспрепятственно. Так появилась книга *Молоток на Камень веры*, не столько разбиравшая по существу сочинение Стефана, сколько глумившаяся над

личностью незабвенного борца за православие Стефана Яворского.

Ужасно то, что из-за старых личных счетов Феофан стал действовать с сильными против слабого, одиноко боровшегося за истину Феофилакта. И по злосчастной привычке своей Феофан обратился к Тайной канцелярии, куда он подал *Камень веры* и защиту его Феофилактом, называя оба сочинения вредными для государства. И началась исповедническая страда Феофилакта. Сперва его исключили из состава членов Св. Синода и он удалился в Тверь. По требованию Бирона *Камень веры* был запрещен и экземпляры его конфискованы. Киевского митрополита Варлаама Вонатовича, сделавшего в Киеве великолепное издание *Камня веры*, вызывали в Тайную канцелярию, лишили сана и заточили в Белозерском монастыре. Затем туда же вытребовали и Феофилакта, три месяца держали его там, потом тайно отправили в Тверь. Но погибель его была решена. Были сысканы доказчики, обвинявшие его в оскорблении Величеств, им же облагодетельствованные снова стали допрашивать Феофилакта в канцелярии Биро-

на. Его ответ был, что он ничего против императрицы не замышлял и не делал. Ему предложили присягнуть в том. Он ответил со слезами на глазах: «Совесть меня ни в чем не зазирает. Я готов это исполнить» – и присягнул. После этого заседания у Бирона произошел случай, наводящий на невольные размышления. Один из судей неправедного суда, архимандрит Новоспасский Иларион, возвращаясь вечером из заседания, был внезапно разбит параличом, мертвый вывалился из коляски, чего не заметили слуги, пока не приехали домой, и тогда лишь увидели, что его нет, и вернулись искать его. Так покарал Бог одного из изменников веры.

Канцелярия Бирона стала пытаться Феофилакта. Его три раза подымали на дыбу, били батогами. Три года содержали его под тайным караулом на подворье. Феофан уже умер и давал на Божиим Страшном и нелицеприятном Суде ответ за всех, им погубленных, а дело Феофилакта еще длилось, как свод личных счетов Бирона с русскою верою. Феофилакта расшиб паралич, и все же по настоянию Бирона его объявили лишенным сана, монашества и

заперли в Петропавловскую крепость. Тут протомился он еще два года. По свержении Бирона правительница Анна подписала указ «снова признавать Феофилакта в сане архиепископа». Петербургский архиепископ Амвросий перевел его в свой дом, и здесь вокруг него, недвижно распростертого, собрались члены Синода и был объявлен ему указ, восстанавливающий его в прежнем достоинстве. Все рыдали.

Здесь же посетила его цесаревна Елисавета и спросила его: «Знаете ли вы меня?»

– Знаю, что ты искра великого Петра, – отвечал он.

Цесаревна, отвернувшись, заплакала и дала 300 руб. на лечение. Она уже царствовала, когда Феофилакт 6 мая 1741 года почил.

Да будет благословенно имя великого исповедника!

Глава VI

О отношении к Церкви императрицы Елисаветы Петровны

Царствование императрицы Анны Иоанновны, омраченное владычеством немца Бирона, угнетавшего все русское и развившего до чрезвычайности деятельность Тайной канцелярии, представляет собою одну из самых печальных эпох в истории России.

После недолгого промежутка от кончины Анны Иоанновны на русский престол вступила императрица Елисавета Петровна. Ее воцарение было с величайшею радостью приветствовано русским обществом, возлагавшим большие надежды на эту «дочь Петрову».

Действительно, царствование Елисаветы Петровны было истинно русское. После владычества немцев, при дворе стали видны исключительно почти русские люди. За 20 лет правления Елисаветы Россия отдохнула от всей пережитой ею тяготы. И Русская Православная Церковь узнала спокойные дни, не смущаемые никакими инославными влияни-

ями и прогрессами, сводившими заживо в каменные гроба русских архиереев.

Нельзя опустить молчанием черты набожности Елисаветы Петровны, объясняемые во многом обстоятельствами ее молодости.

Ее положение при Анне Иоанновне было крайне щекотливо. Императрица, ревнивая к своей власти и желавшая после себя оставить престол потомству сестры своей Екатерины Иоанновны Мекленбургской, не могла сочувственно относиться к своей двоюродной племяннице, полной жизни и обаяния, привлекательной, легко к себе располагающей наконец, дорогой всем русским как дочь Петра, вознесшего Россию так высоко, что чувствовали даже и те люди, которые осуждали Петра за некоторые стороны его реформ.

Малейшая неосторожность – и Елисавете Петровне угрожало невольное пострижение.

Вести себя политично и прикидываться преданной Анне Иоанновне ей было тем тяжелее, что она была по природе живая, веселая, откровенная. Очень понятно, что от постоянного страха за себя и в сознании ответственности, которой она подвергает своих

приближенных, она нашла утешение в чувствах религиозных.

Несмотря на всю свою страсть к увеселениям, балам, спектаклям, нарядам – она в душе была чисто русская девушка и была предана Церкви и всем ее обрядам, как любая боярышня московской Руси.

Она часто езживала в Александровскую слободу, где некогда жил Грозный и где иночествовала одна из ее теток, так что жизнь иноческая была ей близко знакома.

В противоположность своему отцу она очень любила разных «важных людей» и охотно заводила с ними знакомство. Так, в Москве, в старинном приходе Николы Явленного на Арбате, положен в самом храме один «Василий болящий». Известно, что этого Василия навещала Елисавета Петровна.

Она интересовалась внутренним бытом монастырей, вникала в назначение настоятелей, особенно для хорошо известных ей обителей, ходила на богомолье к Троице из Москвы пешком.

Надо, к сожалению, сказать, что в эту эпоху спокойной своей жизни высшее духовен-

ство чересчур предалось роскоши и мало помышляло об удручении плоти. Так, соборные старцы и настоятели монастырей носили бархатные и шелковые рясы, исподнее платье с пряжками серебряными и золотыми, обувались в шелковые чулки. У архимандрита Гедеоны Криновского, знаменитого проповедника, который был одно время настоятелем Троице-Сергиевой Лавры, владельца более чем ста тысяч душ крестьян, были, как говорит предание, на башмаках бриллиантовые пряжки ценою в 10.000 рублей.

Интересны следующие черты жизни Лавры той эпохи, переданные известным знатоком старины Снегиревым.

В одно время, Лавре была половина монашествующих великороссы, москали; другая – малороссияне. Они образовали две партии, не сочувствовавшие друг другу. Однажды монах-москаль говорил в соборе поучение, а гробовым, у раки преподобного, стоял малороссиянин. Проповедник, подражая голосу гробового, стал говорить о людях, которые, «имущи образ благочестия, гробовым голосом повторяют: “Боже, милостив буди мне грешному”, а

под языком у них труд и болезнь, сердце их полно злобы и лукавства, а карманы – золота и серебра». Гробовой принял эти слова на свой счет, тотчас пошел в алтарь и пожаловался архимандриту, своему земляку. И архимандрит поставил выразительного проповедника на поклоны во время трапезы.

Эта неприязнь двух народностей в составе троицкой братии обнаружилась следующим образом пред императрицей.

Архимандриту, который был малоросс, стало известно, что императрица будет в Лавре. Собрав своих земляков, он сказал им: «Ее Императорское Величество изволит прибыть в нашу Лавру, а как ей известно, что молитвами прп. Сергия Господь взыскал Лавру богатством, и как она любит велеление, то постарайтесь явиться пред лицом Ее Величества в лучших одеждах». А великороссам он присоветовал одеться как можно хуже, чтоб показать себя во всем монашеском смирении. И те, и другие исполнили распоряжение архимандрита. Императрица заметила это резкое различие в одеянии братии и спросила: «Лавра всем изобилует. Отчего же одни одеты хо-

рошо, а другие бледно и худо?» На это архимандрит отвечал: «Потому, Ваше Величество, что братья из малороссов трезвы и благоприличны, а великороссы невоздержанны и нерадивы». Императрица бы и осталась при таком объяснении, если бы случайно не узнала всю правду от своего любимого истопника. С этим человеком императрица любила беседовать в свободные часы, а он, имея родного брата среди лаврских монахов, открыл ей всю проделку архимандрита.

Вообще Лавра пользовалась изобилием во всем. Она славилась в то время медами, пивами и квасами. Виноградные вина выписывались бочками, рыбы свозились от собственных ее рыбных ловлей. Пред всенощной в северный и южный алтарь приносились ведра с пивом, медом и квасом для клиросных, так что сложилась поговорка: «Правый клирос поет, а левый в алтаре пиво пьет». За всенощной в алтаре, после благословения хлебов, служащим подавали красное вино в чарах.

Каждому монаху ежедневно отпускались: бутылка хорошего кагору, штоф пенного вина, по кунгану меда, пива и квасу.

Такое роскошество велось до назначения архимандритом Лавры знаменитого Платона, впоследствии митрополита Московского.

Императрица благоволила к духовенству еще и оттого, что самый близкий ей человек, граф Алексей Кириллович Разумовский, был возведен ею на вершину государственных почестей из придворных певчих.

Человек характера простого, незаносчивый, не стыдившийся своего незнатного происхождения из простых казаков, Разумовский в своем новом величии сохранял любовь к прежнему своему занятию и привязан был к богослужению, к благолепию храмов и к духовенству.

Сердечная набожность императрицы особенно ярко доказывается ее отношением к любимой иконе Знамения Богоматери, впоследствии прозванной Царскосельскою.

Эта икона, величественных размеров и весьма древняя, была домашнею иконою русских царей и привезена в Россию при Романовых, как можно думать, Патриархом Царградским Афанасием, который на обратном пути в Царьград преставился в г. Лубнах, где

он поживает нетленно, в сидячем положении, почему и называется в просторечии «Афанасий сидячий». Петр Великий перевез икону эту в Петербург, и она стала впоследствии келейною иконою цесаревны Елисаветы Петровны. В ту ночь, когда был произведен дворцовый переворот, возведший ее на престол, Елисавета Петровна молилась пред этой иконой и пред нею дала обет в случае, если достигнет престола, не казнить в свое царствование ни одного человека.

Замечательно, что, воцарившись, она не тотчас издала манифест о своем восшествии на престол, но прождала несколько дней для того, чтоб манифест вышел в праздник Знамения Богоматери, 27 ноября.

Затем, в благодарность Богоматери, помогшей цесаревне Елисавете, императрица Елисавета в своем любимом местопребывании, Царском Селе, воздвигла близ дворца церковь и торжественно крестным ходом перенесла в эту церковь икону Знамения. В этом крестном ходу участвовали члены Синода, все сановники и сама императрица, время от времени поддерживавшая икону.

При Елисавете оставшиеся при Дворе протестанты не смели говорить против православия, тогда как в царствование Анны Иоанновны православие открыто гнали. Елисавета дала преимущества принимающим православие: освобождение от суда и наказания за незначительные преступления, повышение служащих в чинах. Она так всюду выставляла свое уважение к вере отцов, что при ней некоторые из остзейских дворянских фамилий приняли православие.

Одним из людей, сиянием своей чистой души освятившим эпоху Елисаветы и пользовавшимся личным почитанием императрицы, был епископ Белгородский Иоасаф.

Почитание святителя Иоасафа Белгородского чрезвычайно распространено в малороссийских губерниях.

Постоянно приходится встречать там иконописные, и часто большого размера, изображения святителя, висящие в углу комнаты как иконы или в божницах вместе с другими образами. В Белгороде «к святителю Иоасафу ездят на богомолье».

Несомненно, краткая, но чрезвычайно бо-

гатая подвигами добра и христианскою ревностью жизнь святителя произвела сильное впечатление на соплеменную ему Малороссию, а «жизнь святителя по смерти» – засвидетельствованные случаи подачи им чудесной помощи – поддерживают это впечатление.

Святитель Иоасаф происходил из известного малороссийского рода Горленко.

Его прадед, Лазарь Горленко, был выходцем из Заднепровья. Он бежал от гнета польской унии вместе с другими православными (уния, измышленная католиками, имела целью подчинить православие Римскому папе и вводилась силою, да так, что не желавшие принять ее подвергались страшным гонениям). Он славился своею воинскою удалью.

В начале XVII века он основался в городе Прилуках, где долгое время занимал влиятельную должность полковника Прилукского казачьего полка. Сын его Димитрий и внук Андрей наследовали его звание. Лазарь и Димитрий получили от Государей значительные земли в Черниговской области, наследованные Андреем.

Любовь к бедным была отличительной чертой Андрея Горленки, наравне с благочестием. Женат он был на представительнице знаменитой малорусской фамилии Апостол – Марии Даниловне. Ее отец был малороссийским гетманом.

Доселе сохранились многие малороссийские фамилии, считающие себя в родстве со святителем Иоасафом.

Святитель Иоасаф родился в праздник Рождества Богородицы – 8 сентября 1705 года, во время литургии. По древнему обычаю давать новорожденному имя святого, память которого празднуется вскоре за днем его рождения, младенца называли Иоакимом, в честь отца Пресвятой Девы.

О детстве святителя Иоасафа почти никаких сведений не сохранилось. Можно думать, что он был в высшей степени серьезный, вдумчивый ребенок. Развитие в нем религиозности с первых лет его жизни не подлежит сомнению.

Родители предназначали его для мирской жизни, надеялись видеть в нем наследника своего обширного состояния, своего звания и

значения. На восьмом году они отправили мальчика в Киев, куда богатое дворянство малороссийское посылало своих детей. Особенно по учреждению там знаменитым митрополитом Петром Могилою Киево-Братской Могилянской академии. Через эту академию прошло много представителей знатнейших фамилий.

Расставаясь с сыном, родители сильно тосковали о нем, и вот, его отцу было замечательное видение, которое приготавлило его к мысли о том, что ему предстоит впоследствии полная разлука с сыном.

Однажды, задумавшись о сыне, Горленко сидел вечером на крыльце. Солнце уже заходило. Посмотрев на запад, он увидел Богоматерь, стоявшую на воздухе, и сына своего Иоакима, в молитве припавшего к Ее ногам.

Богоматерь сказала отроку: «Довлеет ми молитва твоя», – и тогда слетел ангел и накинул на мальчика святительскую мантию...

Поняв в ту минуту, что его сына ждет духовное поприще, огорченный отец воскликнул: «Нам же, родителям, Пречистая Богоматерь, что оставляешь?» Но ответа не было, и

видение кончилось.

В одном тропаре, ходящем по рукам и написанном в честь святителя Иоасафа, это событие вспоминается в начальных его словах: «От младенчества Богом предъизбранный, в отрочестве покровом Божией Матери приосененный, святителю отче Иоасафе... Довлена Богоматери молитва твоя...»

Едва кончилось видение, Горленко пошел рассказать об этом жене, но, не дойдя до нее, все забыл и с совершенной ясностью вспомнил об этом лишь чрез много лет по смерти сына.

Жизнь в Киеве среди множества святынь и духовное получавшееся им образование укрепили в молодом Горленке религиозное настроение.

Мир не манил его. Его влекли к себе уединение, подвиги, Церковь, и в нем уже на шестнадцатом году созрела решимость посвятить себя всего Богу.

Но он проверял это решение свое, таил его в себе и лишь на восемнадцатом году сказал родителям, что чувствует призвание к монашеской жизни, и просил благословить его на

поступление в монастырь.

Родители пришли в ужас. Они настолько привыкли считать его своим главным наследником, так сильно надеялись, что он будет жить близ них, обзаведется семьей, что они и слышать не хотели о том, чтобы ему умереть для мира.

Тяжело было Иоасафу, но он вспомнил слова Спасителя: «Иже любит отца или мать паче Мене, несть Мене достоин».

Он вернулся в Киев под предлогом окончания образования и удалился в Киевский Межигорский монастырь, расположенный уединенно. Здесь он проходил целый год искус, полагающийся пред пострижением. Это время прошло в чрезвычайных подвигах. Он ел одно сухое, отказавшись даже от вареного.

О том, как он жил в это время, он кратко отозвался во время предсмертной болезни своей сестре, госпоже Квитке: «Сестрица, излишняя ревность в начале не дает мне ныне веку дожить».

Чтоб не тревожить до времени родителей, подвижник оставил в Киеве преданного ему слугу, который пересылал ему письма родите-

лей и отправлял им письма молодого своего господина.

На двадцатом году в пещерном храме Межигорского монастыря Иоаким был пострижен в рясофор с именем Илариона. Тогда-то доверенный слуга отправился в Прилуки и объявил родителям, что сын их, теперь инок Иларион, просит их благословения и прощения за послушание.

Со слезами и великою грустью родители приняли эту весть, но простили сына и послали ему благословение.

Еще два года провел новоначальный инок в Межигорской обители, а затем его вызвали в Киево-Братский монастырь, при котором была академия, и тут 21 ноября 1726 года, на праздник Введения Пресвятой Богородицы, он пострижен был в мантию с именем Иоасафа.

Иоасаф – это имя царевича Индийского, который познал свет Христов, оставил царство и провел жизнь в великих подвигах пустынножительства; и имя молодого русского князя Заозерского, оставившего мир и спасавшегося в чрезвычайных подвигах в Вологодских пре-

делах, где он и кончил в ранней молодости свою жизнь.

Затем Иоасаф занимал должности учителя при академии, а в 1737 году был назначен игуменом Дубенского монастыря, где почивают нетленные мощи Патриарха Афанасия.

В монастыре Иоасаф нашел все в беспорядке. В соборе давно уже обвалился купол, в предшествующий год пожар истребил деревянные кельи. В средствах был недостаток. Требовалась усиленная деятельность, чтоб привести все в порядок.

Между тем Иоасаф болел. Он сам пишет, что «августа 15-го 1737 года заболел крепко, с какою болезнью боролся до месяца генваря 1738 года, и уже близ исхода обретался, но Божию наказующего милостию пока здравием помилован, однако не первым, и всегда в слабости пребывал, и от тех времен час от часу ко исхождению шествую сию многопечальную жития моего стезю».

Тем не менее он много работал и наконец решился предпринять поездку в обе столицы, чтоб собрать средства на исправление храма. В Петербурге ему удалось представить проси-

тельную книгу самой императрице Елисавете Петровне. При этом вышло такое интересное обстоятельство.

Перед тем императрица пожертвовала тысячу рублей на Николаевский монастырь и, при поднесении ей сборной книги Иоасафом, сказала, что она уже назначила тысячу рублей. Ей доложили, что то был Николаевский монастырь, а это другой – Спасо-Преображенский. Императрица сказала: «Если Николаевскому выдано 1000 рублей, то Спасовой обители выдать 2000 рублей».

Вообще сбор был очень удачен. Отчасти этому должно было способствовать родство о. Иоасафа с лучшими малороссийскими фамилиями. А в то время малороссы были сильны при Дворе и в Петербурге чрез знаменитых Разумовских. С тех пор императрица Елисавета Петровна, отличавшаяся глубокою набожностью и истинно русским сердцем, всегда сочувственно относилась к Иоасафу.

Вернувшись в свой монастырь, о. Иоасаф деятельно принялся за ремонт храма, но был назначен наместником Троице-Сергиевской Лавры, с оставлением в его заведовании Ду-

бенского монастыря.

Через три года умер митрополит Белгородский, и императрице были представлены четыре кандидата на его кафедру, из них о. Иоасаф четвертым. Императрица остановила свой выбор на нем.

Для хиротонии он ездил в Петербург и был рукоположен в присутствии императрицы и царской семьи в Петропавловском соборе 2 июня 1748 года, в день Всех Святых.

Древняя Белгородская епархия была очень обширна. В ее состав входили теперешние епархии: Курская, Харьковская, часть Черниговской... В ней было 1060 церквей.

Несмотря на слабость сил, в управлении епархией епископ Иоасаф выказал чрезвычайную энергию и настойчивость.

Прежде всего он объездом епархии знакомился с нею. Этот объезд показал ему большие неустройства.

Большая часть духовенства была невежественна. Белгородская духовная семинария и Харьковский коллегиум не могли приготовить достаточное количество образованных священников: остальные обучались в школах

при соборных церквах, где образование давалось первоначальное.

Дело доходило до того, что многие священники во время литургии еле разбирали по складам Служебники.

Епископ немедленно выписал из Москвы книгу о церковных таинствах и сделал распоряжение, чтобы ее усвоили себе все священники. Объезжая епархию, он экзаменовал священников в знании ее. Незнающих посылал доучиваться в Белгород, а безнадежно невежественных отрешал от места.

Он потребовал усиления деятельности благочинных в наблюдении за церковным благочинием и деятельностью священников.

Как исторический документ в высшей степени интересно наставление святителя от 1750 года, где он говорит о замеченных им неустройствах и указывает меры к их устранению.

Он заметил, что некоторые священники хранят запасные Дары у себя в домах. Не имеют ковчегов для перенесения Их больным и носят Их к умирающим в бумажках и кошельках.

Об этом передают следующий случай из его святительского опыта. Однажды во время обозрения епархии он остановился в доме священника, который был в отъезде. Отпустив на ночь келейников, епископ ощутил необычный ужас, пронявший все его существо. Он никак не мог уснуть и, рассматривая в комнате предметы, нашел на полке, между домашнею посудой, бумагу, в которой лежали Святые Дары. Их-то присутствие и наводило ужас на его чуткую душу. Бережно положив их на стол, он до самой утрени молился перед ними. Утром хозяин дома явился и был отрешен от должности и лишен священнического сана.

Было предписано священникам, под угрозой лишения священства, хранить св. Дары на престоле, носить Их к больным в потирах, облачась в ризы, в предшествии свечи и колокольчика. Затем ополчился епископ против обычая, по-видимому сильно привившегося в его епархии, – во время служения литургии подносить св. Евангелие (за малым входом), крест и антидор почтенным прихожанам. Вполне основательно видя в таких действи-

ях крайне неприличную для духовных лиц льстивость на почве религии, святитель писал: «Благоговейные должны со страхом и благоговением приступати к прикосновению их, а не прикасати гордящимся; невежи священники воздадут ответ Богу в день судный за столь человекоугодное свое служение, а Божия славы унижение».

Это очень интересная черта в деятельности святителя, показывающая, как высоко он держал знамя Церкви.

Характерно также указание епископа Иоасафа, что священники во время богослужения позволяют себе странные нововведения, и он строго запретил эти «непостребные вымыслы: лишние, где не надлежит, рук воздеяния, каждения, пред великим выходом креста целование и прочие лишние благочиния, что паче бесчиние есть, и внимающих — не к сокрушению, а к смеху побуждает».

Постоянно заботился он о том, чтобы иконы в церквях были написаны правильно, потому что при состоянии тогдашней иконописи иконы могли иногда «внушать смех кощунный в невеждах».

Для хранения св. мира епископ выписал для всех храмов 3000 стеклянных сосудов с ящичками.

Нетрезвость духовенства было явление, с которым епископ боролся неутомимо. Рассказывают даже, что однажды чудесным образом, во время объезда епархии, он получил извещение об одном члене сельского причта, безнадежно пившем, и отрешил его немедленно.

Ссоры и распри были тоже обычным явлением, и епископ строго предписал, чтобы враждовавшие – до полного примирения не осмеливались служить литургию.

Кроме этой постоянной борьбы с недостатками духовенства, много огорчений причиняло епископу поведение мирян.

В простом народе – самое грубое невежество, суеверия. Святитель писал, что в городах и селах простой народ, храня следы языческого празднования «в неделю св. Пятидесятницы празднует языческий праздник некоей березы, а в день Рождества св. Иоанна Предтечи – Купала и вечерницы, с песни скверными и чрез огонь скакати».

Приказывая духовенству увещевать народ

прекратить эти празднования, святитель сделал очень хорошее распоряжение, чтобы священники всякое воскресенье в конце обедни учили народ правильно креститься и с голоса обучали молитвам: Трисвятому, молитве Господней, «Богородице Дево», покаянному псалму и Символу веры, «начиная от малых младенцев до престарелых людей наизусть им сказуя, да за священником приговаривают до тех пор, пока в память им углубится».

Очень практический способ для обучения безграмотных.

Заботы святителя о простом народе доходили до того, что он предписывал благочинным смотреть, «исполняют ли шатающиеся цыганы христианский долг исповеди и св. причастия и крестят ли своих детей».

Требовательный к духовенству, епископ к действительным нуждам его относился с чрезвычайной заботливостью и защищал его от произвола сильных лиц.

Управляющий имения князя Юсупова самовольно выгнал сельского причетника. Святитель приказал причетнику вернуться на место и угрожал управлению имения запеча-

тать иначе церковь, а владельцу в

Петербург написал настоятельное требование о вознаграждении обиженного.

Он вообще не смотрел на лица, когда шло дело о достоинстве Церкви. Постоянно обличая нехранение высшими классами постов, он видел в неурожаях, бывших в то время в Белгородской епархии, – наказание Божие за эту измену церковным уставам, а духовенству напоминал, что оно даст ответ Богу за это нерадение своих духовных детей.

Командир Украинской дивизии граф П.С. Салтыков в Великий пост имел у себя мясной стол. Увидевшись с графом, епископ настоятельно просил его прекратить этот соблазн. Граф резко отвечал, что хотя и живет в Белгородской епархии, но не причисляет себя к пастве преосвященного Иоасафа и не считает себя обязанным ему послушанием. Но святитель продолжал убеждать его и достиг того, что Салтыков со слезами раскаялся.

Эта ревностная деятельность и искание всюду славы Божией доставило немало огорчений святителю. Его осуждали, оскорбляли, делали на него постоянные доносы.

Милосердие было одною из наиболее развитых в епископе Иоасафе добродетелей.

Все доходы богатой кафедры он раздавал бедным, имевшим к нему всегда свободный доступ. Всякий страдавший был ему близок и дорог, и, насколько не щадил он тут себя, видно из следующего.

В Белгороде содержался под караулом важный политический преступник. Святитель посылал ему ежедневно кушанье со своего стола.

Об этом узнал губернатор и заметил епископу, что напрасно он заботится о враге государства. В те времена, когда так легко было быть заподозренным в политической неблагонадежности, святитель Иоасаф не смутился пред этими намеками и спокойно ответил губернатору, что, если и тот будет когда-нибудь заключен, и ему будет посылаться обед от архиерейского стола.

Раздраженный и смущенный губернатор попросил у него объяснения его слов, и тогда святитель обличил его в многих незаконных действиях и увещевал исправиться. Губернатор (может быть, искренно, а может быть, по-

тому, что святитель угрожал ему довести до сведения Государыни о его злоупотреблениях, а Государыня, как губернатор знал, уважала святителя, – может, и из этих человеческих расчетов) обещал загладить свои несправедливости.

Следующий случай в чрезвычайно отрадном свете рисует отношение епископа к бедным.

Пред великими праздниками он посылал с доверенным келейником милостыню к бедным: деньги и платье. Келейник должен был, сложив все у окна или порога дома, стукнуть в стену, чтобы обратить внимание хозяев, и поскорее отойти.

Иногда случалось, что келейник был болен, и тогда святитель сам, улучив такую минуту, когда привратника не было у ворот, прокрадывался в одежде простолюдина на улицу и ходил по городу с тайною милостынею. Однажды пред Рождеством, когда он, переодетый, уже возвращался домой, привратник окликнул его у ворот. Не желая быть узанным, он постарался проскользнуть молча. Тот схватил епископа, стал допрашивать

его; подвижник пытался вырваться и получил несколько сильных ударов в спину, так что еле-еле смог доплестись до дома.

Обо всем этом узнал лишь один келейник его.

Вообще, точно предчувствуя, что век его будет недолог, он спешил делать добро, спешил наполнить жизнь свою подвигами.

Он постоянно помнил неизбежный час смерти и со слезами готовился к нему. Во время принесения бескровной Жертвы он обыкновенно заливался слезами.

Келейник, приходивший к нему с докладом об утренних и вечерних богослужениях, заставлял его всегда молящимся. При всяком бое часов, отбивавшем умчавшийся в вечность час, святитель произносил молитву, молиться которою советовал и другим. Она и называется доселе ежечасной молитвой святителя Иоасафа Белгородского, и многие ее творят. Вот слова этой молитвы:

«Буди благословен день и час, в онъ же Господь мой Иисус Христос мене ради родися, распятие претерпе и смерти пострада. О Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в час смер-

ти моя прими дух раба Твоего в странствии
суца, молитвами Пречистыя Твоея Матере и
всех святых Твоих, яко благословен еси во ве-
ки веков, аминь».

Можно думать, что епископ заранее знал
время своей кончины.

В последний год жизни он отправился на
родину и не раз говорил, что уж не вернется в
Белгород. Он приказал устроить при Троиц-
ком соборе каменный склеп и назначил окон-
чить его к осени (он скончался в начале зи-
мы).

В мае он отслужил в соборе последнюю ли-
тургию и простился с паствой, прося у всех
простить его за невольные его прегрешения и
разрешив всех, кто его обидел.

Выезжая из города, он еще раз повторил,
что его больше не увидит.

Граждане провожали его до той горы, у по-
дошвы которой стоит город. Выйдя из экипа-
жа, он обернулся лицом к городу и благосло-
вил его. На это самом месте чрез полгода
встречали его гроб.

Старый отец епископа Иоасафа, Андрей
Дмитриевич, в то время разделил свое иму-

щество между сыновьями и жил в маленькой келье, которую построил в лесу, недалеко от Прилук. К семье он приезжал по большим праздникам, чтоб вместе с нею бывать в церкви. Ожидая сына, он тоже приехал в Прилуки.

Уважая сан епископа, он хотел встретить сына со знаками величайшего уважения, но не хотел унижить и отцовское свое достоинство.

Когда подъехала карета, везшая Иоасафа, отец, подойдя к ней, как бы нечаянно уронил свою трость на землю и, доставая ее, поклонился сыну в ноги. Епископ понял хитрость отца и, со слезами бросившись к нему, сам поднял трость.

Отец и сын долго говорили в уединенной комнате, где всегда останавливался отец, и не раз Иоасаф ходил в его лесное уединение.

В это последнее свое свидание с родными он еще раз выказал свою бесценную ревность к Церкви.

В одном из имений его родителей они устраивали домашнюю церковь, и придел этого храма, уже освященного, оставался

недостроенным и без крыши. Узнав об этом, святитель строго заметил им, что они заботятся об удобствах своего жилья, а о храме не думают, и вынудил у них обещание поскорее достроить придел.

В другой раз, войдя во время проскомидии в храм, куда просфоры доставлялись из дома его родителей, он заметил, что они испечены, хотя и из пшеничной, но не белой, как следует, а темной муки. Он запретил священнику продолжать литургию и, взяв просфору, показал ее матери и жене брата, строго порицая такое нерадение.

Возвратившись домой, он побывал в Лубенском монастыре. Уже в пределах своей епархии, в селе Грайвороне, он сильно заболел предсмертной болезнью своею, продолжавшеюся более двух месяцев.

Кроме келейников, за ним ходили брат его – бригадир Андрей Горленко – и сестра, бывшая замужем за полковником Квиткою. Сестре своей святитель рассказал в это время кое-что из своей жизни. Своим келейникам он предрек все ожидающие их главные обстоятельства их жизни.

Он почил 10 декабря 1754 года 49 лет отроду.

В час его смерти Исая, игумен Хотмыжского монастыря, лежащего недалеко от Грайворона, видел во сне, что он со святителем Иоасафом стоит в Белгороде у окна, и святитель, указывая ему на восходящее, ярко сияющее солнце, говорит: «Как солнце сие ясно, так светло предстал я в час сей престолу Божию».

Игумен, проснувшись, заметил время своего сна и послал немедля в Грайворон узнать о здоровье святителя. Посланный вернулся с ответом, что святитель скончался в тот самый час, который заметил игумен.

Родные святителя были немедленно извещены о его кончине. Вся семья отправилась к старику-отцу, чтобы приготовить его к этой вести.

Но Андрей Дмитриевич, прежде чем они заговорили, сказал: «Знаю, что вы пришли ко мне с известием о смерти сына моего Иоасафа. Но я это узнал прежде вас: 10 декабря вечером мне был голос: “Сын твой скончался”. В волнении старик замолчал, потом промол-

вил: “Умер он, умерла с ним и молитва”».

И здесь вдруг припомнил он таинственное явление Богоматери: как в небе видел он Ее и пред Нею молящегося сына, которого ангел накрывал святительскою мантиею. Он тогда же забыл это видение и теперь, чрез сорок лет, с необычайною яркостью припомнил его и рассказал о нем семье.

Когда на той горе, с которой в августе Иоасаф благословлял город, произошла встреча возвращавшегося во гробе епископа, вопли бедных, которым он тайно помогал, заглушили церковное пение.

Денег после святителя осталось 70 или 80 копеек медью, и консистория запрашивала Синод, на что хоронить его. Было предписано взять 300 рублей из запасных сумм архиерейского дома.

Тело святителя до половины февраля оставалось в соборе открытым и не погребенным в ожидании архиерея для похорон.

Еще никто в городе не знал, кто будет отпевать его, как святитель явился во сне трем лицам и сказал: «Козлович очень медлит с погребением».

Впоследствии выяснилось, что на погребение был послан Переяславский епископ Иоанн Козлович, который задержался из-за сильного разлива вод.

Святитель погребен был в устроенном по его воле склепе Троицкого собора. По его завещанию, на средства его брата устроен был там алтарь и служились заупокойные обедни.

Прошло два года после смерти его, и несколько человек соборного причта, уверенные в праведности святителя, потихоньку открыли его гроб. Хотя в воздухе склепа было сыро, тело святителя, лицо, одежда, гроб – все найдено было совершенно целым без малейших признаков тления, лицо было вполне сходно с его портретами.

Быстро распространился о том слух, к могиле стали собираться больные, и произошло много случаев исцеления.

В монастыре ведется запись продолжающихся и поныне знамений у нетленного тела святителя Иоасафа Белгородского.

Святитель Иоасаф имел вид постнический, немного суровый. У него были темно-серые острые глаза, седые волосы и еле заметная бо-

рода. Он изображается большею частью в архиерейском полном облачении, держащим в одной руке жезл. Другая рука благословляет или держит крест.

Глава VII

Екатерина II. Архиереи-великороссы. Отвлечение в казну монастырских имений. Монастырские штаты. Протесты

Екатерина II, вступившая на престол после кратковременного царствования своего супруга, племянника и преемника императрицы Елисаветы Петровны, не отличалась особой набожностью. Вместе с другом своим Вольтером и другими модными руководителями тогдашней мысли она признавала в религии главным образом политическое значение – именно род узды для народа. Лишенная искреннего религиозного чувства, она в то же время исполняла все требования наружного благочестия. Она не позволяла в своем присутствии говорить против религии, восхищалась проповедями Платона, целовала у духовенства руки, шла иногда в крестных ходах, бывала у Троицы, настаивала на том, чтоб присутствовать при положении в новую раку мощей свт. Дмитрия Ростовского.

При императрице Екатерине утвердилось

возвышение на иерархические ступени лиц из великорусских монахов, начавшееся еще при императрице Елисавете, тогда как раньше архиереев назначали в основном из малороссов. Малороссы, воспитанные преимущественно на латинских богословах, невольно перенимали у них некоторые клерикальные воззрения по отношению к Церкви и к государству и после

Феофана Прокоповича не выставили ни одного пособника мирской власти. Между тем Московская академия и епархиальные великорусские семинарии стали быстро совершенствоваться и, раньше руководимые киевскими монахами, теперь имели собственных руководителей из своих же выучеников, людей свежих, живых, даровитых. Образовалось сословие великорусских просвещенных монахов, которое, в противовес киевским, императрица сочувственно поддерживала, выдвигая представителей его на иерархические посты.

Первый из великороссов, еще при Елисавете (говорят, что переданная выше проделка Троицкого архимандрита-малоросса, желавшего оклеветать пред императрицею велико-

россов, сильно повредила южным монахам в ее мнении) выдвинулся Димитрий Сеченов, достигший важной митрополии Новгородской.

Затем стал возвышаться Гедеон Криновский. Родом из Казани, он провел первые годы самостоятельной деятельности, служа учителем Казанской семинарии, и имел там неприятности. Предание говорит, что ректор-малоросс расправился с ним весьма патриархально: несмотря на его монашество, приказал высечь его розгами. В Москве его приютила Московская академия. Здесь он обратил на себя внимание своими проповедями. Через И.И. Шувалова императрица Елисавета, любившая послушать хорошую проповедь, узнала о нем; его пригласили раз сказать проповедь при Дворе, и он сделал это так успешно, что был назначен придворным проповедником. Это первый великорусский проповедник.

Чуждый риторичности киевских проповедников, их вычурности, манерности в мыслях и в слого, ясный, простой, всем доступный, черпавший доказательства не из силло-

гизмов, а из сердца слушателей, Гедеон приятно поразил современное ему общество.

Радостно было также слушателям слышать чисто русскую речь там, где раньше всегда раздавался сильный хохлацкий акцент. Гедеон, сверх всего, обладал прекрасною дикцией, и митрополит Платон отзывается, что «он столь приятно и сладостно произносил слова свои, что слушатели бывали как бы вне себя и боялись, чтоб он не перестал говорить». Посвященный скоро в архимандриты, сделанный членом Синода, он был назначен архимандритом Троице-Сергиевой Лавры, продолжая жить по преимуществу в Петербурге и сохраняя до кончины Елисаветы звание придворного проповедника. Гедеон, испытавший на себе тяжелую руку малороссов, не мог, конечно, не относиться к ним враждебно. Вознесенный мирскою властью, он был всецело ей предан, а вел себя как вельможа, что позволяло ему богатство Лавры. Носил по моде того времени шелковые башмаки и чулки, на башмаках бриллиантовые пряжки в 10 тысяч рублей; гардероб его с шелковыми и бархатными рясами занимал целую

комнату. О нем говаривали: «Гедон нажил миллион».

По восшествии своем на престол Екатерина велела посвятить Гедеона в епископы Псковские, но держала его в Петербурге.

Третьим видным монахом-великороссом был Гавриил Петров. Родившись в Москве, он получил образование в Московской духовной академии. Когда он кончил курс, начальство стало склонять его к принятию монашества, но он решительно отказался и, потеряв место учителя, занял невидную должность корректора Московской синодальной типографии. В академии освободилась кафедра пиитики, и Св. Синод предложил Петрову занять ее, с чем необходимо тогда было связано и пострижение в монашество. Петров опять отказался. Такое уклонение от иночества нельзя объяснить ничем иным, как только тем, что грубый деспотизм малороссов-монахов очень уронил это звание в глазах даровитейших студентов. Петров же имел ясно выраженные аскетические наклонности и только об одном и думал, как бы больше находиться при церкви. Когда он окончил курс и был некоторое

время без должности, он думал занять про-
свирническое место, только чтоб иметь, как
сам говорил, «маленький кусок хлеба» и слу-
жить при храме. Но от монашества Петров не
ушел.

Великороссы Димитрий Сеченов и Гедеон
чрезвычайно дорожили всеми талантливо-
ми великороссами и тянули их вперед. Пет-
ров был для них такая находка, которую они
не желали легко выпустить из рук. Заметив
Петрова в синодальной типографии, Гедеон
сразу оценил его и решил в себе, что он выве-
дет его на дорогу. Он принудил его принять
место в академии, ведущее за собой постриже-
ние. Но Петров не постригался. Последовал
указ об этом Синода, Петров не постригался.
Гедеон в Синоде настаивал на своем требова-
нии, и последовал вторичный указ, причем
было прибавлено, что «уже отговоркам вни-
мать не будут» и чтобы Петров немедленно
ехал в Петербург к Гедеону для пострижения.

В 1759 году 29 лет от роду Петров постри-
жен Гедеоном с наименованием Гавриилом.
Сеченов и Криновсий стали так быстро воз-
вышать его, что через два месяца он был рек-

тором семинарии и наместником Лавры.

Три года он усиленно работал и по семинарии, и над громадным хозяйством Лавры, еле успевая принять раз в день пищу, состоящую из кашицы с сухарями. Через три года Гавриил был сделан ректором академии и настоятелем Заиконоспасского монастыря. По смерти Гедеона, поведшей за собою перемещение архиереев, он был назначен на Тверскую епископскую кафедру, на тридцать третьем году возраста, а в Петербурге ему поручали важные дела.

Раз императрица Екатерина шла с ним рядом в крестном ходу и все время беседовала, а потом отозвалась, что он «муж острый и резонабельный». Она посвятила ему, в виде особого к нему уважения, свой перевод книги Мармонтеля *Велизарий*, причем в посвящении значилось: «Мы уверены, что сие сочинение Вашему Преосвященству понравится, потому что Вы мыслями, как и добродетелию, с Велизарием сходны».

Покровители Гавриила выдвинули и другое духовное светило – Платона Левшина, тоже великоросса и тоже воспитанника Мос-

ковской академии. Платон рано прославился в Москве своею проповедническою деятельностью, которая началась в академии беседами с народом по катехизису, происходившими обыкновенно перед обедней.

При необыкновенно выгодной наружности, обладая сердечным жаром и красноречием в высшей мере, Платон проповедовал с увлечением юноши, с ревностью мужа, с силою и умилением. Его беседы возбудили в Москве общий энтузиазм; и его стали называть то «московский апостол», то «второй Златоуст». Некоторые приводили, когда он проповедовал, к кафедре его своих детей, чтоб они среди воспоминаний детства имели это светлое явление; многие искали знакомства его; солнце славы его подымалось в полном блеске.

Малороссы завидовали ему, и один из них, Амвросий Зертис-Каменский, епископ Переяславский, член Московской синодальной конторы, желая погубить его, сыскал в его тетрадях что-то будто бы предосудительное и предложил высечь его и выгнать из академии. К счастью, ректор академии нарядил следствие,

и поучения Платона были признаны православными и безупречными. Молва же об этом прошла по всей Москве и усилила любовь москвичей к Платону. Узнал об этом и Гедеон Криновский, искавший людей способных, и пригласил его учителем риторики в свою Троицкую семинарию; затем было предписано постричь Левшина в монашество с именем Платона. Приехав в Лавру на праздник преподобного Сергия, Гедеон познакомился с Платоном, который сделался его любимцем. Чтоб доставить ему случай к известности, Гедеон часто вызывал к себе Платона в Петербург. Платон считал Гедеона «великим себе благодетелем, первым по родителях своих».

Рассказывают, что Платон, поправившись в средствах вследствие щедрости Гедеона, мог делать богатые подарки родным. Приехала как-то в Лавру его мать, которую он очень любил и которая еле-еле согласилась отпустить его в Москву, так как все собиралась его женить. Радушно угостил ее теперь сын, подарил сто рублей и шелковой материи на платье.

– Довольна ли ты, матушка, – спросил он

ее, – моими подарками?

– Да что ты? Как не быть довольной? У меня этого и в жизни никогда не бывало.

– Как же ты не благословила меня идти в монахи?

– Да ведь я не знала, что ты будешь меня так дарить, – отвечала простодушная старушка.

Платон впоследствии, на вершине всех почестей и славы своей, вспоминал об этом пятилетием учительстве своем как о счастливейшем времени жизни.

Живя в Лавре, Платон сблизился с Гавриилом, бывшим там наместником и его начальником по семинарии. Оба эти лица, которым суждено было занять самые выдающиеся места в иерархии (кафедры Новгородско-Петербургскую и Московскую) и связанные между собою искренним доверием, сильно различались характером.

Гавриил – сдержанный, молчаливый, серьезный, мерный, суровый к себе и требовательный к другим, осторожный, враг всякой пышности и блеска, любивший простоту, с некоторою, однако, важностью. Платон – жи-

вой, легко воспламеняющийся, впечатлительный, говорливый, весельчак, скорый в гневе и милости и необыкновенно симпатичный. Он обвораживал всех, с ним встречавшихся, своим открытым, прекрасным лицом, живою речью, лившеюся потоком, сверкавшею остроумием, полною глубокого знания, множеством разнообразных сведений. Он любил блеск, эффект, подавался порывам, о которых сам же потом жалел: его язык доставлял ему много неприятностей.

Как-то раз, когда оба уже были митрополитами, они вместе возвращались с дворцового обеда, и Гавриил заметил Платону, что он слишком много и откровенно говорил за столом. На это Платон отвечал: «Меня все разумеют говоруном и не сердятся; а вас, напротив, все разумеют за скромного. И когда вы выпустите лишнее слово, поймают вас на беду».

Хлопоты Гедеона сделать Платона известным в Петербурге увенчались успехом. Разумовский сблизился с ним как с любителем и знатоком церковной музыки, обладавшим притом прекрасным голосом; и они вместе

певали. Иван Шувалов был восхищен его образованием и способностями и хотел отправить его на свой счет для пополнения образования за границу, но Гедеон, дорожа обществом Платона, уговорил Шувалова оставить свое намерение.

Когда Гавриила перевели ректором в академию, Платона назначили на его место. Посвящение Гедеона в епископы Псковские очень огорчило Платона. Без своего начальника и покровителя он чувствовал себя сиротливо.

Приехав в Лавру, императрица заметила молодого (ему было всего 25 лет) ректора и спросила его, зачем он пошел в монахи.

– По особой любви к просвещению, – ответил Платон.

– Но разве нельзя в миру пещись о просвещении своем? – возразила императрица.

– Можно, но не столь удобно, имея жену, детей и окруженному суетою мирской.

Вскоре Платон был назначен законоучителем цесаревича Павла Петровича. Платону, с его откровенным характером, было нелегко при Дворе в его щекотливой должности.

При Дворе господствовали либеральные понятия, в чести был Вольтер и энциклопедисты, и нужно было утверждать высокого ученика в православии, избегая того, что называлось в той среде «фанатизмом, суеверием, клерикальными понятиями».

Великий князь Павел от детства до конца дней своих отличался набожностью. Но он был пылок, рассеян, надо было давать ему учение в легкой занимательной форме, превращая преподавание в интересную беседу; кроме того, надо было парализовать влияние окружающих, из которых некоторые были легкомысленные люди, без твердых нравственных правил.

При Дворе Платон прославился тем же, что положило начало его известности в Москве – проповедями. Императрица говорила раз ему: «Отец Платон делает из нас все, что хочет. Хочет он, чтобы мы плакали – и мы плачем». Но и тут, как по должности законоучителя, Платону, желавшему громить пороки, приходилось быть в высшей степени осторожным.

Раз сказал он блестящее слово о милосердии, в котором сильно восставал против бога-

тых, знатных людей, охотно тратящихся на суетный блеск и оставляющих без помощи бедных. Императрице, по-видимому, слово не особенно понравилось своим направлением, и она сказала окружающим:

– Отец Платон сегодня был сердит. Однако очень хорошо сказывал. Удивительный дар слова имеет.

На это кто-то из правдивых вельмож заметил: «Проповедник при Дворе всегда покажется сердитым, когда будет прямо говорить истину».

Там, где требовалось торжественное слово, где самый повод представлялся величественным, как какое-нибудь славное политическое событие, победы, которыми гремит царствование Екатерины, там Платон со своим искренним пылким патриотизмом и с великолепным словом, которое этот патриотизм ему внушал, был незаменим. Тогда художники, поэты славили подвиги русского оружия: по всей Руси после побед над турками, побед действительно сказочных и доставивших величайшую усладу русскому сердцу, пелся торжественный гимн:

*Гром победы, раздавайся,
Веселися, храбрый росс,
Славой сердце наполняйся:
Магомета ты потрес.*

И этому ликованию, столь понятному, этому торжеству русского имени, всего 20 лет назад бывшему в загоне в самой России, откликнулся дивными откликами и Платон. Особенно замечательно по силе и по обстановке, в которой было произнесено, его слово после морской нашей победы при Чесме, когда был совершенно истреблен весь неприятельский флот.

Эта победа, одна из славнейших, какие знает вся мировая история, произвела потрясающее впечатление на русские сердца. Можно себе поэтому представить, что переживали слушатели Платона, среди которых были отцы, матери, родные, друзья чесменских героев, когда он произносил свое слово, которое и сейчас нельзя читать без волнения всякому, равнодушному к судьбам России.

В Петропавловском соборе была совершенна торжественная панихида у гроба основателя русских морских сил Петра Великого, и

Екатерина сама возложила на гробницу один из трофеев победы, отбитый у турок флаг, произнося при этом: «Твоя от твоих тебе приношу». Уже это одно должно было вспламенить присутствующих. Но вот Платон стал сказывать свое слово, в котором восхвалял государственную деятельность Петра. И во время речи он вдруг сошел с кафедры, приблизился к гробнице и как бы в лицо почившему императору воскликнул: «Восстань теперь, великий монарх, Отечества нашего отец! Восстань и возри на любезное изобретение твое... Восстань и насладися плодами трудов твоих! Флот, тобою устроенный, уже не в море Черном, не на океане Северном, но где? Он на море Средиземном, в странах восточных... близ стен Константинопольских, в тех то есть местах, куда ты нередко око свое обращал и гордую намеревал смирить Порту. О, как бы твое, Великий Петр, сердце возрадовалось, если бы... Но слыши – мы тебе, как живому, вещаем – слыши: флот твой... близ берегов азиатских оттоманский флот до конца истребил».

Впечатление получилось громадное... Им-

ператрица, посылая эту речь во французском переводе Вольтеру, справедливо замечала: «Сия речь, обращенная к основателю Петербурга и наших флотов, есть, по мнению моему, знаменитейший на свете памятник. Я думала, что никогда и ни один оратор не имел столь счастливого предмета к основанию своего слова».

Живя при Дворе, Платон, конечно, стал осторожнее, менее откровенным, чем прежде. Вращаясь в кругу знаменитостей того времени, он окончательно пополнил свое образование: при Дворе невозможно было обойтись без французского языка, и он выучился по-французски. Ученые иностранцы, бывавшие при Дворе, заходили к Платону и бывали очарованы его умом.

Но Платон и при Дворе хранил строгость монашеской жизни, верность православия и обличал в проповедях атеистические теории модных философов своего века. Известно краткое, но характерное его объяснение со знаменитым энциклопедистом Дидро, приехавшим в Петербург. Дидро повел такую беседу с Платоном:

– Знаете ли, отец святой: философ Дидро говорит, что нет Бога.

– Это еще и прежде него сказано, – спокойно заметил Платон.

– Когда и кем?

– Давид сказал: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог». А вы то же говорите устами.

Говорят, что Дидро, опешив перед находчивостью Платона и не умея возразить дальше, бросился ему на шею.

Расставаясь с личностью Платона, приведем в заключение рассказ о нем московского старожилы Снегирева, в котором рисуется все глубокое впечатление, произведенное на московскую паству митрополитом Платоном.

Один из видных по положению москвичей пришел как-то в Успенский собор, где Платон сказывал свое слово. За теснотою он не мог войти в собор и остановился у дверей. Около него стоял плачущий мужик. Барин спросил его, отчего он плачет.

– Как мне не плакать? Верно, владыка говорит что-нибудь душеспасительное!..

Таково было представление и предощущение народа. Так увековечилось в народе имя

Платона, сроднившегося с ним душою и сердцем, потому что он был русский сердечный человек. Всякое слово, исходившее из уст его, проникало в душу народа, который ему верил.

Служение Платона было великолепно, что тоже так любезно народу. В большие праздники он ездил в золотой карете, запряженной шестеркой белых коней в шорах. Пред ним шли скороходы, ехали вершники. Около кареты бежал народ, чтоб поглядеть на Платона.

Так приехал он раз к известной Дашковой, президенту академии наук, которая спросила его: «Преосвященный, вас возят шесть коней, а Христос всегда ходил пешком».

– Так. – Отвечал ей Платон. – Христос ходил пешком, а за ним овцы следовали. А я овец своих не догону и на шестерке.

Вот и другой случай его остроумия. В Чудовом монастыре была при входе картина Страшного Суда. Платон шел в Чудов, когда одна графиня, ему известная и рассматривавшая картину, обратилась к нему за благословением. Он спросил, что она рассматривает?

– Смотрю, – отвечала эта язвительная женщина легкого поведения, – как архиереи идут в ад.

– А вот, – сказал ей Платон, указывая на адские мучения вольной женщины, – погляди-те-ка на это!

Множество народа всех сословий собиралось там, где служил Платон. Если полиция не допускала в церковь простолюдинов, Платон кричал: «Что вы, волки, разгоняете моих овец».

Московский народ любил служение и поповедование Платона и услаждался ими. Из Сибири купцы и заводчики приезжали нарочно видеть и слышать Платона. Это служение Снегирев видел в своей юности и так описывает его: «Представьте себе старца, еще бодрого, под сединами, у которого старость не изгладила еще следов редкого благообразия в лице оживленном и, так сказать, одухотворенном, сияющем. Со слезами умиления сердечного, в молении он воздвигает руки к небу, с амвона осеняет предстоящих дикириями и трикириями, проповедует истины Евангельские. В чтении и пении голос сладост-

но-звучный, стройный, послушный течению его мыслей и движению его сердца. Вера и убеждение говорили его устами. Слова его были так осмыслены умом, так оживлены верою, что проникали в сердца слушателей. К нему можно было по справедливости применить изречение святого апостола: “Веровах, тем же возглаголах”».

Не такова казалась печатная его проповедь при холодном произношении малограмотного человека.

Однажды при обозрении Платон заехал в одну сельскую церковь, где священник, полагая сделать ему приятное, вздумал прочесть проповедь Платона. Дурно понимая, он так плохо читал ее, что трудно было добраться до ее смысла. По окончании проповеди митрополит спросил:

– Какой это дурак писал?

– Ваше преосвященство, – был ответ простодушного священника.

Последние годы жизни митрополит Платон провел в уединении, в устроенном им в живописной, в трех верстах Троице-Сергиевой Лавры, местности Вифанском монастыре.

Там завел он училище, к которому относился так же заботливо, как некогда святитель Димитрий Ростовский к своей ростовской школе.

Но он был счастливее Димитрия: школа его осталась существовать в виде Вифанской семинарии, свято чтущей память своего основателя и празднующей свой акт в день Ангела покойного митрополита.

При нашествии Наполеона Платон написал письмо императору Александру I, в котором предсказывал гибель Наполеона и торжество России, и посылал ему при этом в помощь икону преподобного Сергия, писанную на гробовой доске угодника, которого он называл в письме «древним ревнителем о благе нашего Отечества».

Письмо это распространилось в списках по всему образованному русскому обществу, вызывая общее сочувствие.

Платон пред оставлением Москвы прибыл в столицу для ободрения учителей. Вернувшись в уединение, он предсказал, что преподобный Сергий не допустит врага до своей Лавры, хотя неприятель знал о лаврских со-

кровищах и жаждал ограбить ее.

Бог привел слабеющего старца дожить до отрадной вести о бегстве Наполеона и его полчищ из Москвы. Платон говорил со слезами: «Слава Богу, Москва свободна, и я умру спокойно». Действительно, он скончался 11 ноября 1812 года.

Значение его в том, что он высоко поставил знамя архипастырского сана и вызвал общее уважение к своей личности. Вместе с митрополитом Петербургским Гавриилом они способствовали возвышению архиерейского достоинства, столь низко стоявшего при феофанах и биронах.

Он был, можно сказать, предвестником того пышного расцвета иерархии, какой она узнала в лице одного из преемников Платона по Московской кафедре и одного из величайших мужей Вселенской Церкви, великого Московского митрополита Филарета.

Несмотря на занявшуюся и разогревшуюся при Екатерине зарю таких светил церковных, какими были Гавриил и Платон, положение Церкви при этой императрице было далеко не столь благоприятно, как при Елисавете. В

течение 10 лет (1763–1774 гг.) два обер-прокурора высказывали в высшей степени странное отношение к православию. Первый из них, Мелиссино, предложил Св. Синоду снабдить синодального депутата в комиссию для составления уложения такими предложениями реформ церковной жизни: об ослаблении и сокращении постов, которые, за тяжестью их «редко кто прямо содержит», об уничтожении суеверий касательно икон и мощей, о запрещении носить образа по домам, о сокращении церковных служб для «избежания в молитве языческого многоглаголания», отмене составленных в поздние времена стихир, канонов, тропарей, о назначении вместо вечерен и всенощных кратких молений с поучениями народу, о прекращении содержания монахам, о дозволении выбирать из священников епископов без пострижения в монашество и о разрешении епископам проводить брачную жизнь, о разрешении духовенству носить «пристойнейшее» (?) платье, об отмене поминовения умерших, будто бы дающего простым людям лишний повод к вере в мытарства, а попам – к вымогательству, об об-

легчении разводов и дозволении браков выше трех, о запрещении причащать младенцев до 10 лет, пока не научатся вере.

Св. Синод отклонил эти удивительные предложения и составил свой собственный наказ.

Другого обер-прокурора, бригадира Чебышева, описывает Фонвизин: он был совершенно неверующий человек и, служа обер-прокурором, решался открыто, например пред публичною в Гостином Дворе, заявлять о своем неверии в бытие Божие; в присутствии членов Синода говорил «гнилые слова» и, пользуясь своей властью, задерживал издание сочинений, направленных против распространяемого тогда модными писателями неверия.

Но самыми грустными проявлениями церковной политики Екатерины было отобрание в казну монастырских имений и введение монастырских штатов.

Недолго спустя по восшествии своем на престол Екатерина учредила комиссию из двух духовных и пяти светских лиц для рассуждения о содержании духовенства. Комиссия, действовавшая согласно видам импера-

трицы, представила доклад об изъятии церковных имуществ из духовного ведомства с поручением их комиссии Экономии и о штатах денежного жалованья духовенству. Указом 1764 года императрица повелела привести доклад в исполнение: епархии и монастыри лишились принадлежавшей им собственности.

В это время за Сергиевой Лаврою и приписными к ней монастырями состояло 150 961 душа крестьян; за монастырями Новгородской епархии – 51 857 и за новгородским архиерейским домом – 21 282; за ростовскими монастырями – 38 389 и за митрополичьим домом – 21 282; за Вологодской кафедрой и монастырями – 47 568; за вятскими – 43 012; за тверскими – около 30 тысяч; вообще, за всеми великорусскими кафедрами и монастырями по ревизии числилось 910 тысяч душ.

Жалованья же духовенству положено было 356 тысяч в год: на Петербургскую, Московскую и Новгородскую кафедры с соборами – 39 тысяч, на 8 второклассных кафедр – 5 тысяч (епископу лично – 26 000), на 15 третьеклассных – по 4 332 рубля (лично епископу – 1

800 рублей), на 22 некафедральных собора – 2 530 рублей, на Сергиеву Лавру во все мужские монастыри – 174 тысячи, на все женские монастыри – 3 300 рублей.

Страшный удар был нанесен монастырям введением штатов, так как большая часть из них, не имея чем содержаться, должна была закрыться.

До введения штатов было в Великороссии 732 монастыря мужских и 222 женских. Штатами же положено: 161 монастырь мужской и 39 женских. Из 954 раньше существовавших монастырей росчерком пера было осуждено на уничтожение 754, осталось двести – лишь пятая часть русских монастырей! Тогда же запрещено было без разрешения императрицы открывать новые монастыри.

Теперь, в отдалении полутораста почти лет, можно спокойно обсудить эту меру.

Она давала государству по 3 миллиона в год дохода, но громадная часть монастырских имений была роздана Екатериною в дар своим фаворитам, так что в конце концов государство получило от отобрания их недолгую пользу. Было обещано при отобрании имений

обеспечить духовные школы и духовенство, но это обещание забылось.

Между тем с нравственной точки зрения эта смелая мера не выдерживает критики.

Здесь было нарушено право собственности и воля тех отдельных лиц, из пожертвований которых сложились церковные имущества. Все эти имения были оставляемы большей частью по духовным – на помин души – в излюбленном жертвователем монастыре, и эта последняя воля умирающих не подлежала никакому изменению. Между тем не только эти усердные пожертвования *Церкви* были отобраны для целей мира, но и самый помин души не мог более продолжаться по причине упразднения обителей.

Правда, что роскошество иных монахов – в пример которого был приведен быт Троицких иноков – требовало исправления. Правительство могло чрез архиереев обуздать эту роскошь и на излишние от расходов скромного содержания деньги требовать заведения благотворительных и просветительных учреждений. Но давать этим *частным* пожертвованиям совершенно иное назначение, в наруше-

ние воли завещателей, оно, не сходя с пути справедливости, не могло.

Люди разных взглядов и положения одинаково сходятся в осуждении этой меры.

Мы видели, как св. Димитрий Ростовский, человек аскетической жизни, не имевший личного интереса к сохранности церковных имений, восстал против присвоения их государством.

Изумительно, что Пушкин в ранней молодости, двадцати двух лет, проживая в Кишиневе, высказал раз письменное мнение, что отобрание церковных имений нанесло сильный удар просвещению народа в России (Русский Архив, 1866 г., стр. 1141).

До сих пор нельзя без чувства величайшей скорби вспоминать об уничтожении 4/5 русских монастырей!

Запустили места, освященные подвигами и благодатью святых, ознаменованные стремлением к ним усердия народного. И если немногие из этих обителей были потом восстановлены, то большая их часть запустела навсегда. И много есть, например, в Вологодском крае, этой «русской Фиваиде», мест,

где в бедной приходской церкви, даже иногда бесприходной, покоятся мощи великого угодника, создавшего обитель, которая на просвещение и утешение народа стояла века и упразднена в злосчастный 1764 год.

Если больно вспоминать о том, что же пережили ревностные к вере современники?!

Самый резкий протест выразил митрополит Ростовский Арсений, уже раньше заявивший себя горячим и бесстрашным ревнителем церковных прав.

Ознакомимся с этой интересною и типичною личностью.

Митрополит Арсений Мациевич произвел чрезвычайно глубокое впечатление на своих современников.

То уважение, которое неволью вызывала к себе его прямая до резкости личность, бесстрашно всегда защищавшая то, что он считал за правду, – это уважение было усилено состраданием, какое вызвано было его беспримерным несчастьем.

Конечно, в характере Арсения были черты, которые способствовали его падению. Но теперь, в отдалении полутора веков, нетрудно

видеть, что и в основе даже тех сторон его характера, которые вызвали к нему ненависть некоторых властных его современников, лежит благородство, страстная преданность Церкви, служению которой он себя посвятил, его архиерейская совесть.

Народ, чуткий в различении людей, в особенности же Божиих людей, признал его великим страдальцем.

Некоторые события того периода его жизни, когда он является пред нами уже не властным и крутым митрополитом, а в ореоле своего страдания – носят на себе отпечатки не только чрезвычайности, но и прямо чудесности.

А та сила воли, с какою он нес свой тяжкий крест, та тяжелая и поучительная драма души, которая из самолюбивого и властолюбивого человека выработала терпеливого узника, начертавшего в стене своего каменного гроба бессмертные слова: «Благо, яко смирил мя еси, Господи!» – дают ему место не только среди замечательных, но и среди наиболее праведных людей своего времени.

Митрополит Арсений происходил из Поль-

ской шляхты, образование получил в Киевской академии.

Постриженный в монахи, он вскоре был рукоположен в священнический сан и назначен при московском синодальном доме экзаменатором ставленников. Он должен был испытывать лиц, которым предстояло посвящение в священники или диаконы, в знании ими всего нужного для этого сана. Живого, пылкого характера, твердый и настойчивый, он выказывал в этой должности большую строгость.

В 30-х годах XVIII века была снаряжена камчатская экспедиция к реке Оби для проверки и расширения открытий, сделанных Берингом. Пред отправлением ее Арсений по каким-то делам приехал в Архангельск. Архиепископ Герман как раз отыскивал надежного иеромонаха, который бы отправился в числе членов экспедиции для совершения служб, и предложил ехать Арсению. Арсений согласился.

До отплытия он жил в Соловецком монастыре, где были заключены многие раскольники-беспоповцы. Даже игумен монастыря

Иоасаф и некоторые иноки ложно мыслили о прекращении на земле Церкви Христовой. Арсений долго убеждал их и наконец написал Иоасафу увещание.

Экспедиция не выполнила назначенного ей дела, и ее члены были отданы под суд. Пришлось и Арсению быть заключенным в Пустозерском остроге. Несколько раз его возили для допроса взад и вперед в Петербург. Наконец он был назначен экзаменатором ставленников в Петербурге, а потом – законоучителем гимназистов в Санкт-Петербургской академии наук; все ввиду того, что Адмиралтейство требовало, чтобы он до конца следствия не отлучался из Петербурга. С окончанием дела кончилось пребывание Арсения во Петербурге.

Он был прямо назначен митрополитом в Тобольск, а через год, по его просьбе, переведен на древнюю Ростовскую митрополию, где архиереи носили титул «Ростовских и Ярославских».

Он участвовал в короновании на царство императрицы Елисаветы Петровны, был сделан членом Св. Синода. В царствование этой

Государыни, бывшей искренне набожною и искренне преданною Церкви, жизнь митрополита Арсения шли мирно, хоть иногда и прорывались в его деятельности поступки, которые могли повлечь за собою крупные неприятности.

Так, назначенный членом Св. Синода, он не являлся в Синод для принесения установленной присяги, находя несогласными с требованиями его совести следующие входящие в нее слова: «Исповедаю же с клятвою крайнего судию духовных сея коллегии быти самую Всероссийскую Монархиню, Государыню нашу».

Митрополит указывал, что выражение это неправильно, так как единственный «крайний судия» и глава Церкви есть Христос.

Он заявил Св. Синоду, что «подал императрице письменное справедливое, по христианской совести, донесение, к которому ничего прибавить не может». В нем он пояснял, почему не имеет возможности принять присягу.

Синод представил обо всем доклад императрице. Но дело окончилось без дурных последствий, и Арсений уехал из Москвы в Ро-

СЛОВ.

В 1744 году, чрез два года после этого, у него в епархии случилось крайне неприятное для него обстоятельство. В Ростовском соборе, по оплошности причетника, не потушившего свечу, произошел пожар и сгорели мощи благоверных князей Василия и Константина Всеволодовичей, почивавшие тут около пяти веков. В Синоде этим остались очень недовольны, возлагая вину на митрополита.

Так как Арсений страдал скорбутом (цингой) и глазами, то он вскоре стал проситься на покой в Новгород-Северский монастырь. Но императрица не утвердила доклад о том Св. Синода. Это показывает, насколько она ценила Арсения.

В одном из писем своих он благодарит ее за присылку ему для лечения венгерского вина – так далеко простирались заботы о нем доброй и сердечной царицы.

В епархии своей митрополит занимался духовно-административными и училищными делами, борьбой с иновением и расколом. Он составил возражение на поданный протестантами пасквиль против известного сочи-

нения Стефана Яворского в защиту православия *Камень веры* и дополнил сочинение Феофилакта Лопатинского.

В учебном деле он явился врагом господствовавшей в семинарии латинской схоластики. Он писал по этому поводу: «Школы при архиереях не иные нужны, только русские; понеже в церквах у нас не по латыни, ниже другими иностранными языками читается и поется, и служба Божия совершается по-русски».

Этими основами, особенно знаменательными в наши дни, он, можно сказать, на целые полтора столетия опередил свой век, выказав себя дальновиднее своих просвещеннейших современников. Наряду с этим, он был безусловно стоек в своих православных убеждениях, предан старинным, переданным отцов и дедов обычаям и преданиям и не терпел нововведений в жизни и указаниях церковных.

Математику и астрономию он считал для духовенства излишними. В семинарии, которую он перевел из Ростова в Ярославль, было уже тогда до 500 воспитанников.

Он был ревностным проповедником. В Москве напечатаны им семь поучений (1742, 1744 и 1749 годов), в библиотеке ярославской семинарии хранится три тома рукописных его проповедей. Подражая ревностному борцу против раскола, святителю Димитрию Ростовскому, он составил обличение раскольников, оставшееся в рукописи, и дополнил сочинение Феофилакта Лопатинского *Обличение неправды раскольничьей*, напечатанные в Москве в 1745 году.

Когда вышел указ о записке желающих в раскол, митрополит Арсений говорил: «Надлежит особливые молитвы и ектении читать и на проскомидии часть вынимать; ибо раскольники в церковь не ходят и на нее плюют» – и приказал тогда архимандриту читать особенные, из Служебника выписанные молитвы «о гонящих Церковь».

Впоследствии, при ложном истолковании этого поступка, он был вменен ему в преступление.

Мирная жизнь митрополита в епархии ознаменовалась, однако, двумя столкновениями с Петербургом.

Коллегия экономии, заведовавшая монастырскими и архиерейскими имениями, отправила несколько инвалидов для помещения в Ростовские монастыри. Арсений не принял их, отозвавшись, что на их содержание недостает денег. На запрос Св. Синода он отвечал, что в последнее время в Ростовских монастырях пострижено около сорока человек, лишенных сана в прошлое царствование, и для инвалидов не достанет порций. Объяснение это заключало в себе оскорбительные выражения.

Через два месяца Св. Синод отправил одного юродивого для помещения в один из Ростовских монастырей. На указ о том Арсений отвечал, что указ этот неосмотрительный и неосторожный.

Синод пожаловался императрице. Императрица приказала объявить митрополиту, чтоб он «от подобных продерзостей конечно воздержался, а ежели впредь будет к указам оказывать противление и презорство, то как помешатель добрых порядков и общего покоя, и как противник и неприятель Высочайшей воли, не только сана архиерейского, но и

клубука лишится».

Эти события были еще в начале царствования Елисаветы, которая своим православным сердцем умела понимать пылкую, увлекающуюся в церковных вопросах природу Ростовского владыки.

Год за годом прошло это мирное царствование. В праздник Рождества Христова 1761 года «Дщери Петровой» не стало.

Недолго царствовал племянник ее, Петр III, и затем наступило долгое царствование Екатерины II, имевшей роковое влияние на судьбу Арсения.

На коронавание императрицы митрополит Арсений не был приглашен. Отсутствие на таком торжестве представителя столь древней и знаменитой кафедры является обстоятельством, на котором нельзя не остановиться.

Это первое выражение того крайнего недоброжелательства, с которым Екатерина относилась к Арсению.

Это недоброжелательство существовало еще прежде знаменитого и резкого осуждения Арсением решения императрицы об ото-

брании в казну имений монастырских. С самых первых дней царствования она считала Арсения почему-то личным своим врагом. И эта черта не только политического разномыслия, но и личной ненависти проходит красной нитью чрез всю историю отношения ее к опальному митрополиту. Весьма вероятно, что еще в царствование Елисаветы, когда против Екатерины были партии, она заподозрила Арсения в недоброжелательстве к себе.

Мало того, в отношениях этих можно найти какой-то необъяснимый, точно мистический страх Екатерины пред Арсением. Она боялась его и принимала чрезвычайные по отношению к наблюдению за ним меры и тогда, когда он, старый, больной, с налагавшей невольное молчание заклепкой на устах, был заживо погребен в каземате, или, вернее сказать, каменном мешке.

Из отношений Арсения к Коллегии экономии видно, что он считал уже существование этой Коллегии нарушением прав монастырей и архиерейских кафедр на непосредственное распоряжение принадлежащими им имениями.

«За отобранием от дому архиерейского и от монастырей вотчин, – писал он канцлеру Бестужеву-Рюмину, – приходится с голоду умирать, понеже хлеб у нас весь был по вотчинам в житницах. Когда смолотое и лежавшее в сушилках приедем, то и литургии святой служить нечем и некому, все принуждены идти нищими в мир». При этом он просил канцлера «показать милость к домам Божиим, дабы старанием его возвращены были вотчины по-прежнему».

Нужно полагать, что это письмо побудило Бестужева-Рюмина привлечь к этому вопросу внимание императрицы. Но дело получило, к сожалению, совершенно иное разрешение, чем ожидал Арсений.

Замыслив отнять у кафедр и монастырей вотчины еще с первых дней своего царствования, Екатерина пред коронацией сочла нужным на время утешить духовенство: «Мы не имеем намерения присвоить себе церковные имения, но только предписать закон о лучшем их устройстве».

Затем под собственным наблюдением Государыни была учреждена особая комиссия

из духовных и трех светских членов. Среди духовных был недоброжелатель Арсения, митрополит Новгородский Димитрий Сеченов. Это был человек в высшей степени искалеченный, думавший лишь о своих выгодах и готовый за награду, отличие предать все интересы Церкви.

Комиссия решила разослать по всем монастырским вотчинам и архиерейским домам приходно-расходные книги для записывания денежного и хлебного сбора; и особо назначенных отставных обер-офицеров – для проверки доставленных властям сведений о состоянии и количестве духовных имений. Таким образом, архиереи подвергались ответственности в исконном церковном достоянии пред офицерами. Вероятно, самоуправство этих уполномоченных комиссией) чиновников переступало часто пределы уважения к значению и сану архиерейскому.

Это распоряжение возмутило Арсения, всегда зорко охранявшего права Церкви.

Он находил «оскорбительным и неприличным, что для составления описей офицеры будут входить в алтарь и касаться церковных

сосудов и прочей священной утвари, что они в архиерейских домах и монастырях пересчитывали деньги, перемеривали хлеб, выдавая все хозяевам и монастырям с меры, веса и счету».

Арсений считал это за нарушение прав церковной стародавней собственности и унижение духовенства.

Как известно, дело кончилось тем, что все вотчины монастырские и архиерейские были отобраны в казну. На содержание их стали отпускаться скудные суммы. Множество обителей, среди коих и древние, хранившие мощи своих основателей, были упразднены, а монастырские земли розданы громадными подарками любимцам Екатерины.

Теперь, спустя полтора века после этого события, о нем можно говорить беспристрастно.

Конечно, эта мера была прискорбным нарушением прав собственности.

Монастырские имения представляли собою пожертвования частных лиц на помин души, на поддержание иночества, на дела благотворения. И эта «последняя воля» жерт-

вователей, среди которых было много и царей русских, не могла и не должна была подвергаться нарушению.

Конечно, как во всяком человеческом деле, в пользовании монастырей землями были некоторые темные стороны. Но эти стороны следовало устранить, сохраняя общее назначение этих имений на дела Церкви, как-то: церковностроительство, церковные школы, больницы, богадельни.

И в наши дни, когда развивается именно эта сторона церковной деятельности, каким бы могучим подспорьем служили эти имения, завещанные верующими душами на добрые дела, а они, вместо того, обогащением нескольких лиц внесли в быт высшего общества распространяющуюся затем и даже безумную, преступную, можно сказать, роскошь.

Вот против этого, в корне своем неправильного, решения и счел нужным восстать Арсений. Вероятно, как очень умный человек, он понимал, что его горячие речи, резкие отзывы по этому поводу не изменят прискорбного совершившегося распоряжения. Но он

считал своим неперменным долгом, хотя и без надежды, отстаивать правду и, ценою собственной участи, стоять до конца за интересы Церкви.

Опорой для своего заключения об этой мере он поставил соборное правило, что посвященное Богу не могло быть отчуждаемо.

В пылу негодования Арсений подавал в Св. Синод один протест за другим против отнятия у монастырей вотчин и вмешательства светских людей в духовные дела. Мусина-Пушкина, бывшего президентом Коллегии экономии, он называл «турком». «Горе нам, бедным архиереям, – писал он, – яко не от поганых, но от своих мнящихся быти овец правоверных толикое мучительство претерпеваем». О членах комиссии он отзывался, что они «насилу (едва) в Бога веруют».

В Неделю Православия, когда предаются анафеме враги Церкви, он к обычному чиноположению прибавил «анафему обидчикам церквей и монастырей».

Обо всех этих поступках и отзывах Ростовского митрополита было доводимо до сведения Екатерины, которая была в высшей сте-

пени тем оскорблена. Насколько задели ее за живое эти отзывы, видно из того, что она, вообще спокойная и осторожная в выражениях, отзывалась о нем как о «лицемере, пронырливом и властолюбивом, бешеном врале».

Следующий эпизод хорошо показывает меру того страха, с которым она относилась к Арсению.

Желая после коронации выказать пред народом свое благочестие, она решила отправиться в Ростов, чтобы присутствовать на переложении мощей святителя Димитрия Ростовского в новую серебряную раку. И она писала своему штат-секретарю: «Понеже я знаю властолюбие и бешенство Ростовского владыки, я умираю, боясь, чтобы он раки Димитрия Ростовского без меня не поставил» – и приказала поставить к новой раке майора с солдатами.

Было назначено в Синоде расследование дела о митрополите Арсении.

Членами Синода, находившегося тогда в Москве, были следующие лица: первенствующим – Новгородский митрополит Димитрий Сеченов, затем Московский престарелый мит-

рополит Тимофей Щербатский, архиепископ Санкт-Петербургский Гавриил Кременецкий, Крутицкий архиепископ Гедеон Криновский, Псковский епископ Амвросий Зертис-Каменский, Тверской епископ Афанасий Вальковский и Новоспасский архимандрит Мисаил. Главным действующим против Арсения лицом был Димитрий Сеченов, всегда искавший случая к угодничеству. С ним готовы были согласиться и прочие члены. Они поднесли императрице доношение о словах и поступках Арсения. Императрица сделала распоряжение, чтобы Синод сам «судил сочлена, как злонамеренного и преступника».

В половине марта у себя в Ростове Арсений, пришедши в свои покои от вечерни, сказал келейнику: «Не запирай ворот! Гости будут ко мне в полночь!» Келейник остался в недоумении. Между тем то был один из случаев проявления в митрополите дара прозорливости, который неоднократно обнаружился в нем в эпоху перенесенного им гонения.

Действительно, в полночь прибыл к нему гвардии офицер Дурново и попросил благо-

Словения.

– Я уже не архиерей, – отвечал Арсений и не благословил его.

Дурново тогда подал ему сенатский указ, которым предписывалось везти митрополита в Москву, в свиту взять лишь трех человек, вещей не брать, а имеющиеся в келье письма запечатанными захватить с собою.

Митрополит хотел проститься с городом, то есть приложиться к мощам и иконам в соборе, но ему не позволили.

В Москве он был, как государственный преступник, заключен под крепкую стражу в Симонов монастырь.

Его допросили во дворце в присутствии императрицы. При этом он говорил столь резко, что императрица зажала себе уши, а ему самому «заклепали рот».

14 апреля состоялось заседание Синода, на котором допрашивали Арсения. Вероятно, и тут он не стеснялся в выражениях.

Его присудили к лишению архиерейского сана и преданию, по расстрижении из монашества, суду светскому, которому надлежало за оскорбление Величества осудить Арсения

на смертную казнь.

Императрица приказала освободить его от светского суда и, оставив ему монашеский чин, сослать в дальний монастырь.

Арсений был призван в заседание Синода для исполнения над ним указа.

По Москве распространился слух, что будут снимать сан с Ростовского митрополита в крестовых патриарших палатах. Туда допущены были лишь монахи и белое духовенство. Толпы же народа запрудили пространство вокруг синодального двора, так что и солдаты не могли их разогнать. Конечно, не одно любопытство, но и сострадание руководило этим народом.

Впечатление, произведенное этим событием, было еще усилено случившимся вскоре затем происшествием: 4 июня внезапно упала смежная с той крестовой палатой, где осудили Арсения, церковь Трех святителей Московских.

Арсений явился на последний над ним земной суд как на служение. На нем была архиерейская мантия, омофор, белый клобук, на груди панагия, в руке он держал архиерей-

ский посох. Когда был прочтен указ, лишавший его сана, один за другим члены Синода стали снимать с него облачение: один – митрополичий клобук, другой – омофор, третий отобрал посох. Все жадно следили за ним, выражением лица его, словами его, чтобы донести императрице, которая чрезвычайно интересовалась всеми подробностями этого дела.

Негодующий митрополит тут же предсказал разоблачившим его архиереям их плачевную участь. Димитрию Сеченову он предсказал, что тот задохнется собственным языком; Амвросию Зертис-Каменскому – смерть от руки мясника: «Тебя, яко вола, убьют»; епископу Псковскому Гедеону: «Ты не увидишь своей епархии».

Замечательно, что слова Арсения сбылись в точности над его судьями...

Митрополит Новгородский Димитрий, награжденный из числа отобранных тысячею душ, лелеявший мечту о получении сана митрополита Всероссийского, умер в ужасных страданиях: действительно, его задушила страшная опухоль языка. Архиепископ Московский Амвросий был убит во время москов-

ской чумы взбунтовавшимся народом, от которого тщетно искал спасения в Донском монастыре. Епископ Псковский Гедеон, вскоре после осуждения Арсения, был удален по Высочайшему повелению в свою епархию и умер по дороге, не доехав до Пскова.

Один лишь добрый Московский митрополит Тимофей не мог воздержаться от слез при печальной церемонии.

Арсению подали простое монашеское платье и обязали его подпиской в том, что он не будет именоваться не только митрополитом или архиереем, но и иеромонахом.

Затем из этого собрания он был под караулом отвезен в Ферапонтов монастырь, место ссылки великого Патриарха Никона, потом в Николо-Корельский, Архангельской епархии. Местному архиерею было предписано держать ссыльного под крепким караулом.

Весьма скудное имущество митрополита, оставшееся в Ростове и свидетельствовавшее о его нестяжательности, было описано, также и книги его на церковно-славянском, чешском, русском, польском и латинском языках.

На пропитание его отпускалось сперва по

10, потом по 15 и 50 копеек в день. Чернил, перьев и бумаги ему не давали. Никого к нему не допускали, а выходить, и то под караулом, ему позволяли лишь в церковь и непременно в часы богослужения.

Но распоряжения из Петербурга не могли никому внушить в монастыре, что Арсений – ссыльный преступник, а не митрополит, страдающий за защиту интересов Церкви, не мученик за правду, как он говорил о том сам: «Вот прежде нашу братию – архиереев – почитали цари и во всем благословения требовали, и тогда наша братия смело их в духовных делах обличала. А я, как послал правильное доношение, так за мою правду и в ссылку меня послали».

Вся братия, начиная с архимандрита, принимала от него благословение как от епископа. По праздникам он самолично во время совершения проскомидии вынимал части за «гонимых и обидящих Церковь Божию», – разумея, по собственному объяснению, под этим именем «предателя Димитрия Новгородского и Гавриила Санкт-Петербургского и всех немецких чинов, которые об отнятии мо-

настырских вотчин старались, и в Комиссии присутствовали».

По окончании обедни опальный митрополит читал народу катехизис, Четьи-Минеи и другие духовные книги, толкуя их. При этом он сам стоял на амвоне, а служившие – по сторонам его, как это происходит всегда при архиерейских богослужениях.

Настоятель монастыря часто посещал ссыльного, и они вели беседу и о духовных предметах, и о внешних событиях, касаясь и политики. Часто в беседе принимал участие и подпрапорщик Алексеевский, приставленный к Арсению.

Случилось, что Арсений при одном монахе неосторожно поговорил об одном политическом вопросе. Последовал донос, навлекший за собою новое обвинение Арсения в государственном преступлении.

Дело рассматривала сама императрица, и было об Арсенин решено: «лишить его монашеского чина и, переименовав Андреем Врелем, послать к неисходному житию в Ревель». Ревельскому коменданту было предписано принять в свое ведомство один каземат в

башне крепости и приспособить его к житью.

Каземат этот находился на водяных воротах и по величине представлял собою скорей могилу. В нем было десять с половиною футов длины и семь ширины.

Когда Арсению объявили указ, лишавший его монашества, то ждали от него каких-нибудь резких проявлений недовольства. Но он не вымолвил ни слова. С него сняли иноческую одежду, клобук и вместо них надели арестантскую сермягу и треух.

Везти его к месту заключения предписано было «секретно в закрытых санях, никому не показывать, разговоров с ним никаких не иметь, об имени и состоянии не спрашивать», и миновать Петербург было приказано как можно скорее. Как государственного преступника, его провожали от Архангельска до Ревеля две переменные команды. С ним, однако, велено было обходиться без грубости, дать ему платье и шубу.

В Архангельске оставалось некоторое имущество Арсения: иконы, одежда, книги. Канцелярия Архангелогородская предложила императрице спрятать образа в какое-нибудь

неизвестное место, чтобы об Арсении не было никакой памяти, а прочие вещи продать. Так и было поступлено.

Екатерина была в Москве, когда через древнюю столицу провозили Арсения, и Государыня пожелала видеть этого человека, ею с какою-то болезненной страстностью ненавидимого.

Устроили так, что Арсения провозили садом Головинского дворца и сделали там остановку.

Арсений сидел на лавке и дремал, склонив голову на грудь, когда императрица подошла к нему и пристально на него посмотрела.

Арсений не поднял глаз.

Однако же – новый случай его прозорливости – произнес какие-то слова. Императрица зажала уши и быстро отошла от него.

В Тайной канцелярии его допрашивали; быть может, пытали...

Коменданту Ревельскому Тизенгаузену императрица писала: «У вас в крепкой клетке есть важная птичка. Берегите, чтоб не улете- ла! Надеюсь, что не подведете себя под большой ответ. Народ очень почитает его исстари

и привык считать святым, а он больше ничего, как превеликий плут и лицемер».

Содержать Арсения велено было под стражайшим наблюдением, офицерам и солдатам запрещено было с ним говорить. Можно предполагать, что ему надевали на рот заклепку.

Императрица и здесь продолжала брать меры предосторожности против человека, заключенного в тесном каменном гробу. Так, она в другой раз писала коменданту:

«Книги дать ему можете, а денег отнюдь в руки ему не давайте. Он сколько стар, столько и пронырлив. Если же ему нужна будет в белье и одежде, то удовольствуйте его без излишества. А в болезнях велите его лечить и предпишите тем, кои около его, чтоб с ним без грубости обходились».

По приезде в Ревель, Арсений сделался болен. К нему послан был доктор, причем с доктора была взята подписка, что под страхом смертной казни он не будет спрашивать у больного об его имени или звании и до конца жизни не станет говорить о том, даже *минами*.

Ежемесячно в Петербург посылались ра-

порты с донесением, что «известный арестант» содержится по инструкции и «ведет себя тихо».

Действительно, неизвестно никаких резких выходов Арсения в последние годы его жизни.

Он смирился – не пред людьми, а пред всеильною рукою Божию, от которой он решил терпеливо принять свои страдания. Он читал Священное Писание, а на стене своей тюрьмы начертал углем слова: «Благо, яко смирил мя еси».

Существуют изображения митрополита Арсения, относящиеся к этой поре его жизни.

Он стоит у стены своего тесного каземата. Худое, полное еще энергии лицо выражает глубокую мысль. Большие глаза полны великой тоски. Руки как бы от внутреннего страдания, а может от холода, крепко стиснуты вокруг груди. На нем полушубок и треух. Свет проходит чрез маленькое окно, заделанное решеткой. На окне – кусок хлеба. На стене изображен в малых размерах он же в святительском облачении. На обороте надпись *Андрей страдалец*.

26 февраля 1772 года Арсений сильно заболел. Он потребовал к себе священника; пришедший по разрешению коменданта священник принял исповедь умирающего и приобщил его.

На третий день, в 8 часов утра, земные страдания Арсения прекратились. Он перешел к единому истинному и нелицеприятному Судии.

В тот же день вечером, после так называемой «вечерней зари», пред которою бывает перекличка солдат, Арсений был погребен в русской Никольской церкви.

Доселе указывают место его погребения у правого клироса, в приделе Успения Богоматери, который впоследствии был пристроен на могиле Арсения.

Одежду, оставшуюся после узника, велено было раздать нищим. Книги: Евангелие, Псалтирь и святцы – отдать духовнику почившего, Никольскому священнику Кондратову.

Затем со священника и всей команды взята подписка – до конца жизни молчать о всем этом, под угрозой смертной казни.

Так думали изгладить память о несчаст-

ном Ростовском митрополите.

Замечательно, что главный деятельно недоброй памяти Тайной канцелярии, Шишковский, который допрашивал Арсения, вероятно, из чувства раскаяния, по самую смерть свою посылал в Ревель деньги на панихиды по нем.

Трудно судить: было ли то действительно необыкновенное событие или лишь измышление народное, ярко рисующее отношение народа к опальному митрополиту, но вот что передают.

Когда пред смертью Арсения позвали священника напутствовать его, тот, только войдя в каземат, в страхе выбежал оттуда и сказал: «Вы мне говорили, что надо исповедывать и приобщить преступника, а там – стоит на коленях архипастырь в полном облачении».

Тогда пристав вошел со священником в камеру. На койке лежал арестант. Он сказал духовнику: «Сын мой, пред тобою не митрополит, а недостойный раб Арсений, идущий отдать отчет Господу Богу о своей жизни. Виденное тобою чудо есть знамение Господне

неизреченной милости Божией: это значит, что душа моя скоро отлетит от скорбного тела». Напутствовав страдальца, священник попросил у него благословения. Умиравший дал ему на память о себе свой молитвенник, на котором была надпись: «Смиренный митрополит Ростовский Арсений».

В стариной тетради сохранилось и другое описание. Находясь в пути, ссыльный упросил сопровождавших его остановиться у ближайшей церкви, чтобы ему исповедаться и причаститься. Во время обедни, когда открылись Царские врата, все увидели Арсения в архиерейском облачении. Он причастился у престола, как и положено духовному лицу. Затем принял прежний вид.

Тщетно старались изгладить из памяти народной составленный из столь резких определенных черт сильный образ Арсения. Он привлекает к себе все больше и больше сочувствия; о нем, с трогательной верой передавая и кое-что из элемента чудесного, о котором только что было упомянуто, знают и говорят во многих православных семьях. Один почитатель его памяти, орловский помещик Лопу-

хин, поставил ему памятник в своем имении.

Несомненно, когда-нибудь личность и дела Арсения Мациевича станут предметом всестороннего ученого исследования. Целью же настоящей статьи было напомнить именно о подвижнической, аскетической стороне и ревности о правде (как он ее понимал) митрополита Арсения.

И помимо чрезвычайной судьбы своей, Арсений заслуживает памяти, как один из ревностнейших в деле духовного просвещения русского народа тружеников, достойный в этом преемник святителя Димитрия, которого кафедру он занимал и которого открыл мощи, составил и житие его, и службу ему. Как горячий защитник православия против лютеранства, когда оно сильно было и в самых высших слоях, как глубоко сознательный патриот, приверженец всего того доброго, чем крепко и славно было русское прошлое, митрополит Арсений представляет собою личность в высшей степени замечательную.

В заключение приведем прекрасные слова о нем из книги И. Снегирева, по которой и составлена эта статья.

«Почти вся жизнь Арсения представляет нам непрерывную борьбу то с духовною и светскою властью, то с раскольниками и вольнодумцами, то с личными его врагами и гонителями. В его поступках обличается его твердый до упорства, прямой до упрямства характер, который не поддается власти и не уступает силе, когда действия их не согласны с его убеждениями и правилами. Его личных убеждений не поколебали ни царский гнев, ни восстание на него собратий, ни лишение святительского сана, ни истома в мрачной и душной тюрьме, ни розыски Шишковского, ни угрожавшая ему смертная казнь. Обрекши себя на жертву за право собственности духовенства, Арсений действовал не тайно, не ухищренно, но прямо, открыто, писал и говорил смело, с самоотвержением, потому что смотрел на дело свое как на дело Божие, за которое стоять и жертвовать собою вменял себе в священную обязанность... Народ, сострадавая о нем как о несчастном пастыре, почитал его правдивым, благочестивым, ревностным поборником православия».

Глава VIII

**Из архиерейской жизни XVII века.
Несколько типов архиереев**

В содержательнейшем и интереснейшем труде П.В. Знаменского – из эпохи Екатерины II – содержится яркая картина архиерейского быта того времени, и мы воспользуемся его рассказом для ознакомления с этим бытом и с типичными представителями архиерейства той эпохи.

Для домовых услуг архиереям дозволено было брать из прежних их вотчин по 40 и свыше служителей, так как при тогдашнем развитии крепостного права решительно невозможно было приискать достаточного числа вольнонаемной прислуги ни для какого учреждения более или менее обширного. Но с этими обязанными слугами на первых порах было очень много хлопот по архиерейским домам. Сделавшись казенными, крестьяне не хотели идти в холопскую службу к своим прежним вотчинникам, тем более что для нее надо было отрываться от своего соб-

ственного хозяйства и пашни. Известно, что и в последнее время до эмансипации крестьян служба при монастырях и архиерейских домах заменяла для экономических крестьян солдатчину и неслась с большой неохотой. После издания штатов 1767 года эти невольные служители бегали из архиерейских домов, и последние должны были для возвращения их пользоваться помощью полиции и военных команд. Так, например, случилось в Тамбовской епархии, где почти все служители, взятые из вотчин, разбежались из архиерейского дома и возвращены были назад не ранее года при помощи военной команды, которая должна была силой принуждать их к повиновению. Прибавим ко всему сказанному еще то, что вместе с изданием штатов уничтожено было церковное тягло, вследствие чего архиерейские дома лишились важного источника дохода – сборов с церковью и духовенства.

Архиереям приходилось отказывать себе во многих привычных расходах для того, чтобы сводить концы с концами в своем хозяйстве, а между тем век Екатерины был веком

необыкновенной пышности, требовал от них вельможеской обстановки, громадных расходов на кареты, бархатные рясы, посохи, на гайдуков и вершников, на хоры певчих, наконец, на широкие и разорительные приемы всей губернской знати по праздникам. Все это было так принято в то время, так обязательно и, может быть, так нужно для поддержания начальственного величия и сильно поколебленного авторитета святительского сана, что архиереи один перед другим соревновались в пышной обстановке более, чем в прежнее, лучшее для них, время. Мы уже знаем касательно этого предмета несколько выразительных фактов из биографии Амвросия Зертис-Каменского и митрополита Платона. Даже такие архиереи, которые по своему характеру менее всего способны были к роскоши, должны были невольно удовлетворять вкусу времени.

Митрополит Гавриил – суровый аскет в домашней жизни, питавшийся одной кашницей с сухарями, – в публике и при блестящем дворе являлся в богатой одежде и знаках своего сана, усыпанных жемчугами и алмазами, за-

давал дорогие обеды частым гостям и даже отступал иногда от строго хранимых им правил поста. Некоторые архиереи для большей пышности богослужения в особенно торжественные дни приглашали парикмахеров, которые перед обедней завивали и пудрили по требованию современной моды певчих и даже иподиаконов, служивших при облачении архиерея. В разных епархиях доселе еще свежи предания о блестящей обстановке архиереев екатерининского времени.

Вот отрывок из воспоминаний современника (купца Сухорукова) о Вениамине Казанском: «В собор ездил к служению от загородного своего дома очень церемониально: большой экипаж, по тогдашнему названию берлин, весь блистал золотом; упряжь в 6 лошадей всегда была в шорах, кучер на козлах одет в немецкий кафтан с огромными обшлагами и в треугольной шляпе, с длинным в руках бичом. Впереди кареты ехали 2 вершника в зеленых епанчах, один в руке держал архиерейскую мантию, другой – посох. По приезде к собору, по выходе из берлина, преосвященный надевал на себя мантию, брал посох и

так входил в церковь».

Подобные же рассказы сохранились и о преемнике его Антонии (Зыбелине), о Дамаскине (Рудневе) Нижегородском, который своею слишком роскошною и светской жизнью навлек на себя даже неудовольствие духовного начальства и получил письменный выговор от митрополита Гавриила, и о многих других архиереях. Второй преемник Вениамина Казанского – Амвросий Подобедов – по роскошной и широкой жизни, по пышности в богослужении и светской ловкости получил в Казани название «прелата». В загородном архиерейском доме, называемом Иерусалимом, который он великолепно обстроил, часто устраивались летние вечера, на которые съезжались представители казанского общества: помещики и люди чиновные с женами и дочерьми. Давались празднества с пением архиерейских певчих, иллюминацией, фейерверками и великолепными ужинами. Казанское дворянство очень любило гостеприимного

Амвросия, слава о нем достигла до Петербурга. Екатерине всегда нравилось, если архи-

ереи живут в ладах с дворянами.

Были особого рода торжества, очень дорогие и вместе обязательные для архиереев, которые они несли как повинность, наряду с другими губернскими начальствами: по случаю радостных государственных событий, семейных радостей Высочайшего дома и некоторых табельных праздников. Торжества эти совершались обыкновенно сначала губернатором, местным дворянством и горожанами, потом продолжались на счет архиерейского дома, который должен был употреблять при этом все свои финансовые силы, чтобы не отстать от светских верноподданных Государыни – любительницы всяких оваций. Певчие пели концерты или особые канты, для чего разряжались обыкновенно в белые одежды, пудрились, причесывались, снабжались венками и вайями; на архиерейском дворе ставились столы для угощения народа, а в залах приготовлялось пиршество для всей губернской знати, продолжавшееся за полночь, с многочисленными тостами, музыкой, пушечными выстрелами и блестящим фейерверком. До нас дошли подробные описания двух

таких праздников, отпразднованных Костромским архиереем Симоном Лаговым по случаю заключения мира с Турцией «1777 года» и по случаю рождения Великого князя Александра Павловича, в 1778 году. Желающие могут познакомиться с этими описаниями из биографии Симона Лагова, напечатанной в *Страннике* за 1870 год.

Штатной суммы далеко не хватало для одной приличной по-тогдашнему обстановки, а между тем главным образом на архиереях же лежало множество других, еще более существенных расходов на епархиальные и учебные нужды. Особенно настоятельны были нужды духовно-учебных заведений, для которых штаты, вопреки всем блестящим обещаниям правительства в начале дела о секуляризации церковных вотчин, на деле оказались крайне скупы и которые почти по-старому остались на содержании от епархиальных средств. Из епархий стало посылаться в Петербург множество просьб о прибавочных ассигновках, преимущественно на постройки или поправки кафедральных соборов, архиерейских домов и семинарий. Но на большую

часть подобных просьб из Петербурга присылали отказы. Можно сказать вообще, что получить что-нибудь лишнее против штатных ассигнований могли только те из архиереев, которые пользовались почему-нибудь вниманием императрицы или которых она считала неловким обидеть, а также те, которые успевали сообщить ей о своих нуждах лично во время проезда ее через их епархии, когда она особенно любила сиять щедростью. Примеры отказов были иногда довольно замечательны. Так, после пугачевского разгрома Казани императрица по первому впечатлению при известии об этом бедствии велела Казанскому губернатору князю Мещерскому составить подробную смету для необходимых поправок архиерейского дома, кафедрального собора, семинарии и новокрещенских школ. Мещерский составил смету на означенные духовные учреждения в 54 541 рубль. Епархиальное начальство с нетерпением ожидало утверждения этой сметы, ждало долго и не дождалось. В 1788 году указом Св. Синода было предписано, чтобы ветхости в означенных зданиях исправлены были на сумму, отпускаемую по

штатам, отнюдь не требуя больше из казны.

Мало-помалу, с распространением образования, изглаживалась та грубость, которая отличала раньше отношения многих владык к их подчиненным и пример которой мы видели в обращении начальства с Гедеоном и Платоном. Само собою понятно, что новые требования не могли вдруг проникнуть в практику епархиальной жизни. Отношения к подчиненному духовенству и высших, и низших его властей долго еще удерживали черты прежней грубости и суровости, против которых восставало новое время. В начале правления Екатерины, уже после уничтожения церковного тягла, по епархиям оставалось довольно архиереев, представителей старого иерархического духа.

Таковы, например, были Тамбовские архиереи Пахомий Симанский и Феодосий Голосницкий. Первый сделался известен своей суровостью еще при императрице Елизавете, по случаю сурового разбора духовенства, причем попавших в подушный оклад церковников он властной рукой раздаривал в крепость разным своим знакомым помещикам, как

своих крепостных.

«Беда была, – рассказывал о нем автор описания Тамбовской епархии, – священнослужителю подпасть ему под суд. Виновных схватывали и везли в консисторию, причем грубые консисторские приставы на счет их же домового имущества при самом их аресте брали себе большую плату за свой труд. Затем арестанты попадали в консисторскую тюрьму, где их и держали неопределенное время; никаких объяснений и оправданий от них не принималось, да и трудно было оправдываться из крепкой тюрьмы. Нередко священнослужительские жены и дочери-девицы отправлялись пешие в Синод и там получали справедливую защиту своим мужьям и отцам; но оправданный все-таки непременно должен был перейти в другую епархию, потому что тут ему уже было не житье.

От притязаний архиереев бежали из епархий и многие другие. Замечательно, что вины преступников, подвергавшихся тяжким наказаниям, состояли иногда лишь в простом неосторожном слове пред архиереем без всякого умысла. Ставленники должны были пла-

тить перед поставлением по 10–50 рублей на колокола, до которых Пахомий был страстный охотник. Кто не давал, тот получал отказ в посвящении, а то даже попадал под плети или в консисторскую тюрьму.

Вместе с дьячками эти ставленники должны были нести на себе тяжкие работы в пользу архиерейского дома в течение иногда пяти лет, их заставляли рыть рвы около архиерейского дома, выкладывать их дерном, носить кирпичи на колокололитный завод, очищать место для конюшенного двора, бить на реке сваи для постройки архиерейской бани, переправлять по реке лес из архиерейских дач для построек при архиерейском доме, возить на себе снег и прочее. Во время этих работ они доходили до крайней нищеты, в лохмотьях отправлялись в Св. Синод жаловаться и просить посвящения на какие-нибудь места в других епархиях. Св. Синод неоднократно посылал Пахомию строгие выговоры, наконец в 1766 году перевел его в Устюг на место Феодосия Голосницкого, которого перевел в Тамбов на его место. Но и в Устюге в первый же год он возбудил против себя такую ненависть и

злобу и столько жалоб, что Св. Синод нашелся вынужденным совсем уволить его на покой, сначала в московский Новоспасский монастырь, потом в Андроников, где он и умер в 1789 году. Любопытно, что и в том, и в другом монастыре памятником его пребывания осталось несколько вылитых им колоколов.

Архиереи этого типа кончали дурно при Екатерине. Новое время требовало новых архиереев, с новыми понятиями и нравами. Век Екатерины, выставивший столько блестящих исторических личностей на разных поприщах государственной и общественной деятельности, оставил после себя достаточное количество славных имен и на страницах нашей церковно-административной жизни. Замечательно, что все почти лучшие люди в ряду тогдашних наших архиереев были из великорусских уроженцев и воспитанников великорусских учебных заведений. Свежие силы, доселе сдавленные под гнетом устаревшей уже по своему направлению, но все еще ревнивой к своей власти и первенствующему положению малороссийской партии иерархов, на первых порах выступили на свое истори-

ческое поприще с необыкновенной энергией.

Первое место между этими новыми иерархами мы, разумеется, должны дать святителю Тихону Воронежскому. Жизнь его требует внимательного, долговременного и притом практического изучения для всякого церковного деятеля и христианина. Мы можем коснуться ее теперь только в нескольких беглых и слабых чертах.

Это был человек преимущественно живого практического направления, у которого мысль и дело не расходились, который не мог успокоиться на одних идеях, как большая часть передовых людей его времени, вполне удовлетворявшаяся не только идеями, а иногда просто одними ходячими тогда модными фразами, но неудержимо стремился воплотить эти идеи в живой практике.

Направления этого не могла ослабить в нем ин тогдашняя семинарская наука, отличавшаяся схоластическими отвлеченностями и совершенно чуждая народности, ни усиленный аскетизм, которому он предавался и который менее живую натуру легко мог замкнуть в религиозном эгоизме, отчуждении

от всего внешнего и в исключительных заботах об одном собственном духовном благе и вечном спасении.

Своим богословским знаниям он сумел придать глубокую жизненность и народность, сумел соединить свой аскетизм с замечательной практической деятельностью, строжайшую мораль по монастырским правилам с живым пониманием всех человеческих слабостей и любовным к ним снисхождением, высокий нравственный идеал с требованиями действительной жизни и ее разными случайностями.

Образ его, каким его рисует перед нами его житие, от этого в высшей степени человечен, а оставшиеся после него творения по своей жизненности и популярности представляют образец христианского нравоучения, равный которому мы едва ли найдем в нашей церковной литературе.

Сын бедного и многодетного дьячка Новгородской епархии, оставшийся сиротой с самого младенчества, он рано вытерпел все невзгоды нищего и голодного люда и практически познакомился с жизнью бедного про-

стонородья. Мать едва не отдала его в работники к одному ямщику, и только старший брат его, бедный причетник, заступился за него, оставил при семье, дал возможность выучиться грамоте, потом включил его на последние свои крохи в Новгородскую семинарию. Но крох этих было немного у брата-благодетеля. Дома 14-летний Тимофей (мирское имя святителя Тихона) должен был зарабатывать хлеб, нанимаясь в поденщики к богатому мужику; в семинарии нанимался у огородников копать гряды, пока не попал в благотворительную бурсу. Но и в бурсе житье было очень бедно, давали только хлеб и приют. Он должен был лишать себя половины казенной порции этого хлеба, чтобы, продав накопленные таким образом куски его, купить себе на вырученные деньги свечку для занятий. Товарищи смеялись над его драными лаптями, и, найдя их под койкой, начнут, бывало, ими махать на него с припевом: «Величаем тя!» Но и эти лапти были слишком роскошной для него обувью, так что он старался обходиться и без них.

Так прошли все годы семинарского курса.

Затем в жизни его, как лучшего воспитанника, следовали учительство и монашество, к которому он всегда чувствовал внутреннее призвание, и обычные передвижки по учительским и монашеским степеням до архимандритства и семинарской ректуры (в Тверской семинарии). Он стал иметь достаток, мог вызвать к себе на житие бедную сестру, которая доселе кормилась в Короцке поденной работой, нанимаясь у обывателей мыть полы. Но, поднявшись на такую служебную высоту, молодой архимандрит не забыл, как другие его собратья, своей прежней жизни, остался таким же, каким был в семинарии, человеком простым, другом народа, горячо симпатизирующим жизни бедных простолюдинов, прибежищем всех голодных и холодных. Его шесть книг «об истинном христианстве», которые остались памятником его богословского преподавания в Тверской семинарии, показывают, что его прямой, здравый и практический ум не был поработан и испорчен господствовавшей тогда в богословии схоластикой, не приучился к пустой игре в одну диалектику. Каждая страница этих книг свиде-

тельствует, что он менее всего склонен был показывать разные фокусы богословской диалектики и всегда имел в виду лишь выяснить взятую для изучения богословскую мысль по разуму Православной Церкви, выяснить как можно короче, доступнее для всех, даже самых простых слушателей, и, кроме того, сделать эту мысль началом для их жизни и деятельности. Следы такого направления богословской науки мы замечаем у всех ученых великороссов того времени, старавшихся оживить богословие после вредного для него влияния мертвящего духа киевской схоластики; но никто в этом случае не превзошел еще св. Тихона. Замечательно, что, имея в виду религиозное образование народа, он едва ли не первый из наших церковных деятелей пришел к мысли о необходимости перевести Священное Писание на общедоступный русский язык и даже приступил к этому труду, но скоро оставил его, убоявшись соблазна для тех, которые привыкли к славянскому переводу.

Великороссы только лишь начали тогда подниматься на высшие церковные места. Димитрий Сеченов, общий их покровитель,

заметил Тихона и в 1761 году сделал его своим викарием.

Смиренный архимандрит не думал попасть на высокий пост епископства – мечтой его было выстроить себе скромную келью в монастыре и уединиться в ней для аскетических подвигов, отказавшись и от тех должностей, какие он нес по управлению семинарией в монастыре. Он со слезами расстался со своею тверской) братиею и поехал в Петербург, на посвящение.

В Новгороде его с немалым смущением ждали его товарищи, которые некогда смеялись над его нищетою, а теперь, будучи на разных церковных местах, вдруг попали к нему под начальство, со смущением ждала также благодетельствованная им сестра.

Но когда он прибыл, все увидели, что он нимало не изменился от почестей, остался тем же простым и незлобивым. На епископстве его заметила сама Екатерина, тогда озабоченная замещением важнейших иерархических должностей новыми людьми из великороссов ввиду готовившихся церковных реформ; и на другой же год по восшествии сво-

ем на Российский престол указала дать ему самостоятельную епископскую кафедру в Воронеже.

Первой его заботой здесь было завести училищные курсы для бедных детей духовенства, образовать само духовенство, поднять его из унижения, в каком оно находилось в этом диком крае, и возвысить уровень его нравственного развития.

Это был в высшей степени добрый и общедоступный архиерей, совершенно чуждый вельможного духа, успевший связать себя с духовенством какими-то сердечными, почти семейными узами. Он первый из наших иерархов требовал от своих консистористов и других епархиальных чинов, чтобы они уважали духовное лицо как служителя храма Божиего и в самых судных делах обращались со священнослужителями с подобающим почтением. Задолго до правительственных указов, старавшихся смягчить суровый характер епархиальной администрации, в Воронежской епархии уже вовсе не слышно было о прежних суровых и унижительных наказаниях духовенства.

Святитель Тихон относился к духовенству не как владыка, а как старший брат, разделяющий с ним интересы одного и того же священного служения; в самих наказаниях виновным священнослужителям сквозь начальственные распоряжения видим глубоко человеческое любовное отношение к павшему собрату. Есть предания, как, лишив недостойного священнослужителя места, добрый святитель потом делался постоянным отцом и благодетелем как его, так и всего его семейства.

В то же время он с большой энергией старался защитить духовенство от своеволия казачьих начальств и разных светских сильных лиц. Таким же сердечным характером отличалось его отношение к пастве. Для возвышения нравственно-религиозного образования народа он ввел в своей епархии оказывание катехизических поучений и сам часто говорил поучения и издавал сочинения для народа.

Не ограничиваясь этим, он являлся сам в дома горожан, когда требовалось его утешение, наставление, пастырское участие в обстоятельствах частной их жизни.

В притоны бедности, в тюрьмы он ходил в рясе простого монаха, с утешением и богатою милостыней, на которую тратил все свое личное достояние.

Проводя подвижническую жизнь, необыкновенно строгий к себе, он был столько же снисходителен к другим, отличался моралью, принимавшей в расчет все человеческие слабости, без духа риторической обрядности, в которую по самой природе своей склонен впадать аскетизм.

Он говаривал иногда, что если бы он управлял монастырем, то лучше бы благословил престарелым и немощным монахам для несения трудов употреблять скоромную пищу, а хмельного питья вовсе не вкушать.

Кротость и смирение его не знали пределов. Горячий от природы и нервный от болезни, он умел до того проникнуться христианскими добродетелями, что до земли кланялся своим келейникам, если видел, что они оскорбились как-нибудь его замечанием; обидевшего его – первый начинал умолять: «Простите меня ради Бога, что я ввел вас в искушение».

Раз в одном доме он стал опровергать одного дворянина, щеголявшего при нем идеями модной философии XVIII века, и при всей кротости своей речи опровергал его так метко, что тот вышел из себя и ударил его по щеке. Смиренный святитель тут же пал ему в ноги и просил у него прощения – это так поразило обидчика, что он расплакался и с тех сделался хорошим христианином.

Простой народ видел в нем отца и заступника пред сильными мира. Он любил беседовать с ними об их нуждах, с опытным знанием их быта вникал в самые мелкие обстоятельства их жизни, и никто не уходил от него без утешения, совета, а иногда – значительного материального пособия. Он не давал себе отдыха от дел, коих всегда много у подобных людей: до обеда имел дело с епархиальными бумагами и толпой просителей, после обеда до полуночи писал свои поучения и пастырские увещевания к духовенству и народу*

Несмотря на молодость, он с тридцати лет вступил на епархию: выдержал только четыре с половиной года этой неутомимой жизни и до того расстроил свое здоровье, что должен

был проситься на покой. В своих прошениях об увольнении он представлял, что не может заниматься делами как должно и сколько должно и потому боится страшного ответа за удержание места своего, но неизбежно должен попускать упущения по болезни.

Св. Синод уволил его на жительство в Задонский монастырь, с пенсией 400 рублей в год. Но, удалившись, он стал думать, что мало сделал для Церкви и общества. Предаваясь монашеским подвигам, св. Тихон в уединении своей кельи продолжал свое общественное служение.

В его жизни как бы воскресло древнее цветущее монашество, так хорошо умевшее соединять аскетизм с общественной деятельностью. В задонской келье написана была большая часть сочинений учительного и народного святителя и множество келейных писем к разным лицам. Она сделалась источником просвещения христианского для обширного круга.

К келье этой стекался народ из далеких окрестностей, чтобы получить благословение и наставление святого человека. Как некогда

древние пустынники, он был миротворцем между окрестными помещиками, заступником крестьян пред их жестокими господами, ходатаем за безвинно осужденных на суде в Задонске и в Ельце. Все, что давали ему знакомые на его потребу, он раздавал неимущим, так что после смерти его у него нашли только образа, книги, несколько никуда не годных вещей из домашнего скарба и 14 рублей денег, которые он не успел раздать. Жизнь его в монастыре, впрочем, относится к истории современного ему монашества, где она занимает собой самую светлую страницу.

В других епархиях с самого начала царствования Екатерины тоже повеяло новым духом.

Несколько позднее свт. Тихона, в 1769 году, посвящен был во епископы его бывший школьный товарищ и друг Симон Лагов и до конца XVIII столетия святительствовал сначала в Костромской, потом в Рязанской епархиях. Воспитанные в одной и той же семинарии под руководством общего покровителя Дмитрия Сеченова, вместе в один день (в Лазареву субботу 1758 года) по его благословению

постриженные, долгое время вместе служившие при Новгородской семинарии, святители Тихон и Симон отличались многими сходными чертами характера.

Биография Симона описывает его святительскую деятельность и дух его управления в чертах иногда дословно одинаковых с житием святителя Тихона.

И у того и у другого видим ту же заботливость о просвещении народа и духовенства, о возвышении нравственного уровня и общественного положения последнего, ту же неутомимую деятельность, ту же почти благодетельность, выражавшуюся в отеческих отношениях к подчиненным, в простоте обращения с ними, в щедрой благотворительности всем нуждавшимся и тому подобное.

Как и Тихон, Симон избегал суровых наказаний и нередко старался по необходимости смягчать строгость благотворительностью к наказанному. Так же любил он общаться с простыми и бедными людьми, являться к ним в рясе простого монаха, неузнанным, для личной помощи в беде и скудости, ходатайствовать за них перед властями, мирить ссо-

рящихся и прочее.

Так же отличался незлобием и прощением в случае обид, сам первый прося прощения у обидчика. Память об этой благодности доброго святителя передана его современниками своим детям и доселе еще хранится на месте его долгого святительского служения.

В Смоленске с 1761 года до конца царствования Екатерины занимал святительскую кафедру бывший ректор свт. Тихона и Симона, потом викарий Димитрия Сеченова, Парфений Ропковский.

В историческом описании Смоленской епархии рассказывают о нем, что он снисходительно сносил грубости духовных лиц, повторявшиеся неоднократно, и употреблял самые мягкие наказания провинившимся, большей частью для того, чтобы «попугать», как он выражался, стараясь смягчить грубые нравы смоленского духовенства своими нравственными вразумлениями и возвышением его образования. «Некоторые распоряжения преосвященного, – читаем здесь, – показывают, что он хотел поставить духовенство в почтительном отношении к мирянам, или, по

крайней мере, избавить его от унижения. Так он запрещал незванным славить, водить сообщество с крестьянами, при освящении церквей – мыла и утиральников не расхватывать, не домогаться за требы сверх положенного».

Сюда же относятся его запрещения священникам при славлении водить за собой по домам свои семейства, а также – деятельные меры против крайнего развития в принтах и монастырях пьянства, которое особенно доставляло скорбь благочестивому владыке.

«Свойства души этого архипастыря ясно выражаются в самом наказании виновных. Хотя телесные наказания священников, диаконов и монахов были запрещены в царствование Екатерины, но много еще оставалось других мер исправления не менее тяжких, а церковников по-прежнему позволялось телесно наказывать при консистории. Но такие наказания при нем были редкостью, большей частью он предписывал заключение в монастырь на черные работы и поклоны».

Если консистория назначала телесное наказание, он его отменял и заменял каким-нибудь из упомянутых, притом с разными смяг-

чениями: «Один священник с дьяконом в нетрезвом виде совершали бракосочетание, и даже неизвестно, окончено ли оно было или нет. Консистория принудила сослать в монастырь на год и того и другого и жить им там на своем содержании. Решение было Великим постом. Преосвященный согласился со мнением консистории, но прибавил от себя: «Объявить им указ на Фоминой неделе, а до того времени приказать благочинному, чтобы наблюдал их, как они святого поста и дни святой Пасхи будут проводить и о том рапортовать.» Может быть, это было уже слишком снисходительное решение, но, по крайней мере, в нем видна вся мягкая, человеколюбивая душа архипастыря».

В обращении с подчиненными он был необыкновенно кроток и общедоступен. Во время обозрения епархии случилось ему присутствовать при литургии в сельской церкви. Диакон от торопливости или смущения читал не то Евангельское чтение, какое положено было в тот день; священник, желая его поправить, употреблял для этого разные жесты. Владыка, обратившись к священнику, заме-

тил: «Оставь его: теперь не время и не место прерывать читающего, хотя он и не то читает, но все равно – святое».

По рассказам современников, лично его знавших, он вообще был человек смиренный, незлобивый, благожелательный всем, милостивый к бедным, нищим, вдовам и сиротам. Стараясь о распространении образования в духовенстве, он с особенной любовью заботился о местной семинарии, много на нее жертвовал, сам наблюдал за ходом преподавания и успехами учеников, с которыми обращался очень ласково. Часто с раннего утра приходил он в классы, закупив по дороге кренделей и булок для подарков более успешным мальчикам, слушал вместе с ними утренние молитвы, спрашивал уроки и присутствовал на лекциях. Пользуясь уважением императрицы, которая сделала его пожизненным членом Св. Синода, он успел испросить у нее значительную прибавку к скудному окладу семинарии (прибавка в 2500 рублей) и, кроме того, в разные времена получил от монарших щедрот до 10 000 рублей на постройку собора, в пользу соборян, и для вдов и си-

рот. Нестыжательность и щедрость его простиралась до того, что он никогда не имел у себя ни денег, ни лошадей с экипажами, ни разных иногда необходимых вещей, был постоянно должен эконому архиерейского дома, забирая свое жалование за несколько месяцев вперед. И кроме того, часто занимал по мелочи, например по одному рублю, у казначея, келейника или у кого-нибудь другого, кто около него случится, но никогда не отказывал обращающемуся к нему за помощью.

По смерти его в 1795 году Смоленская консистория рапортовала Св. Синоду, что покойник завещал, по отдаленности Смоленской епархии от других и по малому количеству оставшегося после него имущества, для погребения его не просить никого из епархиальных архиереев.

К этому же разряду тогдашних святителей нужно присоединить митрополита Гавриила. Не увлекаясь духом современного вельможества, к коему более других его собратий могли располагать его и высота почестей, и окружавшая его придворная среда, он до конца дней своих сохранял монашескую простоту в

обращении и с высшими и с низшими, был доступен для всех, кто имел до него надобность, и под суровой наружностью проявлял доброе и любящее сердце, которое откликалось на всякий призыв нуждающегося. Благотворительность его была известна всем, и в архиве конторы новгородского архиерейского дома сохранилось множество просительных к нему писем от разных лиц духовного и светского звания с его общественными решениями.

Интересны отношения некоторых преосвященных к подведомственным им чиновникам.

В Московской и других великорусских епархиях провинившихся чиновников оставляли иногда без обеда, как школьников, или сажали в канцелярии под арест на хлеб и воду. В малороссийских епархиях такого рода школьная дисциплина в кругу консистористов была еще сильнее: так, в Киевской консистории приказные, все помещавшиеся в кафедральном монастыре, были подчинены в 1768 году архивариусу – иеромонаху, которому дана была для наблюдения между ними

дисциплины особая инструкция. По ней он должен был смотреть, чтобы все приказные ложились спать в 9 часов вечера, вставали в 3 часа утра, в четвертом и пятом часу одевались и завтракали, потом до часу занимались делами, в час обедали, причем чтобы хранили за столом благочиние, не шумели, не кричали, посуды никакой не били и не ломали; после обеда они могли уходить в город или к знакомым монахам в самом монастыре, но не иначе как отпросившись у архивариуса. В праздники архивариус должен был вести их в церковь и ставить на клиросе для чтения и пения, и прочее.

В записках Добрынина находим еще более живые материалы для характеристики положения консисторских приказных. Раз, например, Кирилл Флоринский вздумал попышнее отпраздновать свои именины: назвал знатных гостей и приготовил пир, но так как для этого у него не было достаточного количества прислуги, да и та, какая была, не годилась по грубости и пропойству, то он распорядился, чтобы из консистории явились к нему для услуг два канцеляриста, стряпчий, двое под-

канцеляристов и двое келлиистов. «Каждому, – рассказывает Добрынин, – определил я должность: одному поручил подсчитать серебро, другому белье, третьему стекло. Стряпчему, как блюстителю интереса, приказал быть в кухне, чтобы кушанье было отпускаемо на стол под собственным его присмотром и наблюдением, дабы паче чаяния иное блюдо не зашло к какому-нибудь старцу в келью по прежнему обыкновению. Остальным приказным приказал быть у перемены тарелок с помощью гостиных слуг».

Глава IX

Подвижничество в XVIII веке

Касаясь характера некоторых представителей русской иерархии XVIII века, нам пришлось познакомиться и с прославленной святостью таких лиц, как св. Митрофан Воронежский и Димитрий Ростовский, с исповедничеством Феофилакта Лопатинского и Стефана Яворского, с высокой аскетической настроенностью Петербургского митрополита Гавриила, с тем глубоким впечатлением, какое производила на современников духовная личность митрополита Платона.

Приведя некоторые отрицательные типы русских иерархов того времени, было бы в высшей степени несправедливо не указать и на светлые, многочисленные в ней, явления.

Глубокое сознание важности и высоты служения духовного лица Христу наполняло митрополита Платона. В том убеждении, что звание священнослужителя так высоко, что один лишь Бог может воздать за него, он очень не сочувствовал мысли императора

Павла, который первый стал награждать духовных лиц орденами, и при первом пожаловании этими орденами нескольких епископов откровенно и прямо изложил в письме к императору свое мнение на этот счет.

В митрополите Платоне вообще нельзя не заметить некоторых черт глубочайшей духовности. И поныне о нем помнят как о праведнике. Место последнего упокоения его в Вифанском монастыре привлекает к себе богомольцев, которые особенно веруют в его загробную помощь детям. И при жизни своей этот великий человек особенно любил детей, покровительствовал им, воспитывал и выводил в люди тех из них даровитейших, с какими сводила его судьба.

Высоко держал знамя православия и его сотоварищ, митрополит Санкт-Петербургский и Новгородский Гавриил. Человек сдержанный, молчаливый, он тем не менее смело возвышал свой голос там, где требовало этого достоинство Церкви и верность исконным церковным и праотеческим обычаям.

Типичным примером того является его письмо к министру народного просвещения

графу Завадовскому. До слуха митрополита в 1794 году дошло, что в так называемых «нормальных школах» ведомства народного просвещения не соблюдаются посты, и вот что написал он министру:

«По требованию Вашего сиятельства, я препроводил пятерых семинаристов для приготовления их к учительской должности, в нормальные училища. От эконома того училища первый класс для них открыт – нарушение постов. Один из них имеет отца, который проклиная сына, плачет и бранит меня. Сей опыт подает случай просить Ваше сиятельство, чтобы установления святой Церкви в сем училище хранить. Мы видим плачевный и ужасный пример Франции. Папы разрушили установления Церкви, откуда вышел Вольтер и нынешняя Франция. Они почитали малостью эти уставы. Но эта малость хранила союз между государями и народом. Здесь, говоря истину, усиливается разврат народный; а училище заведено, чтоб поправить нравы. Первые времена России иные почитают непросвещенными; но тогда больше было верности Церкви, приверженности прави-

тельству и больше честности. Долг мой велит просить ваше сиятельство, дабы благословили эконому предписать, чтобы в нормальном училище были соблюдаемы посты. Нарушение их будет всеобщею проповедью для России, что едва ли не преступники закона могут быть учителями закона. Я довольно приметил, что отступление от Церкви начинается нарушением постов. Ваше сиятельство требует в сие училище еще 45 человек, но они, слава Богу, не приготовлены к тому в семинарии. Эконом училища может сказать, что сие дороже будет. Но еще драгоценнее обязанность к Богу, Государю, Церкви и союз России. Покорнейше прошу запретить делать такие своеволия, а приказать держать учеников в правилах Христианской Церкви. Какое Ваше последует о сем определение, прошу меня уведомить. И я, получив это, поспешу препроводить учеников к вам».

Замечательное письмо, выражающее и твердую архипастырскую ревность, и мудрый взгляд на значение постов и на важность послушания Церкви.

Интересны и последствия этого письма.

Граф писал митрополиту, благодаря его за совет и оправдываясь, что на эконома возвели клевету:

«С душевным признанием благодарю Ваше преосвященство за пастырский отзыв, который приемлю, как сын Церкви, благоговеющий ко всем установлениям оной, и глубоко почитающий Ваши святительские наставления... Исследовавши о том, я теперь вновь строго подтверждаю, чтоб все посты соблюдаемы были свято, и уверяю Ваше преосвященство должным моим повиновением, что отселе не услышите о соблазне».

Сам истинный аскет, митрополит Гавриил любил и монашество, покровительствовал истинному иночеству и оказал ему незабвенные услуги.

Он был в сношениях со всеми известными иноками-подвижниками того времени и чрез них, вызывая их к себе и ставя во главе монастырей, вдохнул новую жизнь во многие обители, клонившиеся к внешнему разрушению и к духовному упадку. Он вызвал великого подвижника Назария из Серова и чрез него возвел совершенно захиревший Валаам на ту

высокую степень, на которой Валаам стоит доселе. Через пустытника Адриана был возобновлен Коневец. Он старался подымать упраздненные в 1764 году обители: так, он способствовал восстановлению древнего знаменитого московского Симонова монастыря, который предполагалось обратить в казармы под кавалерию!

У себя в епархии он заводил общежития, и вот имена, чрез общежитие усовершенствованных им монастырей: Валаамский, Коневский, Зеленецкий, Иверский, Тихвинский, Новоезерский, Моденский, Вяжецкий, Дымский, Вишерский, Отенский и Клопский.

Помимо Платона и Гавриила, духовною жизнью особенно прославились иерархи сибирские, которым, быть может, помогла в духовном самососредоточении самая отдаленность их от Петербурга, где так увлекательна игра честолюбия, столь пагубная для монаха.

Святой Иннокентий, первый епископ Иркутский, канонизированный в 1804 году (скончался 26 ноября 1731 года), из малороссийского дворянского рода Кульчицких; митрополит Тобольский Филофей (Лещинский),

назначенный на кафедру взамен святителя Димитрия Ростовского и проповедовавший инородцам Сибири Христа, уже оставил по болезни кафедру и принял схиму с именем Феодора; заслуживший прозвание «просветителя Сибири» Иоанн Максимович, митрополит Тобольский (преемник по Черниговской кафедре святителя Феодосия, первый испытанный на себе чудотворную силу святителя), Павел Копюскевич, митрополит Тобольский, выразивший императрице Екатерине протест за отобрание церковных имений и сведенный за то с кафедры (нетленно почивает в великой Киевско-Печерской Лавре), архиепископ Тобольский Варлаам Петров, старший брат митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Гавриила, – вот светлый сонм сибирских иерархов-подвижников, которых по сей час помнит Сибирь и почитает за праведников.

Из восстановителей монастырей особенно замечателен старец Феодор Ушаков, происшедший из родовитой дворянской семьи и тайно оставивший службу в гвардии, чтобы подвижничать. В возобновленной им Санак-

сарской (Нижегородской губернии) обители собралось много истинных рабов Божиих, привлеченных чрезвычайно строгою, суровою жизнью. Многие из учеников отца Феодора сами были потом настоятелями и обновителями монастырей.

Из лиц, основавших новые обители, особенно памятен схимонах Иоанн, основавший знаменитую Саровскую пустынь на уединенной горе, среди темниковских лесов, на месте, где некогда стоял сильный татарский город Сараклыч. Схимонах Иоанн был оговорен в каких-то политических умыслах одним из клеветников, столь распространенных во время бироновщины, и умер в Петербурге в узах, измученный допросами Тайной канцелярии.

Из женщин, ведших высокодуховную жизнь, особенно замечательны: первоначальница Серафимо-Дивеевского монастыря Агафья Симеоновна Мельгунова и петербургская блаженная Ксения.

Владимирская помещица Агафья Симеоновна Мельгунова, рано лишившись мужа, посвятила себя подвижничеству и приняла постриг, по-видимому тайный.

В странствованиях своих, идя из Киева в Саров, она присела отдохнуть у церкви в селе Дивееве, в 12 верстах от Сарова, и имела тут видение. Пречистая Дева, являвшаяся ей в Киеве с повелением идти на север России, теперь поручала ей воздвигнуть на этом месте храм во имя чудотворной Ее иконы Казанской, и при этом, по преданию, произнесла следующее обетование:

– «Вот то самое место, которое Я повелела тебе искать на севере России, когда еще в первый раз являлась тебе в Киеве: и вот здесь предел, который Божественным Промыслом положен тебе: живи и угождай Господу Богу до конца дней твоих; и Я всегда буду посещать место это, и в пределе твоего жительства Я осную здесь такую обитель Мою, равной которой не было и не будет никогда во всем свете: это четвертый жребий Мой во вселенной. И как звезды небесные, и как песок морской умножу Я тут служащих Господу Богу и Меня Приснодеву, Матерь Света, и Сына Моего величающих. И благодать Всесвятаго Духа Божия и обилие всех благ земных и небесных с явными трудами человеческими

не оскудеют от этого места, Мною возлюбленного».

В продолжение двадцати лет Агафия Симеоновна подвизалась в Дивееве, жила в отдельной келье. Кроме занятий постоянной молитвою и чтением священных книг, она, забыв свое происхождение и богатство, во исполнение слов апостола: «Аще и можеша свободен быти, больше поработи себе» – пребывала в трудах: у местного священника исправляла всякую домашнюю и черную работу; когда у бедных крестьян хлеб долго оставался на корню, она тихонько ходила на поле, ожинала и вязала в снопы, пеклась о детях, оставленных без присмотра, творила тайную милостыню, ходила за больными; бедным невестам, в сохранении от греха, давала приданое, на венчание вышивала головные уборы и дарила полотенца; по праздничным дням делала крестьянам разные наставления. Когда свирепствовал Пугачев, старица умолила Господа об избавлении их края; также, по ее молитвам, миновал их голод. Свое имение, состоявшее из 700 душ крестьян, она, по совету старцев, продала таким господам, которых

выбрали сами крестьяне – хотя и за менее выгодную цену, чем предлагали другие покупщики.

На вырученные с имения деньги и на свой наличный капитал Агафия Симеоновна вместо бывшей деревянной церкви воздвигла каменный храм с двумя престолами; незадолго же до кончины, пригласив к совместному житию несколько благочестивых женщин простого звания, положила начало общине. По кончине основательницы число сестер умножилось, и к 1826 году их было до сорока.

Отцу Серафиму пришлось видеть старицу Агафию перед ее смертью: он был еще тогда иеродиакон и сопровождал старцев Саровских, совершавших над умиравшею таинство елеосвящения. Со слезами просила больная не оставлять ее сирот. И отец Серафим исполнил ее волю, возрастив Дивеево.

Блаженная Ксения юродствовала в царствование Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Званием она была полковница, но одевалась как самая бедная, нищая женщина, постоянного пристанища не имела: днем она, юродствуя, ходила по Петербургу, ночью мо-

лилась на церковной паперти или в открытом поле.

Одаренная даром прозорливости, она пользовалась большим почитанием, особенно среди простого народа.

После кончины ее народное усердие к памяти ее постепенно принимало все большие размеры. И теперь непрерывно сменяются множество богомольцев в часовне над могилой «рабы Божией Ксении» на Смоленском петербургском кладбище.

Во всех классах петербургского общества распространена глубокая вера в благодатную силу блаженной Ксении, к которой прибегают во всех важных событиях или затруднительных случаях жизни.

Заканчивая это краткое и неполное обозрение духовной жизни русского народа в XVIII веке, не можем не остановиться на следующем выводе.

Как глубоко ни взволновало русскую жизнь то братание с Западом и некоторое духовное ему подчинение, которое повлекла за собою широкая преобразовательная деятельность Петра Великого, Русь из этого столкно-

веня вышла победительницей, осталась Русью. И в обществе, переряженном в иноземное платье, заговорившем на иноземных языках, таились подспудные, чисто русские силы.

Мы не говорим о простом народе, до которого западные веяния не дошли. Но и высшие классы в XIX веке, который нельзя не считать во многом отголоском предшествующего ему XVIII века, дали высокие образцы истинного русского подвижничества.

И потому можно сказать, что и из столь бурного для Церкви XVIII века Россия вынесла неистраченным главное свое народное сокровище, главную свою народную похвалу — православие.